

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

**КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА**

На правах рукописи

УДК 811.11:81.44:81.362 (043)

ГУЛЗАДА АЗИМКАНОВНА БЕКСУЛТАНОВА

**КОНЦЕПТ «TҮС/FARBE/ЦВЕТ» В ПРОВЕРБИАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА**

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Научный консультант: д.ф.н., проф. Зулпукаров К.З.

БИШКЕК-2024

Содержание:

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ.	5
Введение.....	6
Глава 1. Теоретические основы исследования концепта цвета в научной литературе	17
1.1. Краткий экскурс в историю изучения цвета.....	17
1.2. Цвет в лингвистике.....	23
1.2.1. Понятие о цвете: проблема выделения основных цветов	23
1.2.1.1. Цвет в германистике	33
1.2.2. Подходы к исследованию цветных номинаций в лингвистике.....	41
1.2.3. Символика цвета в культуре и обществе: исторические, культурные и психологические аспекты	46
1.3. Языковая картина мира	53
1.3.1. Цветовая картина мира как фрагмент языковой картины мира	55
1.3.2. Цвет с когнитивной точки зрения	58
1.4. Понятие концепта	67
1.4.1. Концепт: проблема определения.....	67
1.4.2. Классификация концептов и их строение	74
1.4.3. Подходы к изучению концепта в лингвистике	79
Выводы по 1 главе.....	83
Глава 2. Концепт «цвет» в проverbsиально-языковой картине мира (Материалы и методы исследования)	87
2.1. Методология, объект, предмет, методы работы	87
2.2. Proverbsиальное пространство языка	90
2.2.1. Единицы proverbsиального пространства языка	95
2.2.2. Истоки развития немецкой фразеологии.....	101
2.2.3. Становление и развитие кыргызской фразеологии	103
2.2.4. Становление и развитие фразеологии русского языка	109
2.3. Особенности образования колоронимов по названию предметов.....	113
2.4. О парадигме колоронимов как объекте исследования.....	119
Выводы по 2 главе.....	132

Глава 3. Результаты сопоставительного описания колоронимов в немецком, кыргызском и русском языках	134
3.1. Научный аппарат исследования материала.....	134
3.2. Когнитивные модели с цветовым именем.....	136
3.3. Концепт цвета Weiss/ ак /белый	141
3.3.1. Этимологическая характеристика колоронима “Weiss- ак- белый”	141
3.3.2. Когнитивные модели, актуализирующие концепт «Weiss - ак- белый» в провербиальных единицах языка	144
3.4. Концепт цвета schwarz/ кара /черный.....	154
3.4.1. Этимологическая характеристика колоронима “schwarz – кара- черный”	154
3.4.2. Когнитивные модели, актуализирующие концепт «schwarz – кара- черный» в провербиальных единицах языка	156
3.5. Концепт цвета grau/ боз / серый	165
3.5.1. Этимологическая характеристика колоронима «grau –боз-серый»	165
3.5.2. Когнитивные модели, актуализирующие концепт «grau – боз - серый» в провербиальных единицах языка	167
3.6. Концепт цвета rot/ кызыл / красный.....	173
3.6.1. Этимологическая характеристика колоронима «rot-кызыл-красный»	173
3.6.2. Когнитивные модели, актуализирующие концепт «rot-кызыл-красный» ..... в провербиальных единицах языка	176
3.7. Концепт цвета blau / көк/ синий	188
3.7.1. Этимологическая характеристика колоронима «blau – көк- синий»	188
3.7.2. Когнитивные модели, актуализирующие концепт «blau – көк - синий» в провербиальных единицах языка	191
3.8. Концепт цвета Grün/ жашыл / зеленый.....	201
3.8.1. Этимологическая характеристика колоронима «Grün- жашыл - зеленый».....	201
3.8.2. Когнитивные модели, актуализирующие концепт «grün – жашыл- зеленый» в провербиальных единицах языка	204
3.9. Концепт цвета gelb / сары/ желтый	211

3.9.1. Этимологическая характеристика колоронима «gelb - сары - желтый»	211
3.9.2. Когнитивные, актуализирующие концепт «gelb– сары - желтый» в провербиальных единицах языка	213
3.10. О происхождении некоторых колоронимов в языковых семьях Евразии	222
Выводы по 3 главе	233
Заключение	238
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:	246
Иностранная литература:	277
Словари:	282
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	291
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	302
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	309

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ.

ФЕ – *фразеологические единицы*

ПЕ -*паремнологические единицы*

КМ - *картина мира*

ЯКМ – *языковая картина мира*

ЦКМ- *цветовая картина мира*

ККМ – *концептуальная картина мира*

ЦО - *цветообозначения*

КЗ – *компоненты значений*

ДТС – *древнетюркский словарь*

КТФС – *кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү*

КЭСКЯ – *краткий этимологический словарь киргизского языка*

ТСЖВЯ – *Толковый словарь живого великорусского языка.*

ТСРЯ - *Толковый словарь русского языка*

ССРЛЯ - *Словарь современного русского литературного языка*

ФСКЯ - *Фразеологический словарь кыргызского языка (Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү)*

ЭСТЯ - *Этимологический словарь тюркских языков*

DDU - *Duden Deutsches Universalwörterbuch*

DWDS - *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*

WDDS - *Wörterbuch der deutschen Sprache*

БАРС – *Большой англо-русский словарь*

Введение

Данное исследование посвящено сопоставительно-сравнительному изучению цветообозначений в лингвоэтнокультурном пространстве кыргызского, немецкого и русского языков. Колоронимы – многоаспектный объект, предполагающий рассмотрение с позиции не только языкознания, но и физики, химии, биологии, живописи, эстетики, психологии, философии, теологии и других наук. Цветовая лексика имеет обширный состав, сложное функционально-семантическое устройство, специфичное парадигматико-синтагматическое строение, своеобразную стилистику и систему коннотаций, выполняет разнообразные художественно-эстетические, коммуникативные, номинативные, когнитивные, эмоционально-оценочные и другие функции.

Учение о цвете, его физико-химических, биолого-психологических и художественно-эстетических свойствах, лингвистические, гносеологические и социокультурологические вопросы теории цветообозначений были предметом исследования представителей различных отраслей науки. Литература по данной проблематике огромна (<https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-representatsiya-tsveta>, <https://www.dissercat.com/content/eksperimentalnoe-issledovanie-bazovykh->, <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-spetsificheskaya-kharakteristika-kontsepta-svet-tsvet>). Знакомство с научной литературой по данному лингвокультурологическому направлению позволяет нам заключить, что в лингвистической цветологии имеются некоторые важные проблемы, которые нуждаются в специальном рассмотрении и решении.

Актуальность темы исследования:

В последние годы наблюдается все более возрастающий интерес к лингвокультурологическим исследованиям концептосферы разносистемных языков. Концепт «түс/Farbe/цвет» является одним из наиболее сложных

концептов, т.к. понятийная, оценочная и образная составляющая исследуемого концепта зависит от этнических особенностей носителей конкретной лингвокультуры, поэтому важно лингвокультурологическое исследование данного концепта на материале разных языков, не похожих генетически и типологически. Данный концепт как базовый компонент национальной культуры исследуемых языков является необходимым для понимания особенностей их национального характера. Опыт изучения ключевых концептов в лингвокультуре этих языков, открывает новые перспективы современных исследований в сопоставительной типологии исследуемых языков в русле антропоцентрической парадигмы, что обуславливается тем, что они являются национально-специфичными и взаимосвязанными между собой. Они в какой – то мере служат ключом к пониманию мировоззрения данных народов. Необходимость данного исследования обусловлена тем, что цветообозначения занимают важное место в системе фразеологизмов, обладая широким спектром ассоциативных значений и сильным эмоционально-экспрессивным воздействием.

Выбор темы исследования соответственно обусловлен рядом факторов, значимых для теории и практики сопоставительного языкознания:

- 1) неизученностью состава и семантики кыргызских колоронимов в контексте их немецких и русских эквивалентов и с позиции их происхождения;
- 2) важностью сопоставления системы хроматических концептов немецкой и русской языковых картин мира с кыргызскими соответствиями для лексико-семантической и когнитивно-языковой типологии и лингвистической цветологии;
- 3) необходимостью установления количественного и качественного состава цветовых маркеров в каждом из сопоставляемых языков для определения цветовых концептосфер их носителей;
- 4) значимостью выделения и описания коммуникативной, когнитивной, семиотической, информативной, интегрирующей, таксономической, экспрессивно-оценочной, художественно-эстетической и других функций

цветообозначений (слов, фразеологизмов, речевых формул и т.д.) для теории колоронимов и функционально-типологического языкознания;

5) пригодностью материалов и результатов исследования для практики преподавания немецкого и русского языков в кыргызской школе и аудитории, для усвоения кыргызскими школьниками и студентами цветообозначающей лексики второго языка.

Связь работы с научно-исследовательскими программами и проектами. Работа инициативная.

Цель исследования заключается в раскрытии содержания концепта «цвет» в лексико-семантическом и провербиальном пространстве кыргызского, немецкого и русского языков и в выявлении их универсальных и национально-специфических свойств.

Для достижения цели работы нами были поставлены и решены **следующие задачи:**

- определить методологический и понятийно-терминологический аппарат исследования, необходимый для сопоставительного рассмотрения лексических и фразеологических номинантов концепта «цвет»;
- рассмотреть концепт «цвет» и его немецкие, русские и кыргызские экспоненты с позиции функционально-типологического языкознания;
- охарактеризовать концептуальные основания цветовой картины мира у носителей сопоставляемых языков в аспекте когнитивного языкознания;
- произвести моделирование ассоциативно-вербальной сети как один из приемов изучения менталитета и языкового сознания носителей разноструктурных языков;
- выявить роль метафоры и метонимии в смысло-, слово- и фразообразовательной деривации цветообозначающих лексем;
- изучить представленность эталонов базовых цветообозначений, а также их лексико-семантических вариантов по данным фразеологических словарей немецкого, кыргызского и русского языков для выявления в них универсальных и идиоэтнических черт;

- определить и описать коннотативные значения базовых цветоименований посредством метода когнитивного анализа;

- создать и внедрить модели, позволяющие реконструировать содержание базовых концептов цвета, представленных в проverbsиальном пространстве немецкого, кыргызского и русского языков;

- определить универсальные и национально-специфические особенности номинантов концепта «цвет» на лексико-фразеологическом уровне языка.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые

- выявлены универсальные и национально-обусловленные компоненты и признаки базовых концептов цвета в проverbsиальном пространстве исследуемых языков;

- осуществлено реконструирование когнитивных оснований семантики цветообозначений сопоставляемых языков;

- определены и описаны особенности языкового сознания и ментальности представителей немецкого, кыргызского и русского этносов в сопоставительном плане путем анализа цветового восприятия ими действительности;

- выявлены и охарактеризованы когнитивные модели цветообозначений, лежащих в основе мировосприятия носителями немецкого, кыргызского и русского языков;

- установлена этимология некоторых межъязыковых колоронимов с позиции ностратики;

- введено понятие концептуального ядра в моделирование процессов употребления цветоимен во фразеологических оборотах трех языков.

Практическая значимость полученных результатов исследования состоит в возможности их использования в лекционных курсах по общему языкознанию, лексикологии, семасиологии, стилистике и фразеологии, на практических занятиях по немецкому и русскому языкам в кыргызской школе и аудитории. Их можно использовать при изучении теории перевода и в

переводческой деятельности, при составлении двуязычных, толковых и учебных словарей для школы. Материалы диссертации могут быть полезными для авторов квалификационных работ, магистерских диссертаций, а также для научных докладов специалистов по сопоставительной лексикологии.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Цветобозначающая лексика имеет четко ограниченный состав. Семантический объем и смысловая структура соответствующих слов в трех языках весьма различны и устроены асимметрично.

2. Универсальными компонентами концепта «цвет» можно считать зрительный, светоцветовой, тактильный, вкусовой и обонятельный образы, а также совпадающие в трех языках когнитивные признаки концептов цвета, тогда как национально-культурная специфика ярко выражена в паремиологической, социально-культурной зонах, а также в наличии лакунарных когнитивных признаков.

3. Колоронимы не монолингвальны, а носят межъязыковой и межкультурный характер. Изучение их этимологии предполагает сравнение фактов разных родственных и неродственных языков.

4. В немецкой, кыргызской и русской цветовых картинах мира имеют место доминантные цвета, которые, однако, в сознании носителей трех языков актуализируются, упорядочиваются и располагаются по-разному, в разном соотношении.

5. Представление о концепте «цвет» во всех языках образуют отдельную микроконцептосферу и занимают определенное место в соответствующих национальных когнитивно-языковых цветовых картинах мира, обладая совокупностью общих и отличительных признаков.

6. Концепт «цвет» характеризуется универсальными и национально-специфичными чертами. Универсальные признаки свойственны всем языкам мира или, по крайней мере, их преобладающему большинству. Узко специфические свойства обуславливаются уровнем социально-

интеллектуального развития этноса, его культурой, менталитетом и другими факторами.

7. Концепты цвета представляют собой многоуровневые структуры, организованные дихотомично – «ядро и периферия», «природное и искусственное», «общее – частное», «инвариантное – трансформируемое (варьируемое)», «позитивное – негативное», «реальное - ирреальное» и т.д. В них отсутствует жесткая закреплённость базовых структурных элементов и признаков за определенными полевыми и семантическими зонами.

Личный вклад соискателя заключается в выборе темы и составлении плана исследования, в сборе, накоплении, систематизации и классификации собранного материала, в раскрытии содержания концепта «цвет» в провербиальном пространстве языка, в привлечении обширного материала для проведения контрастивно-сопоставительного анализа и выявлении цветовых универсалий и национально-специфических особенностей данного концепта. Редактирование работы осуществлено научным консультантом.

Апробации результатов диссертации.

1. Бексултанова Г.А. Концепт «цвет» в немецком и кыргызском языках [Текст] // В сборнике: Вестник БГУ им. К. Карасаева. – 2014. - № 1 (27). – с. 36-37 ISBN 9967-410-59-0. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44765725>

2. Бексултанова Г.А. Символика цвета в провербиальном пространстве языка [Текст] // Материалы XVII международной научно-теоретической конференции «Ахановские чтения», «Тюркский мир: язык, история и культура» КазНУ им. Аль-Фараби, 2014-Алматы.- с. 122-124

3. Бексултанова Г.А. Фразеологические единицы с цветовыми компонентами в разносистемных языках [Текст] // Вестник Кыргызстана. – 2016. - №1. – с. 41-45. ISSN 1694-7711. Импакт-фактор – 0,014 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35153933>.

4. Бексултанова Г.А. Структурные типы фразеологических единиц с компонентом цветообозначения в немецком и кыргызском языках [Текст] // Научная дискуссия: инновации в современном мире: сб. ст. по материалам L

- Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: инновации в современном мире». – № 6(49). Часть 1. – М., Изд. «Интернаука», 2016. – С. 124-127. ISSN 2309-1959. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26206398>
5. Бексултанова Г.А. Цветобозначающая лексика во фразеологических единицах в немецком и кыргызском языках [Текст] // Материалы междунаучно-практической конференции «Айтматовские чтения-2016». – Бишкек: «Мукай», 2016. – С. 508-511. ISBN 978-9967-35-356-5.
6. Бексултанова Г.А. Специфика традиционных представлений о цвете в немецком и кыргызском языках [Текст] // Вестник БГУ. - №3-4 (37-38). – 2016. – с.123-124. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44731208>.
7. Бексултанова Г.А. Этимологические особенности некоторых прилагательных цветообозначения немецкого, русского и кыргызского языков. [Текст] // Специальный выпуск. Вестник ОшГУ. - №5. – 2017. - с.56-60. ISSN 1694-7452.
8. Бексултанова Г.А. Лингвоцветовая картина мира в разносистемных языках [Текст] // Вестник Кыргызстана. – 2017. - №2 (2). – с. 91-94. ISSN 1694-7711
Импакт-фактор – 0,014. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35168390>.
9. Бексултанова Г.А. К вопросу концептуализации цвета в разносистемных языках [Текст] // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: Материалы XI Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29-30 марта 2018г.: в 2 ч./ науч. ред. В.И. Казаренков. - Москва: РУДН, 2018. - с. 370-374. ISBN 978-5-209-08644-4 (ч.2)
https://elibrary.ru/download/elibrary_34918842_41586739.pdf.
10. Бексултанова Г.А. Концепт «цвет» в провербиальном пространстве языка [Текст] // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: Материалы XI Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29-30 марта 2018г.: в 2 ч./ науч.ред. В.И. Казаренков- Москва: РУДН, 2018. - с. 374-379. ISBN 978-5-209-08644-4 (ч.2)
https://elibrary.ru/download/elibrary_34918842_83164498.pdf.
11. Бексултанова Г.А. Языковая репрезентация категории вежливости в

китайском и кыргызском языках [Текст] // Инновационные подходы в современной науке: сб. ст. по материалам Международной научно-практической – № 6(49). Часть 1. – М., Изд. «Интернаука», 2018. – С. 69-74.

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35081528>.

12. Бексултанова Г.А., Национальная специфика фразеологизмов с цветовым компонентом на примерах белого и черного цвета (на материале немецкого и кыргызского языков). [Текст] / К.З.Зулпукаров // Язык и культура XXI века. сборник научных статей, посвященной 60-летию доктора педагогических наук, профессора Н. А. Ахметовой. Сер. "Концептуальный и лингвальный миры" Санкт-Петербург, 2019. С. 124-129.

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42883830>.

13. Бексултанова Г.А. Символика цвета в провербиальном пространстве немецкого и кыргызского языков (на примере цветов «красный», «синий») [Текст] // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 192-197. ISBN: 9785209092179

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38587399>.

14. Бексултанова Г.А. Специфика вербализации цветовой картины мира в национально – культурном аспекте / Образ русского мира в поликультурной коммуникации: Сборник статей / Под общ. ред. Семькиной Р.С.- И. Барнаул: Изд-во Алт.гос-го мед. ун-та, 2019. -248с – с. 118-123

15. Бексултанова Г.А. Structural and semantic characterization of English Asyndetic complex sentences [Текст] / Д.И.Козуев, Г.Э. Жумалиева// European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. PP. 877-884. 2021. European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.118>

<https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.05.118>

16. Бексултанова Г.А. Structural-Semantic Features Of English And Kyrgyz Complex Sentences With Adverbial Clauses Social and Cultural Transformations in The Context of Modern Globalism, vol 117 [Текст] / Д.И.Козуев, Г.Э. Жумалиева // European proceedings of social and behavioural

sciences PP. 871-878, 2021. European Publisher.
<https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.117> .

<https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.11.117/>

17. Бексултанова Г.А. Das Konzept "Farbe" im sprichwörtlichen Raum der Sprache – eine kontrastive Untersuchung zum Kirgisischen und Deutschen [Текст] // Сборник материалов Международной научно-практической онлайн-конференции «Иностранные языки в странах Азии: опыт преподавания и инновации», посвящённой, 30-летию независимости Республики Казахстан. Нур-Султан, 2022- 300 С. с.12.

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50351143>

18. Бексултанова Г.А. Лингвокультурологические аспекты в преподавании иностранного языка [Текст] // Вестник КГУСТА им. Н. Исанова. - №3. – 2023. - 1281-1284-стр. ISSN:1694-5298. ISSN печатной версии: 1694-5298. ISSN онлайн-версии: 1694-8181 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49803712>.

19. Бексултанова Г.А. Место и роль колоронимов в структуре когнитивных провербиальных образований немецкого, кыргызского и русского языков (на примере желтого цвета) [Текст] // Ключевые приоритеты теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения директора Центра лингвистических исследований, профессора ОшГУ Зулпукарова К.З. Ош, 2022. С. 105-115. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49330507>.

20. Бексултанова Г.А. Лингвокультурология – как новое направление в современной лингвистике [Текст] / Бексултанова Г.А., Бирназарова А.Ж., Жапаралиева Б.Ж. //Известия Чуйского университета имени С. Мамбеткалиева. - Бишкек. №9 -2022. С. 33-35.

21. Бексултанова Г.А. Лингвокультурология жана анын заманбап тил илиминдеги ролу жана орду [Текст] / Бексултанова Г.А., Бирназарова А.Ж., Жапаралиева Б.Ж. // Сборник научных статей по материалам II международной научной конференции «Образование: проблемы и

перспективы, ценности и инновации». - Токмок: МУЦА, 2023. -199с. С. 99-102.
ISBN 996-768-558-5-2

22. Бексултанова Г.А. Семантическая эквивалентность фразеологизмов с цветовыми компонентами (на материале немецкого, кыргызского и русского языков) [Текст] // Сборник научных статей по материалам II международной научной конференции «Образование: проблемы и перспективы, ценности и инновации». - Токмок: МУЦА, 2023. -199с. С. 103-107. ISBN 996-768-558-5-2

23. Бексултанова Г.А. Этноматематика и символика чисел в разных культурах [Текст] /Бексултанова Г.А., Бирназарова А.Ж., Касмалиева С.С.// Сборник научных статей по материалам II международной научной конференции «Образование: проблемы и перспективы, ценности и инновации». - Токмок: МУЦА, 2023. - 199с. С. 142-146. ISBN 996-768-558-5-2.

24. Бексултанова Г.А. Сандар, алардын чечмелениши жана байыркы доордогу орду [Текст] / Бирназарова А.Ж., Бексултанова Г.А. // Alatoo Academic Studies. 2023. № 2. С. 234-244.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=54151667>.

25. Бексултанова Г.А. Азиз адамдардын аң- сезиминдеги жана тилиндеги түстөрүн чагылдырылышы жөнүндө [Текст] / Бексултанова Г.А., Мамбетакунова Б.А., Бирназарова А.Ж. //Вестник БГУ №4 (66). 2023г. С. 15-18. ISSN печатной версии: 1694-8122

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=61460700>.

26. Beksultanova G.A. Coloronyms in water resource (on the material of German and Kyrgyz languages) [Текст] / Zh. B. Beishenova, N. B Dzharkinbaeva, B. A. Sulaimanova // BIO Web of Conferences 107, 05006 (2024)

<https://doi.org/10.1051/bioconf/202410705006> YRC-2024

https://www.bioconferences.org/articles/bioconf/abs/2024/26/bioconf_ycr2024_05006/bioconf_ycr2024_05006.html/

<https://www.webofscience.com/wos/author/record/HLW-9452-2023/>.

27. Beksultanova G.A. Cultural aspects of the development of international water routes [Текст] / E.T. Tokoeva, A.Ch. Mukasheva // BIO Web of Conferences 107,

04011 (2024). <https://doi.org/10.1051/bioconf/202410704011> YRC-2024/
https://www.bioconferences.org/articles/bioconf/abs/2024/26/bioconf_ycr2024_04011/bioconf_ycr2024_04011.html.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из 340 страниц. Содержание состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы и приложений. Первая глава посвящена краткому обзору теоретико- методологических основ исследования цвета. Во второй главе раскрываются методология, объект и предмет исследования, а также описываются использованные методы и методология. Третья глава содержит сопоставительный анализ когнитивных моделей в исследуемых языках и описывает полученные при этом результаты. В заключении излагаются проанализированные материалы, сопоставления различных фактов, вытекающие из них положения и общие выводы. Список литературы охватывает 442 наименований.

Глава 1. Теоретические основы исследования концепта цвета в научной литературе

1.1. Краткий экскурс в историю изучения цвета

С древних времен ученые пытались объяснить природу цвета, однако вплоть до 1660-х годов существовали самые неправдоподобные теории этого явления. В середине XVII века многие ученые причину цвета связывали со свойствами самого цвета, а не с другими особенностями (физическими, химическими, психологическими и др.) [Ломов, Аманжолов, 2015:9]. Постепенно учение о цвете обретало новые формы. В разные эпохи, цвет становился предметом размышлений различных ученых, так в эпоху античности, цвет рассматривается философами, как категория эстетики. В *средние века* познание цвета происходит в русле метафизических религиозных учений. После падения Древнего Рима свет и цвет становятся философской категорией, превращаясь в «световую метафизику». Общая картина учения о цвете в период Ренессанса пестра и эклектична, что соответствует общему характеру науки того времени. Цвет рассматривается в природе и живописи. В XVII веке Исаак Ньютон, опираясь на труды Аристотеля, Декарта и Гука, разработал первую научную теорию цвета. Путем экспериментов он доказывает, что спектр — это «естественная» шкала цветов, а спектральные цвета являются основными цветами. Он разложил белый солнечный свет на ряд спектральных цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый и доказал, что этот ряд цветов и их порядок являются постоянными. Тем самым была установлена прочная «шкала цветов», естественная система, с которой можно было соотнести любой природный, кроме пурпурных. Но Ньютон указал способ получения также и пурпурных цветов из

спектральных: смешением крайних — фиолетового и красного. Изогнув спектр в виде кольца, Ньютон получил первый в истории цветовой круг (7-ступенчатый) [<https://studfile.net/preview/6334751/>]. В работах Ньютона нашли объяснения многие физические явления, например, радуга. Тем самым, Ньютон стал основоположником физической науки о цвете. На основе его исследований возникли две ветви науки о цвете — «физиологической» оптики и учения о психологическом воздействии цвета. Свои умозаключения он опубликовал в 1672 году работе «Новая теория света и цветов», где Ньютон установил, что солнечный свет имеет сложный состав и состоит из излучений с различными показателями преломления. Он показал, что однородное излучение не может изменить своего первоначального цвета, каким бы преобразованиям оно не подвергалось. Ньютон впервые провел деление науки о цвете на объективную (физическую) и субъективную, связанную с чувственным восприятием. Он пишет: «...лучи, если выражаться точно, не окрашены. В них нет ничего другого, кроме определенной силы или предрасположения к возбуждению того или иного цвета» [Ломов, Аманжолов, 2015:10]. Он также впервые ввел цветовой график, который получил название цветового круга Ньютона и использовал его для систематизации цветов. Ньютон использовал впервые метод оптического смешения цветов, через который он доказал, что цвета всех цветовых тонов можно получить путем оптического смешения в разных пропорциях всего лишь трех цветов: красного, желтого и синего. Эти три цвета являются основными цветами.

Учение Ньютона побудило немецкого поэта и философа И.В. Гете исследовать цвет. В своем «Труде о природе цвета» он отстаивает идею единства и неделимости света, который для него имеет духовную и божественную сущность. Основная научная ценность труда – в учении о контрастных явлениях. Также нельзя не отметить его труд «Учения о цвете», в основу, которого был положен физиологический принцип классификации

цвета. В результате полемики с теорией Ньютона Гете построил свою цветовую теорию (конец XVIII века). Гёте выделил три основных (первичных) цвета: красный, желтый и синий и три вторичных, полученных смешиванием первичных: оранжевый, зеленый и фиолетовый [Ломов, Аманжолов, 2015:19]. В своей работе И. Гете рассматривает цвет, как один из полноправных элементов бытия и космоса, как источник знания, вдохновитель творчества. При этом он также не исключает божественное происхождение света и отстаивает идею единства и неделимости света (основываясь на взгляды Аристотеля, Платона и неоплатоников). Его философия отличается тем, что вобрала в себя древнее и современное, западное и восточное, материальное и духовное знание. Также он рассматривает цветовую адаптацию, формулирует учение о контрастных явлениях, изучает аномалии цветового зрения. Одновременно с Гёте в области цветоведения работал ученый и живописец Филипп Отто Рунге. Он предложил принцип систематизации на основе трехмерного цветового тела – цветового шара. Цветовой шар Рунге послужил поводом для изобретения последующих цветовых систем. [https://vk.com/@na_bymage-istoricheskie-etapy-cvetovedeniya]

Наиболее близко к установлению трехцветной природы цвета подошел великий русский ученый М.В. Ломоносов, опубликовавший в 1756 году сочинение «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах, представляющую» [https://vk.com/@na_bymage-istoricheskie-etapy-cvetovedeniya]. Точное объяснение многообразия воспринимаемых цветов дано Т. Юнгом в 1802 году. Он считал, что в глазу находится три вида светочувствительных окончаний нервных волокон, вызывающих ощущение красного, зеленого и фиолетового цвета. При раздражении всех видов нервных волокон возникает ощущение других различных цветов [Ломов, Аманжолов, 2015:9]. В 1905 году американский ученый Элберт Хенри Манселл (1858–1918) предложил свою цветовую систему, названную

цветовой системой Манселла, определяющую три атрибута цвета: цветовой тон (hue), цветность (chroma) и величину или яркость (value). Цветовой тон у Манселла делится на пять основных цветов: красный, желтый, зеленый, синий, и пурпурный. Кроме того, каждый цвет имеет 10 градаций. Величина яркости или темноты цвета, определяется в 11 шагов от белого до черного. Цветность, т.е. мера насыщенности (или чистоты цвета) разбита на 15 степеней [Ломов, Аманжолов, 2015:19]. В начале XX века немецким ученым Освальдом была предложена цветовая система, предполагающая восемь цветовых тонов с четырьмя базовыми цветами: желтый, ультрамариновый синий, красный и цвет морской волны (зеленый). Эти цвета далее делятся, образуя цветовой круг из 24 цветов — цветовой круг Освальда. В более полной объемной цветовой модели Освальд ввел изменение светлоты от белого к черному и насыщенности цвета от чистого цвета к серому [Ломов, Аманжолов, 2015:20]. Эти и другие труды открыли множество путей для дальнейших исследований сущности и роли цвета. Феномен цвета являлся предметом научного исследования многих дисциплин с давних времен. Он будоражил мысли как философов, психологов, филологов, художников, социологов так и лингвистов — языковедов, а также ученых-цветоведов. Наиболее развитые и последовательные учения о цвете были созданы в Древнем Египте, Китае, Индии. Своя цветовая символика существовала в странах Древнего Востока, которая оказала свое влияние на цветовую культуру Европы и Азии.

Прикладным цветоведением занимался М. Шеврёль, он приспособил систему цветов к промышленным нуждам, создав цветовой атлас. Немецкий ученый Г. Гельмгольц собрал и подытожил все знания о цвете как физическом и оптическом явлении, приведя их в стройную систему, исправил вековые заблуждения в вопросах о цвете. Он разработал основу строгой научной систематизации цвета и нашел способ измерения цвета путем числового выражения трех его характеристик: *цветового тона,*

насыщенности и светлоты. [https://vk.com/@na_bymage-istoricheskie-etapy-cvetovedeniya]

Наука о цвете и природа цвета может изучаться с разных позиций. Исследование феномена цвета с разных точек зрения различными областями наук делает его трансдисциплинарным. Особенно интенсивно цвет начал изучаться в XX веке. Цветообозначения являются продуктом культурного развития и отражают мировоззрение каждого народа. Они играют свою роль в искусстве, литературе, символике и религии, помогая людям выразить свои чувства, мысли и представления о мире. Как пишет Н.С. Братчикова: «Символика цвета выступает не только как «социальная метафора» (термин Э. Лича), но и отражает идиоэтническое в сознании носителей того или иного языка» [Братчикова, 2006:12].

Вопрос цветообозначений обсуждался в работах многих ученых и получил широкое и всестороннее описание. Цвет рассматривался с точки зрения физики, биолого-физиологии, химии, медицины, психологии, семиотики, идеологии, мифологии, культуры, языка и др. в соответствующих работах: С.Абишева [2009], Б.Базыма [2005], А. Белов [1988], Б. Берлин, П. Кей [1999]; Г. Бреслав [2000], А.Василевич [2008], А. Вежбицкая [1996], Г. Воробьев [1993, 1998]; Ю. Дюпина [2013], Ш. Жаркынбекова [2004], А. Исаев [2006], В. Кульпина [2001, 2002], М. Люшер [1996], М. Миннарт [1969], А. Миронова [1984, 1993], Н. Нюберг [1932], Н. Серов [1990, 2002], Р. Фрумкина [1984], Цойгнер [1971], Ф. Шемякин [1980], П. Яньшин [1996], О. Мужикова [2016] и др.

В кыргызском языкознании наиболее весомый вклад в исследование цвета и цветовой семантики внесли ученые лингвисты: Б. Орузбаева [1980], М. Толубаев [1985, 1991], С. Сыдыков [1991]. Д. Исаев [1977], К. Коңкобаев [1980], К. Саматов [1997, 2003, 2018, 2021], Т. Рыскулова [2004], Г. Жумалиева [2008], Ч. Шарипова [2024] и др. Д. Исаев и К. Коңкобаев рассматривали слова-цветообозначения как необходимый компонент

сложных топонимов кыргызского языка, О. Каратаев акцентировал внимание на изучение колоративной лексики в группе этнонимов кыргызского языка в своей монографии «Словарь этнонимов кыргызского языка» [2003]. Труды К. Саматова внесли огромный вклад в изучение колоративной лексики кыргызского языка. В 2003 году К. Саматов защитил докторскую диссертацию на тему: «Кыргыз тилиндеги өң-түс сөздөрүнүн лексика-семантикалык жана стилистикалык мүнөздөмөлөрү (диахрондук жана синхрондук аспекти)» [2003], в которой описываются парадигматические, синтагматические и эпидигматические особенности колоративной лексики, изучаются ее семантическая и структурная частотности и стилистические своеобразия на материале древнетюркских произведений «КутадгуБилиг» Ю. Баласагуни, «Диван лугатат-тюрк» М. Кашгари, поэмы «Огуз-наме», лексикографических и филологических источников средневековья, текстов кыргызского фольклора, советской и постсоветской кыргызской прозы и поэзии. Также он рассмотрел цветообозначения в кыргызском языке в ряде статей, которые посвящены изучению семантики, этимологии данных цветообозначений. В настоящее время этнические исследования кыргызов, в том числе историческая лексика несмотря на то, что ученые изучают его уже на протяжении почти двух веков, являются одним из самых спорных моментов в современной тюркологии. Можно отметить также ряд исследований по данной теме, проведенных кыргызскими учеными. Арапова Г.У. в статье «Цветовая картина мира в кыргызском языке» рассмотрела концепт «цвет» на примере фразеологизмов с компонентом цветообозначений «ак» (белый) и «кара» (черный) [2016]. В 2005 г. была защищена кандидатская диссертация на тему: «Семантика и символика цветообозначений кара (черный) и ак (белый) в эпосе «Манас» (в сопоставлении с русским языком) Рыскуловой Т.Ш. Данная работа была посвящена изучению семантики, функционирования и символика цветообозначений *кара* и *ак* в языке эпоса «Манас» в

сопоставлении с русским языком. В 2008 г. была защищена кандидатская диссертация Г.Э Жумалиевой на тему: «Манас» эпосунун орус жана англис тилдериндеги котормолорундагы өң-тус лексикасынын семантикасы жана структурасы» [2008]. Эти и другие работы показывают, что актуальность дальнейшего исследования цвета и обобщения его в исследуемых языках необходимо.

1.2. Цвет в лингвистике

1.2.1. Понятие о цвете: проблема выделения основных цветов

Наименование цветов и их этимология интересовала многих ученых и не только лингвистов. Приведем несколько определений понятия «цвет» из кыргызских и русских словарей:

Түс — 1) жаратылыштагы жана предметтердин түсү, түрү, өңү. 2) Түштөгү көрүнүш, түштөгү окуя. 3) Бейнеси, жүзү, кейпи, көрүнүшү [<https://ky.wikipedia.org/wiki/>]. Согласно «Киргизско-русскому словарю» под редакцией К. К. Юдахина, слово «*түс*» в кыргызском языке имеет следующие значения: 1. Вид, внешний вид, 2. Цвет, окраска, 3. Мазь (например, мазь лошади) [Юдахин, 1985].

Цвет – это один из видов красочного радужного свечения – от красного до фиолетового, а также их сочетаний или оттенков [Ожегов, Шведова, 1999: 873], цвет – это 1. окраска, цветовой тон; 2. сочетание красок в картине [Ефремова, 2000:754]. Из определений следует, что цвет в современном понимании – это признак предмета, возникающий в результате отражения светового потока.

Цвет – это явление сложное, многоаспектное, изучение, которого представляет интерес для различных естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Также они входят в проблематику многих гуманитарных наук, таких как, этнология и психология [Василевич 1982; Белов 1988; Базыма 2005; Яньшин 1996], этнолингвистика и психоллингвистика [Измайлов 1984;

Василевич 1982; Фрумкина, Михеев, Терехова 1982; Фрумкина 1984]. Наиболее широкие исследования цвета были проведены лингвистами, которые исследовали цветообозначения в различных языках и положили предпосылки для дальнейшего его изучения в контрастивном плане.

В своем труде «Эмоциональный цвет: эмоциональный компонент в психологической структуре цвета» [1996] П. В. Яньшин сделал попытку объяснить цвет как проявление эмоций в психике человека. По его мнению, цвет сам по себе является важным атрибутом человеческого сознания и достойным предметом психологического исследования. Он поставил цвет как эмоциональный компонент в один ряд с мотивами, мышлением, эмоциями. Также собрал все разрозненные данные о каждом из цветов и составил компендиум значений цветов, куда входят такие характеристики, как аура цветов, цветосимволика, умственные ассоциации, объективные и субъективные ассоциации [Яньшин, 1996].

Вместе с тем, исследователи обращают внимание на изучение цвета с позиций синестезии. Синестезия (от греч. *synaisthesis* — соощущение) — явление восприятия, когда при раздражении данного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств (например, «цветной слух» — звуковые переживания при восприятии цвета и т. п.) [<https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/>]. О синестезии речь идет в тех случаях, когда один цвет вызывает два ощущения: одно — адекватное, второе — неадекватное, вторичное. Качество одного ощущения переносится на другое. Синестезия ограничивается сенсорной сферой. В отечественной лингвистике наиболее подробно рассмотрел явление синестезии К. Саматов в своей статье «Феномен синестезии (общий обзор)» [Саматов, 2019].

В книге Н. В. Серова «Хроматизм мифа» [1990] рассматривается цвет как вид информации и охватывает цветовую символику в мифах разных

народов. В своем исследовании автор анализирует цветовые символы, рассуждает о проблеме цветовой концептуализации, изучает эмоционально-информационные свойства цвета.

Всестороннее внимание к цвету послужило почвой для появления науки, носящей название *цветоведение*. *Цветоведение* — наука об анализе процессов восприятия и различения цвета на основе систематизированных сведений из физики, физиологии и психологии. Цветоведение включает: физическую теорию цвета, теории цветового зрения, теорию измерения и количественного выражения цвета. Субъективный аспект восприятия цвета известен также как квалиа [Шаров, 2018]. Однако подавляющее большинство первых исследований в рамках данной научной дисциплины было адресовано художникам-профессионалам. В исследованиях Н. Ньюберга "Курс цветоведения" и Л. Мироновой "Цветоведение", С. Ломова и С. Аманжолова «Цветоведение» представлены обширные исследования в области цвета, включая физическую природу света, анатомию и физиологию зрительного аппарата, цветовое освещение, светотени, цветовую гармонию и другие аспекты. Основными характеристиками цвета являются цветовой тон, светлота и насыщенность. *Цветовой тон* – качество цвета, позволяющее дать ему название (например, красный, синий и т.д.). По некоторым исследованиям, нетренированный глаз при ярком дневном освещении различает до 180 цветовых тонов, а развитый человеческий глаз способен различать около 360 оттенков цвета [Власова, 2008].

В.Н. Ключева объединила цветовые ощущения в общую систему зрительных восприятий, разделяемых на ахроматические (неокрашенные) и хроматические (окрашенные) цвета. Ахроматические цвета не имеют цветового тона, к ним относятся *белый, черный цвета и все серые цвета*. В их спектр входят лучи всех длин волн в равной степени. Если же возникает преобладание какой-то одной длины волны, то такой цвет становится

хроматическим. К хроматическим цветам относятся все спектральные и другие природные цвета.

Светлотá (англ. *lightness*) — качественная характеристика тона, которая определяется способностью поверхности предмета отражать световые лучи. Чем выше такая способность и, соответственно, меньше поглощение света, тем выше светлотность [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>]. В спектральных цветах самым светлым является желтый цвет, самым темным – фиолетовый. В пределах одного цветового тона степень светлоты зависит от применения белого. *Светлота* – степень, присущая как хроматическим, так и ахроматическим цветам. Оттенки одного цвета различной светлоты называют монохромными. *Насыщенность* – это степень отличия хроматического цвета от равного по светлоте ахроматического. В теории цвета — колористике, насыщенность цветового, или хроматического тона характеризуется зрительными качествами ясности и чистоты, которые достигаются отсутствием или минимизацией примесей других тонов [Власов, 2007: 68]. Поэтому более насыщенными являются основные тона цветового спектра: *красный, синий и жёлтый*. Наименее насыщенны ахроматические тона (от белого до чёрного), поэтому они обладают максимальной способностью поглощать тона хроматического ряда. Добавление в цветовой тон чёрного или белого снижает его насыщенность [Агостон, 1982]. Ахроматические цвета можно назвать цветами нулевой насыщенности. Натренированный человеческий глаз может различить около 25 оттенков цвета по насыщенности, от 65 оттенков – по светлоте при высокой освещенности и до 20 – при пониженной. Цвет, тон, светлота, насыщенность называют собственными качествами цвета. Собственные качества – это те качества, которые ему объективно присущи. Несобственные качества цветам объективно не присущи, а возникают вследствие эмоциональной реакции при их восприятии. Поэтому цвета бывают на ощущение теплые и

холодные, легкие и тяжелые, глухие и звонкие, выступающие и отступающие, мягкие и жесткие [Зайцев, 1986]. Важным является подчеркивание того, что цвет имеет не только физические, но и психологические аспекты. Интерес к изучению цвета сохраняется на протяжении десятилетий, подчеркивает важность этой темы и ее значимость для многих областей науки. Способность человеческого зрения различать цвета обогащает наше восприятие, предоставляя богатый и многослойный спектр информации об окружающей нас среде.

По мнению Е.В. Рахилиной, цвет играет важную роль в различении предметов физического мира. Эта "различительная" функция становится особенно заметной, когда объекты существуют в большом количестве, и цвет приобретает релевантность с лингвистической точки зрения, поддающейся описанию с использованием языковых средств [Рахилина, 1998].

Оценка связи цвета с эмоциями и образами является давней традицией, подчеркиваемой работами исследователей, таких как R.L. Rousseau, который обсуждал связь цветов с идеями (образами) Платона и архетипами Юнга [Rousseau, 1959: 13]. Цвет присутствует во всех сферах человеческой жизни, и это выражается, в таких выражениях, как например «красочная» жизнь в противопоставлении "серая".

По словам В.Г. Кульпиной, цвет может существовать в сознании человека как сам по себе, вызывая определенные образы. Однако в окружающем мире цвет всегда связан с конкретными объектами и формирует представление о себе как свойстве окружающей действительности, основанное на многолетнем зрительном опыте [Кульпина, 2001:8]. Дж. Лакофф поддерживает идею о том, что цвет — это субъективная категория, не существующая объективно в природе. Он утверждает, что цветовые категории определены как объективным материальным миром, так и биологией человека, его мышлением и культурными факторами [Lakoff, 1995].

Таким образом, цвет, является не только физическим аспектом мира, но и субъективным переживанием, влияющим на наше восприятие и понимание

окружающего нас мира. Феномен цвета воспринимается как неотъемлемая часть окружающего мира, но его интерпретация существенно зависит от человеческого восприятия. В объективном мире существуют волны определенной длины, но только человеческое зрение и другие органы чувств придают им цвет. Патологии, такие как дальтонизм, подтверждают, что восприятие цвета обусловлено человеческим восприятием.

Как отмечает А. Вежбицкая, цвет играет важную роль в культуре, являясь содержательным элементом, который позволяет характеризовать и систематизировать предметы, социальные установки, а также нравственно-эстетические понятия. Она подчеркивает, что слова, обозначающие цвета в разных языках, связаны с общим концептом "цвет", но не идентичны в своем значении из-за различий в диапазоне употребления. Приводя пример с английским *blue*, японским *aoi* и польским *niebieski*, Вежбицкая указывает на семантические различия между ними. Например, *niebieski* относится к светло- или средне-синим оттенкам, но не включает в себя очень темные синие, которые на английском все равно называются *blue* [Вежбицкая, 1996: 257]. Названия цветов не являются универсальными понятиями. Исследовать стоит не «цветовые универсалии», а «универсалии видения», так как сама по себе категория цвета не универсальна – в отличие от человеческого понятия [Вежбицкая 1996: 232, Wierzbicka 2006: 14-20].

Цвет – это одна из категорий познания мира, которая находится наравне с другими категориями, такими как пространство, время, движение, а также является одним из ключевых культурных концептов. С древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира и, прежде всего, служил обозначением наиболее важного и ценного в человеке [Гайдукова, 2012:29].

В. Г. Гак в работе «Сопоставительная лексикология» отмечает, что на примере названий цвета можно убедиться, что даже такое объективное, общее для всех людей, физическое ощущение, как цвет в разных языках отражается по-разному. Наименование окрасок составляют в каждом языке сложную систему,

и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения. Эти расхождения касаются «...как выделения цветов и оттенков, так и способов их обозначения. Нередко специфический оттенок, имеющий особое словесное выражение в данном языке, не имеет закрепленного наименования в другом» [Гак, 2018: 197-198]. Цветообозначающая лексика привлекает к себе внимание все более широкого круга исследователей. Н.Б.Бахилина подчеркивала, что «в последние два десятилетия к лексике цветообозначений проявляется явный интерес как в зарубежной, так и в советской лингвистике» [Бахилина, 1975:3]. Интерес к цветообозначениям обусловлен необходимостью, поскольку многочисленные цвета, их названия и символический смысл являются для любого народа своеобразным отражением многокрасочности мира. До публикации в 1969 году книги Б. Берлина и П. Кея «Основные цветовые термины: их универсальность и эволюция» считалось, что цветовые категории произвольны, поскольку в каждом языке для каждого цвета имеется свое собственное и непохожее название. Однако эта точка зрения была оспорена Берлином и Кеем. В своей книге исследователи установили определенные лингвистические критерии, которые должны помочь определить названия основных цветов каждого языка. Здесь также называются основные цветовые категории языка. Исследование Берлина и Кея привело к выводу, что на самом деле существует одиннадцать универсальных основных цветов, хотя не все одиннадцать цветов представлены во всех языках. Однако следует подчеркнуть, что для тех языков, в которых не названы все одиннадцать цветовых категорий, включены в язык другим способом. В своем исследовании Варела, Томпсон и Рош в качестве примера приводят язык «дани» из Новой Гвинеи. Этот язык включает только два основных термина цвета: белый и черный. Однако более поздний перевод этих терминов определил, что на самом деле это термины «светло-теплый» и «темно-холодный». Термин «светло-теплый» должен включать в себя как белый цвет, так и все теплые цвета. Напротив, термин темно-холодный включает в себя черный цвет и все холодные цвета [Varela, Thompson und Rosch, 1993: 169].

Обобщая их исследования можно сказать, что ни в каких двух языках нет одинакового порядка цветов. Также нужно отметить, что один и тот же язык классифицировал цветовые категории в прошлом также по-разному, как и в их нынешней форме. Примером могут служить отношения между средневерхненемецким и нововерхненемецким языком: «*Farbträger, die für die einzelnen Umwelten typisch sind, bieten sich als Anknüpfungspunkte für die Begriffsbildung an. Das Unbedeutende oder Übersehene bleibt unbenannt, ohne das deshalb Lücken empfunden würden.*» [Gipper, 1956:542]. *"Цветовые носители, характерные для отдельных сред, предлагают точки соприкосновения для формирования понятий. Незначительное или незаметное остается неназванным, при этом отсутствие названия не вызывает ощущения пробела"*. (Перевод наш Б.Г.) Таким образом, подчеркивается, что язык служит потребностям людей. Гиппер объясняет, что каждый носитель цвета может стать названием цвета, используя соответствующие лингвистические средства, и приводит примеры бутылочного и малинового цвета. Специфика носителя цвета играет решающую роль в степени специфичности цветового слова. Он приводит в пример цветы, которые на этапе развития содержат множество цветовых тонов. То есть сиреневый цвет будет включать в себя более широкое количество оттенков, тогда как термин «*zinnober*» - киноварь описывает конкретный оттенок. Также при цветении, оттенки «небесного цвета» и «цвет морской волны» охватывают весь сине-зеленый спектр. Возникает вопрос о том, как возникают абстрактные основные цветовые слова, и можно частично заключить, что эти термины черпают вдохновение в природе, особенно в природных моделях, таких как цвет огня, неба, растений, земли и т. д. Хотя эти явления, по мнению Гиппера, важны для наименования цветов, при создании названий цветов также необходимо учитывать внутренние правила языка [Gipper, 1956:544]. Помимо упомянутых природных явлений, существует еще и духовно-структурирующий принцип свыше [Gipper, 1956: 545], служащий для разграничения содержания слов друг от друга. Это приводит к тому, что соответствующий термин цвета

встраивается в соседние термины. Таким образом, синий цвет находится на границе с зеленым и фиолетовым. Объясняется, что люди, не знающие всех основных цветов, по-разному классифицируют цветовые категории. В качестве примера приведены «Apfelsinen» - апельсины и «Veilchen» фиалки. Таким образом, все апельсины будут принадлежать к красной цветовой категории, тогда как все фиалки, будут иметь название цвета «синий». Гиппер утверждает, что такая цветовая классификация не отражает истинных отношений между цветовыми категориями и носителями цвета. С лингвистической точки зрения также важно упомянуть соотношение “lila” и “violett” в немецком языке. Это показывает, насколько названия цветов могут варьироваться в языке, пока они полностью не укрепятся в лексике. В некоторых регионах немецкого языка эти два цвета могут использоваться одинаково, при этом «violett» считается более предпочтительным, элегантным названием цвета, а “lila”— более популярным. В то время как некоторые воспринимают “lila”— как красновато-фиолетовый насыщенный оттенок, а «violett» – как насыщенный синий оттенок, другие воспринимают “lila”, как светлый и ненасыщенный оттенок и «violett» как насыщенный темный оттенок. В лингвистике проводятся разнонаправленные исследования цветовых обозначений. Некоторые из них ориентированы на анализ цветовых представлений в различных культурах мира на различных этапах их развития с целью выявления базовых цветовых категорий. Такие исследования проведены, например, Б. Берлином, П. Кеем и другими. Их результаты указывают на полное совпадение основных цветовых обозначений в современных индоевропейских языках. Основной набор включает три ахроматических цвета (черный, белый, серый) и восемь хроматических (красный, оранжевый, розовый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, коричневый).

Другие исследования сосредотачивают внимание на лингвокультурологическом аспекте цветовых обозначений, рассматривая связь между названиями цветов и культурой народа. Цвета

рассматриваются как лингвокультурные единицы, в которых сочетаются лингвистическое и внелингвистическое содержание. Такой подход позволяет рассматривать цвета как выразительные элементы в религии, искусстве и моде, формируя тем самым самовыражение человечества.

Есть также работы, анализирующие цвета и оттенки с точки зрения психологии, выявляя их воздействие на физиологическом и эмоциональном уровнях. Это помогает определить специфику воздействия различных цветов и их сочетаний на человека. Например, У. Бер утверждает, что цвета обладают уникальными значениями и вызывают особые ассоциации, действуя не только на глаза, но и на другие органы чувств.

Исследования семантической структуры языка в контексте цветовых обозначений проводились также на материалах разносистемных языков. И.В. Макеенко, например, представила комплексное исследование цветовой лексики в русском и английском языках, учитывая структурные и словообразовательные особенности, семантические и стилистические признаки, а также частоту использования цветовых терминов. Подобный анализ позволяет выявить универсальные черты языковой структуры и национальные особенности в использовании цветовых терминов [Макеенко, 1999]. В исследованиях некоторых ученых цветовые обозначения рассматриваются с психолингвистической точки зрения. Р. Фрумкина считает, что "мир цвета" представляет собой исключительно психический феномен. Этот феномен отражен и структурирован в языке, проявляясь на уровне различных психических процессов, таких как распознавание цвета, запоминание слов, обозначающих цвет, номинация, категоризация и другие. В ходе языковой коммуникации эти процессы внешне проявляются в виде текстов [Фрумкина, 1984:6].

В данном исследовании рассматриваются «основные» цвета, как они понимаются западными учеными, такими как Б. Берлин и П. Кей. Поскольку в кыргызском языке розовый цвет не считается базовым, а коричневый не

используется во фразеологизмах, эти цвета в рамках данного исследования не анализируются.

1.2.1.1. Цвет в германистике

В немецком языке «цвет» определяется следующим образом: «*Farbe – 1. Optische Wahrnehmung, dass etwas in einer bestimmten Weise bunt, schwarz oder weiss ist. 2. Farbstoff, Mittel zum Färben, zum Malen. 3. Färbung; zur Gesichtsfarbe, Hautfarbe, 4. Buntheit, Farbigkeit*» [DWDS].

В этом параграфе анализируются исследования, посвященные колоронимам в немецком языке, с акцентом на их основные выводы. Несмотря на то, что большинство исследований ориентированы на синхронный подход, примером диахронического анализа можно назвать работу Джонса [2013]. Она охватывает развитие немецкой цветовой лексики за более чем 12 веков, вплоть до настоящего времени. Е. Оксаар в своей известной работе по германистике «*Über die Farbenbezeichnungen im Deutsch der Gegenwart*» (1988), изучила использование названий цветов в контексте моды и рекламы на основе газет и журналов за период 1959–1961 годов, опираясь на определенные соображения: „*Der Einfluß der Sprache der Modeberichte, der Anzeigen in Zeitungen und Zeitschriften, der Versandkataloge u.a. auf ihre zahlreichen Leser darf nicht unterschätzt werden. Vor allem finden auf diese Weise neue Wortbildungen und Fremdwörter sehr leicht Eingang in die Sprache*“ [Оксаар 1988: 8]. «Не следует недооценивать влияние языка репортажей о моде, рекламы в газетах и журналах, каталогов по почте и т. д. на их многочисленных читателей. Прежде всего, таким образом новые словообразования и иностранные слова очень легко проникают в язык» (Перевод наш Б.Г.). Е. Оксаар морфологически разделила названия цветов на симплексы, т. е. простые слова (абстрактные - красный, синий; предметные – блондин; метонимические- вишня; производные - зеленоватый, фиолетовоподобный) и соединения разных видов («существительное + колороним», например, кирпично-красный, «прилагательное + колороним», например, нежная сирень, «существительное

+ прилагательное + колороним, например патина светло-зеленая, «прилагательное + существительное + колороним», например, темно-голубой, «колороним + колороним», например, желто-зеленый, сложные метонимии, например, яичная скорлупа, производные от *-ватый* зелено-коричневатый, и «существительное + -цвет/-цветной», как табачный цвет) [Oksaar, 1988:11-13]

Далее она классифицировала соединения формы «существительное + колороним», а также метонимические названия цветов в соответствии с областями, из которых произошли соответствующие существительные:

1. Edelsteine, Steine, Minerale (z.B. amethystlila, kohlschwarz) - Драгоценные камни, камни, минералы (например, фиолетовый аметист, угольно-черный);
2. Pflanzen, Pflanzenteile (z.B. lilienweiß, flieder) - Растения, части растений (например, лилия белая, сирень);
3. Früchte, Beeren (z.B. bananengelb, Melone)- Фрукты, ягоды (например, банановый желтый, дыня);
4. Tiere, Vögel, Fische (z.B. flamingorot, kamelhaar)- Животные, птицы, рыбы (например, красный фламинго, верблюжья шерсть);
5. Farbstoff, Farbenart (z.B. karminrot)- Краситель, тип цвета (например, карминно-красный);
6. Gewebe (z.B. taftweiß)- Ткань (например, тафта белая);
7. Verpackungen (z.B. flaschengrün) - Упаковка (например, бутылочно-зеленого цвета);
8. Metalle, Oxyde (z.B. goldgelb, platin) - Металлы, оксиды (например, золотисто-желтый, платина);
9. Chemikalien (z.B. schwefelgelb) - Химические вещества (например, сернистый желтый);
10. Flüssigkeit, Getränke, Gewässer (z.B. champagner, kaffeebraun) - Жидкости, напитки, вода (например, шампанское, кофейно-коричневый);
11. Gewürze (z.B. currygelb) - Специи (например, желтый карри);
12. Süßigkeiten, Backwerk, Honig (z.B. bonbonrosa) - Сладости, выпечка, мед (например, конфеты розовые);

13. Knochen (z.B. elfenbeinweiß) - Кость (например, слоновая кость);
  14. Holz, Holzgewebe, Holzware (z.B. ebenholzschwarz)- Древесина, древесные ткани, изделия из дерева (например, черное эбеновое дерево);
  15. Personennamen, geographische Namen (z.B. arkticblau, havanna) - Личные имена, географические названия (например, арктический синий, Гавана);
  16. Völker, Rassen (z.B. indianerrot, negerbraun)- Народы, расы (например, красные индейцы, коричневые негры);
  17. Dienst, Beschäftigung, Art des Menschen (übertragen auf Kleidung) (z.B. babyblau, bischofslila) - Служба, занятость, тип лица (переводится на одежду) (например, нежно-голубой, епископский пурпур);
  18. Tageszeit, Jahreszeit, Monate (z.B. nachtblau) - Время суток, время года, месяцы (например, темно-синий);
  19. Himmelskörper, Feuer, Eis, Schnee u.a. (z.B. sonnengelb) - Небесные тела, огонь, лед, снег и т. д. (например, солнечно-желтый);
  20. Schall (z.B. knallrot) - Звук (например, ярко-красный); [Оксаар, 1988: 14-16].
- Анализ материалов Оксаар показывает, что большинство существительных, используемых для обозначения цветов, происходят из области растений и их частей. Многие составные слова с существительным в первой части имеют сравнительный характер, например, *himmelblau* («синий, как небо»). Однако такие сравнения не всегда очевидны на первый взгляд, поскольку могут иметь эллиптическую структуру или требовать исторического, или культурного контекста для их понимания. Например, *diorrot* («красный, как его использует или предписывает Dior»), *tizianrot* («красный, как на картинах Тициана»), *königsblau* («синий, как цвет костюмов короля Людовика XIV Французского») [Оксаар, 1988: 16–17]. В таких терминах, как *negerbraun* (цитируется исключительно в исследовательских целях без дискриминационного подтекста), также отражаются актуальные социальные и культурные ценности соответствующей эпохи. Многие образования можно интерпретировать не только как сравнительные, но и как усилительные, как, например, в выражении *blütenweißes Pikee* [Оксаар, 1988: 18]. *Blütenweiß* в словаре Дудена

также определяется как «ослепительно белый», аналогично тому, как *kohlschwarz* обозначает «глубокий черный». Оксаар также отметила, что большинство составных слов образуется с использованием таких цветов, как красный, зеленый и синий, в то время как составных слов с белым и черным значительно меньше. Тем не менее, предпочтение для красного, зеленого и синего нельзя объяснить только модными тенденциями, поскольку коричневый и фиолетовый также часто встречаются в моде, но образуют гораздо меньше составных слов [Оксаар, 1988 :16].

Работа Клауса „Beobachtungen zu den Modefarbenwörtern in der deutschen Gegenwartssprache“ (1989) также связана с контекстом моды. Клаус проанализировала «модные колоронимы», которые относятся к текстильным изделиям или косметике, в немецких выпусках журнала *Vogue* за 1985 год [Клаус, 1989: 26–27]. Автор приняла классификацию Оксаар и также отметила преобладание сравнительного типа цветовых наименований [Клаус, 1989: 53]. Однако в некоторых составных словах вида «существительное + колороним» могут существовать и другие связи между компонентами, которые могут быть раскрыты через мировоззрение или контекст. Например, *sonnenbraun* не следует интерпретировать как сравнительное «коричневый, как солнце», а скорее, как причинное «коричневый от солнца» [Клаус, 1989: 53]. Как и в работе Оксаар, большинство существительных, встречающихся в корпусе Клауса, принадлежат к таким категориям, как драгоценные камни, минералы, растения, части растений, а также фрукты и ягоды. Однако Клаус [1989 : 54] отмечает значительные отклонения от классификации Оксаар, особенно касающиеся таких категорий, как народы и расы, а также профессии, занятия и типы людей, перенесенные на одежду. В своем корпусе Клаус не смог найти ни одного примера для этих классов. Она интерпретирует это как «индикатор изменения ценностей в нашем обществе» [Клаус, 1989: 54]. Что касается образований формы «прилагательное + колороним», то Клаус отмечает, что прилагательные не только модифицируют цвет по таким параметрам, как оттенок, насыщенность и яркость (например, *dunkelgrün* — темно-зеленый,

hellblau — светло-голубой), но и могут придавать оттенку новую характеристику: «так, слово ‚tief‘ вызывает ассоциацию с объемностью, а ‚zart‘ — с материальностью» [Клаус, 1989: 30]. Интересно, что в корпусе Клауса нет примеров модификации желтого цвета прилагательными, что она объясняет ограниченным диапазоном применения этого цвета и его «чувствительностью» к изменениям. Так, например, не существует выражений *hellgelb* (светло-желтый) или *dunkelgelb* (темно-желтый) [Клаус, 1989: 30].

Еще одно исследование цветовых обозначений в языке моды было проведено Стойевой-Хольм на тему «Farbbezeichnungen in deutschen Modetexten. Eine morphologisch-semantische Untersuchung» [1996] на основе немецких модных журналов, издававшихся в период с 1883 по 1984 год. В отличие от работ Оксаар и Клауса, в корпусе Стойевой-Хольм чаще всего использовались не составные слова или метонимии, а простые базовые цветовые термины для обозначения отдельных оттенков [Стойева-Хольм, 1996, с. 42-43]. Автор связывает это с особой функцией и статусом, их широким диапазоном значений, а также с избыточностью уточнений оттенков в текстах, что стало возможным благодаря улучшению качества цветной печати [Стойева-Хольм, 1996, с. 42-43]. Что касается сравнительных цветовых обозначений (метонимий и составных слов с существительным в качестве первого компонента), Стойева-Хольм [1996, с. 51] подчеркивает, что в контексте моды выбор объекта сравнения играет важную роль в плане коннотаций и ассоциаций. Также Стойева-Хольм [1996, с. 51] отмечает преобладание категории растений (включая фрукты), что, по её мнению, объясняется тем, что в прошлом многие красители получали из растений. Примечательно, что Стойева-Хольм [1996, с. 44-45] не смогла найти составных слов с существительным как первым компонентом и базовыми цветами *rosa*, *orange*, *lila* и *violett* как вторым компонентом, что, по её мнению, связано с тем, что эти цветовые слова сами по себе являются метонимиями (более новыми по своему происхождению) и имеют более узкий диапазон применения. Стойева-Хольм [1996, с. 55] далее делит составные слова формы

«прилагательное + колороним» на две категории: характеризующие (например, *hellblau* — светло-голубой, *rötlichbraun* — красновато-коричневый) и уточняющие степень (например, *intensivschwarz* — насыщенно черный). В контексте цветowych слов, помимо этих денотативных прилагательных и причастий, могут использоваться и коннотативные прилагательные, такие как *frisch* (свежий) и *klassisch* (классический) [Стойева-Хольм, 1996, с. 67].

Особенно интересной и детализированной работой является исследование Фан «Farbnomenklatur im Deutschen und im Chinesischen. Eine kontrastive Analyse unter psycholinguistischen, semantischen und kulturellen Aspekten» (1996), в котором анализируются общепринятые цветowe обозначения немецкого языка, зафиксированные в лексикографических источниках. Фан проводит сравнительный анализ немецких и китайских колоронимов с психолингвистической, семантической и культурной точек зрения. После исключения сомнительных критериев по классификации Берлина и Кея и введения двух дополнительных критериев — высокой частоты употребления и высокой способности к словообразованию — Фан [1996 : 150] на основе исследований с участниками, частотных словарей и лексиконов выделяет немецкие базовые цветowe термины: *schwarz, weiß, rot, gelb, grün, blau, violett, lila, rosa, orange, grau, braun*. Таким образом, в немецком языке существует 12 базовых цветowych терминов, что является исключением из "универсального" списка из 11 по классификации Берлина и Кея. Наличие двух базовых колоронимов для оттенка пурпурного в немецком языке, по-видимому, связано с историческим развитием: *violett* старше, чем *lila*, и постепенно вытесняется последним, однако *violett* по-прежнему сохраняет статус базового колоронима. Согласно Джонсу [2013: 370-371], оттенок между красным и синим первоначально назывался пурпурным, затем, начиная с XVII века, его постепенно заменил *violett*, а с конца XIX века — *lila*. В отличие от двух русских колоронимов для синего, оба немецких термина для пурпурного оттенка, кажется, имеют одинаковую референцию и являются синонимами, по крайней мере, согласно некоторым исследованиям [Фан, 1996: 132; Джонс,

2013 : 371]. В *Duden violett* определяется как "находящийся между синим и красным; фиалковый", а *lila* как "сиренево-синий, светло-фиолетовый". Таким образом, референции и соотношение между этими двумя цветовыми словами не являются однозначными. Фан [1996: 36] также отмечает, что частотность колоронимов в различных частотных словарях в основном соответствует последовательности, предложенной Берлин и Кей, за исключением слова *gelb* (желтый), которое встречается реже, чем *blau* (синий), и *grau* (серый), которое встречается чаще, чем *braun* (коричневый). Этот результат аналогичен выводам МакМануса [1997b: 368], который также обнаружил, что в английском языке *yellow* (желтый) встречается реже, а *grey* (серый) — чаще. Фан [1996:136] связывает редкость *gelb* с его более ограниченной областью референции и конкуренцией с *braun*. Что касается *grau* (серый), то Берлин и Кей уже предположили, что это слово является своего рода «джокером». Фан классифицирует лексикализованные составные цветовые выражения в зависимости от отношений между компонентами на несколько типов: аддитивные (черно-белый — «черный и белый»), модификационные (темно-синий — «темный синий»), увеличительные (ярко-красный — «очень/интенсивно красный»), компаративные (янтарно-желтый — «желтый как янтарь»), причинные (красный от стыда — «красный из-за стыда»), временные (полуночный черный — «черный в полночь»), инструментальные (водородный блонд — «блонд, полученный с помощью водорода»), субстанциальные (костяной черный — «черный краситель, получаемый из слоновой кости») и финальные (лакокрасный — «черный для лаковых работ») [Фан 1996: 185]. Это демонстрирует все возможные отношения между существительным и колоронимом, которые уже были упомянуты Клаус. Тем не менее, в корпусе Фан, как и в исследовании Клаус, наиболее частым типом словообразования остается сравнительный или компаративный. [Фан 1996: 207]. В своей дальнейшей классификации сравнительных образований Фан также опирается на систему Оксаар и отмечает, что класс растений (включая плоды) является наиболее выраженным (Фан 1996: 217). В процессе

определения немецких базовых цветовых терминов Фан учитывает, среди прочего, количество составных слов для каждого базового цветоименования, зарегистрированных в различных немецких словарях (Фан 1996: 149). Таблица 2 представляет соответствующие данные Фан. Однако она не уточняет, какие именно составные слова она имеет в виду.

Таблица 2: Количество лексикализованных составных слов с немецкими базовыми цветовыми терминами [Фан 1996: 149].

Колороним	Schwarz	Weiß	Rot	Gelb	grün	Blau	Braun	Grau
	чёрный	белый	красный	жёлтый	зелёный	синий	коричневый	серый
количество	26	40	108	56	72	75	48	56
степень	8	7	1	4,5	3	2	6	4,5

колороним	orange	rosa	violett	lila
количество	12	15	8	7
степень	10	9	11	12

Из таблицы видно, что красный формирует наибольшее количество составных слов, за ним следуют синий и зелёный. Это также было отмечено Оксаар [1988] в ее исследовании. Жёлтый имеет наименьшее количество составных слов среди основных хроматических цветов. Чёрный и белый, являющиеся базовыми цветовыми наименованиями для основных ахроматических цветов, образуют заметно меньше составных слов, чем красный, жёлтый, зелёный и синий, но все равно значительно больше, чем базовых цветоименований для смешанных цветов, таких как оранжевый, розовый, фиолетовый и лиловый.

1.2.2. Подходы к исследованию цветных номинаций в лингвистике

В исследованиях цветовых обозначений выделяют несколько подходов: *антропологический, психологический, гендерный и лингвокультурологический.*

Антропологический подход доказывает, что универсальные законы цветовых обозначений существуют во всех языках. Антропологический подход возник в результате исследований этимологии цвета, проведенных на материале 80ти различных языков антропологами Б. Берлином и П. Кеем. Как полагает Братчикова Н.С. «по мнению американских лингвистов Б. Берлина и П. Кэя, существует связь между дробностью членения цветового пространства и этапами развития языка» [Братчикова, 2006:13]. Данный подход послужил толчком для более глубокого изучения арсенала языковых средств, с помощью которых осуществляется категоризация цветовой действительности.

Сутью *психологического подхода* является то, что психологи считают, что между цветами и эмоциями существует связь. Антропологические исследования были продолжены психологами. Э.Р.Хайдер исследовала психологический аспект фокальных цветов (красный, желтый, зеленый, синий) и обнаружила, что фокусные цвета лучше воспринимаются и легче запоминаются [Heider, 1972: 78]. Психологи связывают цвет с эмоциями и в разных культурах один и тот же цвет вызывает различные эмоции. М. Люшер, швейцарский психолог и философ, разработал „тест Люшера“. Тест помогает оценить человеческую индивидуальность по различным цветам. Он поясняет, что восприятие цвета является объективным и универсальным для всех людей. Индивидуальные предпочтения в отношении цветов, однако, субъективны [Люшер, 1996]. Р. Фрумкина считает, что "мир цвета" представляет собой исключительно психический феномен. Этот феномен отражен и структурирован в языке, проявляясь на уровне различных психических процессов, таких как распознавание цвета, запоминание слов, обозначающих цвет, номинация, категоризация и другие. В ходе языковой коммуникации эти процессы внешне проявляются в виде текстов.

[Фрумкина, 1984:6]. А.П. Василевич, проводя исследование лексики в психолингвистическом эксперименте на материале цветообозначений, пришел к выводу, что категория цветоименований обладает универсальными чертами, свойственными языку как результату психической деятельности. Исследователь отметил, что различия в цветообозначениях между языками в значительной степени обусловлены культурно-историческими, а не лингвистическими факторами. По его данным, языки европейского лингвокультурного ареала ближе всего приближаются к универсальной категории цветоименований. А.П. Василевич провел исследование слов-цветообозначений в 15 языках, выявив универсальные категории в различных языках, подтвердив гипотезу Берлин-Кея о этапах развития слов-цветообозначений и опровергнув гипотезу Сепира-Уорфа. Его исследования четко показали, что различия в цветообозначениях обусловлены культурно-историческими факторами. [Василевич, 1987]

Что касается *гендерного подхода*, исследования показали, что существуют различия между мужскими и женскими цветовыми обозначениями, где мужские цветообозначения более конкретны, чем женские, что также связано с социальным статусом мужчин и женщин. На наш взгляд, одним из лучших исследований на эту тему является Colour Assignments Джо Хэллока [2003]. Собранные им данные показывают ряд чётких предпочтений по цветам, связанным с гендерными особенностями. В обзоре исследований цвета, проведенном Айзенком в начале 1940-х годов, отмечается, что Сент-Джордж (1938) утверждал, что синий цвет для мужчин имеет гораздо большее значение, чем для женщин. Что касается различных цветов, исследование Айзенка также показало, что наиболее значительным гендерным различием является то, что женщины предпочитают желтый цвет оранжевому, а мужчины — оранжевый желтому [Eysenck, 1947]. Наталия Хаув утверждает: «Это открытие было подтверждено позже Бирреном в 1952 году,

который обнаружил, что мужчины предпочитают оранжевый цвет желтому; в то время как женщины помещали оранжевый цвет внизу» [Хаув, 2003]. Как пишет Серов Н.В. «Давно уже замечена много бóльшая восприимчивость к цветам женщин, чем мужчин. И не только из-за большей эмоциональности первых. Душа женщины раскрывается в цвете, поскольку слова ее предназначены для общества. А оно может и осудить ее душу. И даже оскорбить с позиций общественной морали... Нет, уж лучше действовать цветом, чем «что-то не то» сказать... При этом ни в эмоциях, ни в цвете женщина порой не может осознать, почему она это делает. Она лишь чувствует, что как смех или улыбка ее, так и цвет воздействует на ее настроение, вызывает положительные эмоции, мобилизует защитные механизмы для лучшего взаимодействия с окружающим миром. Не секрет, что у большинства женщин эмоциональное начало преобладает над логическим» [Серов, 2015: 5]. По мнению Серова Н.В., «женщины яркими цветами одежды стремятся скрыть (от себя, от окружающих), то есть компенсировать, отрицательные эмоции и довести их до положительных благодаря цвету. Мужчины же по природе своей вполне комфортно могут себя ощущать и без ярких цветов» [Серов, 2015: 6].

С точки зрения *лингвокультурологического подхода*, цвета и цветовые обозначения связаны с культурой народа и являются общим культурным достоянием языкового сообщества. По мнению ученых, которые занимаются лингвокультурологией, цвет описывает отношение людей к природным явлениям и может выражать отношение человека к природным явлениям. Так, по мнению А.Вежбицкой, цвет выступает как содержательный элемент культуры, с помощью которого можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и этические понятия [Вежбицкая, 1996: 257]. По мнению Ш. Жаркынбековой, «цвет — это одна из категорий культуры, которая фиксирует уникальную информацию о колорите окружающей среды, своеобразии истории народа, различных традициях и особенностях мировоззрения» [Жаркынбекова, 2003:109]. Так как цвет является одним из

составляющих культуры, он окружен различными ассоциациями, значениями, интерпретациями, а также он выражает этические и эстетические ценности. В своей докторской диссертации Ш.К.Жаркынбекова «Концепты цвета в казахской и русской лингвокультурах» [2004] рассмотрев цветообозначения в сопоставительном аспекте, отметила, что цветообозначения обладают большим количеством коннотативных значений, закрепленные в языковом сознании народа, которые ведут к образованию цветоконцептов — «этнически, культурно обусловленных, сложных ментальных образований, получивших языковое воплощение в том или ином коллективе». По ее мнению, концептуализация цвета в сопоставительных когнитивных системах проявляет как общие для двух систем представления о цвете, о чем говорят вычлененные из сочетаемости признаки концептов, так и культурно-специфические. Межъязыковое сопоставление проявляется «как ключ к декодировке этноспецифической языковой картины мира» [Ш. Жаркынбекова, 2004:101].

В советской тюркологии слова-цветообозначения не были достаточно изучены. В кандидатской диссертации М. Садыковой «Слова-цветообозначения в узбекском языке» [1963] был проведен лексико-семантический анализ, его особенности, функциональные возможности, а также грамматические особенности. В исследовании А.Н.Кононова «Семантика слов-цветообозначений в тюркских языках» [1978] на большом фактологическом материале была исследована семантика. В 1975г. в исследованиях Р.Г. Ахметьяновой на материале татарского языка, Б. Орузбаевой [1980], М. Толубаева [1985, 1991], С. Сыдыкова [1991] на материале кыргызского языка был проведен анализ семантических особенностей слов - цветообозначений, отражающих цвет животных. В исследованиях Д. Исаева [1977], К. Коңкобаева [1980] и О.Т. Молчановой [1985-1986] слова-цветообозначения рассматриваются как необходимый компонент сложных топонимов. В диссертации М. Ганиходжаевой «Прилагательные слова-цветообозначения в узбекском языке в историческо-сопоставительном аспекте» [1986] были рассмотрены семантико-

функциональные, структурно-грамматические и статистические особенности слов-цветообозначений, но, к сожалению, историко-сопоставительный аспект не был рассмотрен в полной мере. Нельзя также не отметить кандидатскую диссертацию Р.У.Арзиева «Жусуп хас хажиптин «Кутадгу билиг» поэмасынын тилинин лексика-семантикалык өзгөчөлүктөрү» [1991], где были рассмотрены стилистические коннотации абстрактных слов-цветообозначений (кара, көк, кызыл, жашыл, өрүң, ягыз, сарыг, ал). В 1997 году была защищена кандидатская диссертация К. Саматова «Цветобозначающая лексика в кыргызском языке», в 2003 году докторская диссертация «Кыргыз тилиндеги өң-түс сөздөрүнүн лексика-семантикалык жана стилистикалык мүнөздөмөлөрү (диахрондук жана синхрондук аспекти)», где диссертант на обширном фактологическом материале рассмотрел цветообозначающую лексику кыргызского языка. В последние годы цветообозначения стали объектом изучения в сопоставительном аспекте на материалах разносистемных языков. К примеру, диссертация Ч. Шариповой «Сравнительная парасинтагматическая характеристика русских, немецких и кыргызских колоронимов в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» [2024], в котором автор исследовала особенности перевода колоронимов с русского на немецкий и кыргызский языки.

Разнообразие лингвистических подходов к изучению цветообозначений обуславливает необходимость единого термина для обозначения лексических единиц, связанных с цветом. Названия цвета в языке формируют лингвоцветовую систему с четкой структурой и уровнями, обладающую универсальными и культурными особенностями. Профессионально маркированные единицы, содержащие компоненты-колоронимы, являются универсальными и мотивированными экстралингвистическими факторами. Они вербализуют информацию о различных аспектах профессиональной деятельности, причем цвет становится актуальным признаком профессионального восприятия мира.

Колоронимы актуализируют различные значения в профессиональной терминологии, жаргоне и номенклатуре, подчеркивая их экспрессивность. Таким образом, лингвистический анализ цветообозначений подчеркивает, что лингвистика цвета как научная дисциплина обладает прочной теоретической и методологической базой. Она рассматривается как самостоятельная парадигма в современном языкознании, исследуя сложную систему ассоциаций и смыслов, связанных с цветом, как компонентом культуры.

1.2.3. Символика цвета в культуре и обществе: исторические, культурные и психологические аспекты

Символ (от греч. *symbolon* — знак, опознавательная примета) представляет собой идею, образ или объект, обладающий собственным содержанием и одновременно символизирующий в обобщённой форме иное содержание [Ивин, Никифоров, 1997]. Он находится между (чистым) знаком, который лишён содержания, и моделью, имеющей сходство с моделируемым объектом, что позволяет использовать её как заменитель в процессе исследования. Символ используется в различных видах деятельности и преследует определённые цели. Его назначение заключается в обнаружении неявного, скрытого, непредсказуемого содержания. Как утверждают Usunier и Walliser, символ является знаком или стимулом, обладающим изученным значением или ценностью для человека [Usunier & Walliser, 1993: 142]. Каждый цвет может быть прочитан как слово, истолкован как знак или символ. Его восприятие может быть как индивидуальным, так и коллективным, общим для крупных социальных групп или культурно-исторических регионов. Символика цвета представляет собой важный феномен культуры, вносящий вклад в мировосприятие. Цветовые обозначения являются неотъемлемой частью языковой картины мира, отражая переход от чувственных восприятий

к образным обобщениям. Эти обозначения тесно связаны с фольклором, мифологией и культурными традициями, развиваясь на протяжении веков.

Л.Г. Бедоидзе выделяет ключевые источники цветовой символики, такие как условия жизни, культурные обычаи и религиозные верования, а также политические взгляды. Система цветообозначений формируется в ответ на потребности языкового сообщества различать оттенки цветов, встречающиеся в природе и имеющие практическое значение [Бедоидзе, 1997].

Считается, что цвет был использован человеком ещё в эпоху Верхнего Палеолита, когда он начал создавать первые произведения искусства с использованием природных красителей, имеющих символическое значение. Цвет стал не только знаком, но и средством передачи информации, коммуникации [Базыма, 2005: 3]. Цветовой символизм был тесно связан с магией и религией. Он рассматривался как атрибут сакральных сил, в ряде случаев символизируя божественное начало. Деление магии на «белую» и «черную» подчёркивает важную роль цвета в ритуалах [Базыма, 2005: 3]. Цветы рассматривались как средства воздействия: они олицетворяли добро и зло, создавая или разрушая. В античности цвета классифицировались на благородные и низкие, связываясь с мифологическими представлениями [Маслова, 2001: 7].

В Древней Греции, как и в других культурах, цвета приобретали символическое значение. «Красный» ассоциировался с жизнью, как у Адама в христианской традиции, а также в славянской и китайской культурах. В античности цвета воспринимались как средства воздействия, а в мифологии часто символизировали космические силы. Плутарх придавал особое значение цветам, рассматривая их как основы материального мира. В Средневековье цвет стал неотъемлемой частью религиозного восприятия, олицетворяя божественное, как свет, который служил образом Бога [Суздальцева, 2007: 163].

Цветовая символика в Средневековье была связана с теологией света: свет воспринимался как яркий и священный, связанный с божественной

сущностью. Белый цвет символизировал чистоту, святость, духовность, но также мог ассоциироваться со смертью в мистическом контексте [Бычков, 2002]. Мистические представления часто трактовали белый как символ чистоты или смерти, что подчёркивает дуализм в символике цвета [DSM, 1997: 97].

Цветовая символика сохраняет свою важность в разных культурах. В Индии и Китае развивались сложные системы цветových символов, где цвет был связан с важнейшими силами и стихиями, и продолжает оставаться эзотерической дисциплиной [Базыма, 2005: 10]. Системы цветовой символики в этих культурах включают оттенки цветов, составные элементы и реакции, исходящие из глубоких уровней действительности.

Цвет имеет универсальное значение и может изменяться в зависимости от культурных, исторических и религиозных контекстов. Он олицетворяет дуализм и противоположности, отражая идею гармонии жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла [Керлот, 1994: 468-469]. Символика цвета остаётся важным инструментом для понимания взаимодействий в обществе и культуре.

В китайской символике цвет выражал социальный статус, где каждому слою населения соответствовал свой цвет. Желтый, например, считался привилегией императорской семьи. В книге песен «Ши цзин» цвета делились на «благородные» и «обычные», предназначенные для простых людей [Базыма, 2005:12]. Схожую символику цвета можно наблюдать и у народов Ближнего Востока, Центральной Азии и Египта. Как отмечает Б.А. Базыма, культы солнца, света и огня, оказавшие влияние на эти территории, отражают влияние зороастризма. Солнце считалось источником жизни и благополучия, а яркие, светлые цвета, такие как белый и золотой, воспринимались как божественные и ассоциировались с богами, священными животными и жрецами [Базыма, 2005:13].

Цветовая символика тесно связана с психологическим воздействием цвета, его классификацией и систематикой. В конце XIX века эта проблема стала актуальной для множества отраслей, таких как промышленность, торговля,

реклама и дизайн. Психологи, физиологи и врачи начали изучать влияние цвета на человеческое восприятие, что придало этой теме научную основу. Исследования XX века показали, что разные цвета оказывают разнообразное воздействие на организм: красный стимулирует активность многих систем, синий успокаивает, зеленый полезен для зрения, оранжевый способствует пищеварению, желтый тонизирует, а фиолетовый угнетает. Великий немецкий классик И.В. фон Гёте в своём труде «Учение о цвете» (Farbenlehre) утверждал, что цвета воздействуют на душу, вызывают чувства и эмоции, и могут стимулировать мышление [Гёте, 2015].

Цветовой символизм является динамичным и меняется в зависимости от времени и культуры. Как отмечала В. Маслова, цвет вызывает не только физиологические и эстетические реакции, но и интеллектуальную рефлексю: «Цвет — носитель сообщения, подобно слову» [Маслова, 2001:15]. Эта концепция «языка цвета» тесно связана с его символикой и семантикой. Важным вопросом остаются споры о межкультурной универсальности и национально-культурной специфичности цветового символизма. Различия заключаются не столько в самой символике, сколько в восприятии и интерпретации цветов в разных культурах [Павиленис, 1983:74].

Цветовая символика играет важную роль в культуре, включая литургию, иконографию, геральдику и литературу, и оказывает влияние на повседневную жизнь. Цветовая система колоронимов развивается в зависимости от ассоциативных представлений различных народов и эпох, что отражается в лексической и фразеологической системе языка. Например, в тюркских языках белый и черный цвета несут этическую окраску: белый ассоциируется с добром, а черный — с порочностью и злом.

Цветовая символика не всегда однозначна. Например, желтый цвет в раннем христианстве был связан с положительными значениями, такими как божественное просветление, но позднее приобрел негативную окраску, ассоциируясь с предательством и изменой, что сохранилось и в современном восприятии [DSM, 1997:59]. Желтый также может символизировать болезни и

смерть, так как ассоциируется с желтухой, недомоганиями и психическими заболеваниями [Трессидер, 1999:44-45].

Синий цвет, напротив, всегда имел положительное значение и символизировал справедливость, мудрость и благородство. Синий и голубой цвета дарят ощущение прозрачности и защищенности, что особенно заметно в восприятии неба. В некоторых культурах голубой цвет был связан с божественными силами, а синие глаза считались знаком магии и сверхчеловеческой силы. М. Люшер рассматривал голубой цвет как символ спокойствия и глубины чувств, в то время как синий представлял пассивность и стабильность. В своей теории Люшер выделил «гетеронимы», такие как синий и желтый, которые олицетворяют противоположности, не контролируемые человеком [Люшер, 1976:122-123].

Цветовая символика постоянно эволюционирует, отражая культурные и исторические особенности восприятия цвета. Зеленый цвет в христианской символике имеет особое значение. В отличие от трансцендентного синего, который ассоциируется с духовным миром, зеленый воспринимается как более «земной» цвет, символизирующий жизнь, весну, цветение природы и юность. «Он напоминает о земной жизни Христа, о Его гуманной миссии. Важно также отметить, что культ Христа вобрал черты древнейших культов Осириса, Атиса, Думузи и других богов, символом которых был зеленый цвет. Таким образом, как и в древневосточных культурах умирающих и воскресающих богов, зеленый служит символом воскресения и весеннего обновления» [Миронова, 1993:120]. Однако, кроме положительных ассоциаций, зеленый цвет также вызывает и негативные образы. К. Пагани отмечает: «Негативный аспект зелёного связан с гниением. Это амбивалентная краска, указывающая на двойственную тенденцию – цветение (жизнь) и состояние покойника (смерть), что иллюстрируется, например, окрашиванием в зелёный цвет Осириса (бога растительности и смерти) в древнем Египте» [Pagani, 2001:189]. Зеленый также занимает важное место в религиозной символике, особенно в исламе. Этот цвет ассоциируется с духовностью, природой и жизнью,

олицетворяя плодородие и рост. В Коране упоминается зеленый как символ рая: «В любом месте, куда ни помотришь, в Раю великое блаженство и великая власть Аллаха. Они одеты в одежду из зеленого тонкого шелка и плотного атласа» [Коран, 76:20-21]. «Они будут возлежать на ложах с зелеными покрывалами и на коврах удивительной красоты» [Коран, 55:76]. В исламе зеленый символизирует райские сады, молодость и изобилие, а также является любимым цветом Пророка.

Если до начала XVII века классификация цветов основывалась на культовой мифологии, эстетических оценках, религиозных интерпретациях и практических соображениях, то с развитием науки восприятие цвета претерпело значительные изменения. Ньютон, разложивший белый свет на спектр, предложил физическое объяснение цветов, в то время как И. Гёте и Г. Гельмгольц добавили физиологические и практические основы цветового восприятия. К XX веку колориметрия уже позволила описывать цвета численно, отходя от визуальной интерпретации в сторону точных вычислений. «Наши предки воспринимали цвета и их оттенки гораздо тоньше, тогда как в более поздние времена восприятие цвета стало грубее, утрачивая свою философичность и многозначительность» [Серов, 2004:16].

Цвет также стал важным символом в общественно-политических движениях. Триада белого, черного и красного цветов приобрела архетипическое значение, связанное с политической и идеологической борьбой различных классов. Красный цвет, символизирующий кровь, стал амбивалентным, его использование в революционной символике тесно связано с черным — цветом анархистов, создавая трагический контекст. В то же время белый цвет представлял идею «белого движения» [Базыма, 2018].

С древнейших времен цвет служил средством осмысления мира, обозначая важнейшие аспекты человеческой жизни и существования [Гайдукова, 2012:29]. Литературная цветопись стремится углубить понимание того, как цвета используются для создания образов и эмоциональной атмосферы. Цветовые образы в литературе часто служат для создания

визуальных образов и передачи эмоциональной окраски текста. Например, белый может символизировать чистоту, невинность или пустоту, а красный — агрессию, страсть или опасность. Литературные произведения активно используют цвета для подчеркивания тем или создания особой атмосферы. В произведениях Ч. Айтматова, таких как «Кызыл жоолук жалжалым» и «Кызыл алма», красный цвет символизирует любовь и страсть. В разных произведениях литературы цветовые образы могут принимать уникальные значения в зависимости от контекста и культурных ассоциаций. Произведение Стендаля «Красное и чёрное» является примером, где цвет служит важным символом, пронизывающим всю сюжетную линию и обогащающим исторический и философский контекст. В текстах немецких поэтов, таких как Георг Гейм, черный цвет приобретает аллегорическое значение, как в стихах «Der Krieg», где война изображена как черная персона с разрушительной силой: «In der Dämmerung steht er [der Krieg],

groß und unerkant,

Und den Mond zerdrückt in der schwarzen Hand ...

Und es schallet, wenn das schwarze Haupt er schwenkt,

Drum von tausend Schädeln laute Kette hängt» [Moritz, 2010:505].

В сумерках он [война] стоит,

Велик и неузнан,

И сжимает луну в черной руке...

И гул раздаётся, когда он качает свою черную голову,

Потому что от нее свисает гремящая цепь из тысячи черепов. (Перевод наш Б.Г.А.).

Этот образ использует черный цвет для передачи понятий разрушения и смерти, что является характерной чертой аллегорического стиля. Цветовые картины мира в поэзии отражают разнообразие окружающей действительности и служат способом передачи глубоких культурных и философских смыслов. Эти картины создают образы, которые

восстанавливают действительность в новой, концептуальной сущности [Гайдукова, 2012].

В заключение можно выделить три главных этапа развития цветового символизма: космологический (мифологический), религиозный (богословский) и социально-психологический (Ренессанс — XX век). Каждый из этих этапов отражает изменения в восприятии цвета в различных исторических контекстах, при этом основа цветового символизма остается неизменной. Цвет продолжает оказывать влияние на психическое восприятие, создавая новые ассоциации и смыслы в культуре и сознании человека.

1.3. Языковая картина мира

Понятие «картина мира» такое же древнее, как и человечество, но предметом научного изучения стало относительно недавно. Под картиной мира понимается совокупность знаний и представлений субъекта об объективной или воображаемой реальности [см. Васильева, Виноградов, Шахнарович, 1995:47]. Физик Г. Герц ввел этот термин, описывая его как совокупность внутренних образов внешних объектов, используемых для логических выводов о их поведении. Позже термин был перенесен в гуманитарные науки и использовался в работах К. Ясперса, Л. Витгенштейна (в «Логико-философском трактате») и Л. Вайсгербера. Вопрос статуса картины мира связан с взаимодействием языка, мышления и реальности. Картина мира отражает особенности человеческого существования и может быть полноценно понята лишь в рамках общей теории человека. Картина мира лучше всего понимается как исходный и всеобъемлющий образ мира, который определяет мировоззрение человека, отражая основные свойства окружающей реальности в сознании ее носителей. Она представляет собой целостный образ мира и является итогом всей духовной деятельности человека. Вопрос о связи между реальностью, ее отражением в сознании и языковым выражением привел к выделению двух форм картины мира: концептуальной и языковой.

Г.А. Брутян был одним из первых, кто четко разделил эти формы, определяя концептуальную картину мира как не только знание, являющееся результатом мышления, но и итог чувственного восприятия, отраженного в логическом познании [Брутян, 1973:108]. Исследование языковой картины мира проводится в двух направлениях: ученые либо стремятся определить систему представлений, закрепленную в конкретном языке через семантический анализ его лексики, либо изучают отдельные, уникальные для этого языка понятия. Общение возможно благодаря наличию общих значений слов, которые обеспечивают взаимопонимание. Только человеческий мозг может отражать явления и связи окружающего мира, тогда как сами звуковые комплексы служат лишь для обозначения предметов и их признаков. Каждый язык структурирует реальность по-своему, формируя уникальную картину мира, которая определяет, как языковая личность организует свои высказывания, отражая специфическое человеческое восприятие, закрепленное в языке. Языковая картина мира формирует отношение человека к реальности, задает нормы его поведения и влияет на взаимодействие с окружающим миром. Каждый язык отражает уникальный способ восприятия и концептуализации мира, представляя общую «философию», которой следуют все его носители. Языковая картина мира насыщена мифами, метафорами и образными словами, создающими национальную специфику восприятия. Человек воспринимает мир через призму своей национальной культуры и языка, находясь в постоянном взаимодействии с представителями своей общности. Лингвокультурная личность — это образ национального носителя языка, представляющий некие постоянные черты, отраженные в языке и культуре, в поведенческих нормах и материальной культуре. Большинство лингвистов рассматривают языковую картину мира как «наивную», поскольку она отражает совокупный духовный и материальный опыт носителей языка (Ю.Д. Апресян, С.Г. Воркачев и др.). Через изучение концептуальных систем языка можно выявить, как носители языка интуитивно воспринимают мир на уровне неспециализированного, «наивного» знания.

Лингвистические единицы сохраняют следы древних знаний, связанных с мифологией и религией, которые со временем становятся неочевидными для современников. Эта картина мира, как отмечает Ю.Д. Апресян, отличается от научной, которая универсальна для всех языков [Апресян, 1995:57].

Современные исследования языковой картины мира ведутся двумя путями: изучением общей системы представлений, отраженной в языке, и анализом уникальных, трудно переводимых концептов, связанных с культурными особенностями [А. Вежбицкая, В.В. Колесов и др.]. Языковая картина мира формируется в процессе познания, оценивается личностью и выражается через язык. Один из важных аспектов этой картины — восприятие цвета, так как человек видит мир в разнообразных оттенках, которые откладываются в его сознании и формируют цветовую систему восприятия.

1.3.1. Цветовая картина мира как фрагмент языковой картины мира

Цветовая картина мира включена в культурную и концептуальную картины мира (ККМ). Роль цвета в ККМ различна у разных народов, этносов и даже индивидов. Лингвоцветовая картина мира реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях, она органично входит в лексическую систему языковой картины мира. По мнению В.Г. Кульпиной, «цвет... принимает участие в сложных процессах языковой концептуализации мира, но не сводится к простой субстанции и ее простому физиологическому отражению» [Кульпина, 2001:152].

Отдельные фрагменты лингвоцветовой картины мира были исследованы лингвистами: А.А.Брагиной, А.П.Василевич, Р.М.Фрумкиной. Глобальная проблема цветовой картины мира — это проблема возможной категоризации цвета. Работа известного ученого Л.Байрамовой «Исследование теоретических аспектов лингвистики цвета» связана с научным направлением «Лингвистики цвета». Здесь выделяются историческое изучение цветолексики

(эволюционное направление), психолингвистическая составляющая цвето-наименований, когнитивные аспекты, лингвокультурологические и номинативно-термино-образующие аспекты исследования цветолексики.

Языковая картина мира является когнитивной структурой, но также отражает культурные особенности народа, которые не всегда связаны с процессами познания. Д.О. Добровольский отмечает, что нельзя автоматически отождествлять культурное и когнитивное [Добровольский, 1997, с. 44]. Это отражение культуры в языке определяется менталитетом народа [Братчикова, 2006:61]. Менталитет, ментальность (от лат. — ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) — общие «психические свойства», общность «психического склада» какой-либо группы, мироощущение, мировосприятие, которые определяются этническими и национальными обычаями, образом жизни, мышлением, нравственностью, целостная совокупность восприятия, верований, духовных навыков, формирующая картину мира и скрепляющая единство сообщества или культурной традиции [Гуревич, Шульман, 1998]. В 1949 году был издан толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова, в котором слово характеризовалось как книжное, под менталитетом понималось «мировосприятие, умонастроение» [Ожегов, Шведова, 1995:358]. В. фон Гумбольдт определял менталитет как характер народа [Гумбольдт, 1985: 370]. Образ мышления народа не может быть постигнут только на основе изучения тех или иных языковых единиц. Менталитет отражается не только в языке, но и в литературе, религии, во всех проявлениях духовной жизни нации. Видение мира — это и есть менталитет, который проявляется в образах и представлениях, т.е. в картине мира. Менталитет и картина мира - эти два понятия взаимообусловлены и взаимосвязаны [Братчикова, 2006: 62].

На основе языкового менталитета формируется и «цветовой менталитет». В целом менталитет обладает устойчивостью, стабильностью, консервативен, но с течением времени меняет некоторые черты, тоже самое касается и цветового менталитета. Менталитет, проявляющийся в цветовом

фонде народа, отражает определенные установки, взгляды, наблюдения, связанные с национальной спецификой его носителя [Братчикова, 2006: 63].

Цветовой менталитет проявляется через отбор определенных знаний и их обозначение как значений языковых знаков. Это включает выбор наиболее очевидных знаков при непосредственном чувственном восприятии, сопоставление этих знаков с национально-специфическими реалиями и концептами, а также количественное распределение различных когнитивных структур, которые формируют цветовую картину мира конкретного этноса. Как отмечали многие исследователи, цветоименования – это достояние национальных языков и являются средством формирования этноязыковой картины мира [Бахилина, 1975, Пименова, 1987, Братчикова, 2006]. Менталитет можно понимать в узком и широком смысле. В узком смысле это устойчивый образ мышления или мировоззрение, представляющее собой совокупность мнений и представлений, характерных для определенной группы [Пушкарев, 1996: 8]. В.В. Колесов определяет менталитет через понятие «ментальность» как миропонимание, сформированное на основе родного языка и включающее интеллектуальные, духовные и волевые черты национального характера [Колесов, 1995: 14]. Таким образом, менталитет отражает стабильные представления и убеждения, характерные для определенной культуры. В широком смысле менталитет представляет собой совокупность способов восприятия, представлений, поведения и реакций [Гетц, 1993: 59]. Таким образом, понятие «менталитет» охватывает как склад ума и манеру видения мира, так и способ постижения окружающей действительности, включая образы и представления. Менталитет включает как содержательную, так и поведенческую сторону восприятия мира и человеческой деятельности. На основе языкового фонда можно реконструировать основные, «итоговые» черты менталитета (термин Е.В. Ивановой), которые формировались на протяжении длительного времени. Менталитет народа обладает устойчивостью и стабильностью, является консервативным, хотя со временем может приобретать новые черты. Это

также относится к «цветовому менталитету», который изменяется в некоторых аспектах. Менталитет, выражающийся через цветовой фонд народа, отражает его национальные установки и взгляды.

Цветовой менталитет проявляется в отборе определенных единиц знания, которые выделяются как значения языковых знаков. Он также проявляется в выборе знаков, наиболее ярко отражающих чувственное восприятие действительности, в их связи с национально-специфическими реалиями и концептами, а также в соотношении различных когнитивных структур, которые формируют цветовую картину мира данного этноса. Семантика цветowych наименований непосредственно интегрируется с грамматической структурой языка, при этом словообразовательные элементы способствуют формированию языковой картины мира (ЯКМ). Существенным элементом ЯКМ являются коннотации, которые в значительной степени определяются культурной и национальной спецификой. Важно не ограничиваться лишь лексической семантикой, но и учитывать коннотативную семантику, которая включает прагматические, символические, культурные и другие значения, актуализирующиеся в специфичных контекстах, таких как поэтические или метафорические употребления. Культурная семантика строится на интерпретации признаков, которые могут быть как частью ядра лексического значения, так и его коннотативной составляющей, включая экстралингвистические элементы, имеющие национально-специфическую природу.

1.3.2. Цвет с когнитивной точки зрения

До сих пор цвета рассматривались с точки зрения физиологии и лингвистики и культурологии, в данном параграфе мы представляем результаты рассмотрения цвета с когнитивной точки зрения. Поскольку для каждого представителя определенной исторической эпохи характерна собственная картина мира, ученые ведут поиски принципов упорядоченности

знаний в сознании индивида или коллективном сознании языкового социума [Братчикова, 2006: 50]. Как известно, цвета можно просто запомнить путем их запоминания. В этом смысле, можно сказать, что язык и познание взаимосвязаны. Познание, как и язык, считается культурозависимым. Примером этого является анализ Э. Рош. В своем анализе Рош исследовала язык дани, поскольку в этом языке значительно меньше цветовых терминов, чем в английском. Она пришла к выводу, что центральные представители основных цветовых категорий более заметны на уровне восприятия и что их можно выучить быстрее, чем периферийные представители этих цветовых категорий. Важно подчеркнуть, что у носителей языка *дани* нет названий основных цветов, которые имеет английский язык. При изучении основных цветовых категорий было замечено, что носители языка *дани* легче запоминали цветовые категории, когда центральные представители соответствующей категории также отображались как центральные, в отличие от изучения цветовых категорий, в котором периферийные представители, такие как сине-зеленый, отображались как центральные представители [Varela, Thompson und Rosch, 1993: 169].

В 1978 году Пол Кей и Чад МакДэниел представили модель, объясняющую создание цветовых категорий с точки зрения определенной нейронной активности и когнитивных процессов. Эта активность нейронов соответствует противоположным цветам: красному и зеленому, желтому и синему, а также черному и белому. Модель Кей и МакДэниела можно объяснить с помощью теории размытых множеств [см. Varela, Thompson und Rosch, 1993: 170]. Эта теория позволяет представить постепенное членство и тем самым определить нечеткие величины (нюансы). Цвета со значением принадлежности 1 считаются центральными цветами соответствующей категории, тогда как нюанс или нечеткий набор может иметь значение принадлежности от 0 до 1. В модели Кей и МакДэниела основные цвета: красный, зеленый, желтый, синий, черный и белый определяются противоположными цветами: красно-зеленым, желто-синим и черно-белым.

Цвета оранжевый, розовый, коричневый и фиолетовый происходят от этих основных цветов и могут быть описаны как нечеткие величины, поскольку оранжевый находится между красным и желтым, а фиолетовый — между красным и желтым. Синий, розовый между белым и красным, и коричневый между черным и желтым. Поскольку оттенки происходят от основных цветов, Кей и МакДэниел определяют их как производные основные цвета.

О данной теории размытых множеств также писала в своем исследовании Н.С. Братчикова: «Теория размытых множеств объяснила возможность включения базовыми цветовыми категориями более чем одного центрального цвета. Как обнаружили исследователи, в языке *дани* есть только два базовых наименования цвета: *mill* содержит черный и все холодные цвета, все оттенки синего и зеленого; *mola* содержит белый и все теплые цвета, все оттенки красного, оранжевого, желтого, розового и красно-фиолетового. Подобные случаи могут быть объяснены путем объединения размытых множеств: темно-холодный = черный или зеленый, или синий; светло-теплый = белый или красный, или желтый; холодный = зеленый или синий; теплый = красный или желтый» [Братчикова, 2006: 45]. Теория Кея-МакДэниэла показала, что цветовая категоризация имеет комплексный характер, который складывается из различных компонентов, а именно: из структуры мира, из характеристик человека как биологического существа, из специфики когнитивного механизма и из культурноспецифического выбора категорий цвета в качестве базовых. Но, как указывает Н.С. Братчикова, данная теория работает при характеристике центральных цветов, но на границах между цветами дает сбой [Братчикова, 2006: 46]. Дж. Лакофф считает, что «конъюнкции и дизъюнкции для категорий цвета не являются абсолютно одинаковыми для всех людей, но варьируются в определенных границах от культуры к культуре. Они (конъюнкции и дизъюнкции для категорий цвета) являются, по крайней мере, частично конвенциональными и не относятся полностью к области универсалий нейрофизиологии и познания. Это требует

пересмотра теории Кей-МакДэниэла, с тем чтобы допускать варьирование концептуальных систем цвета» [цит. по Братчикова, 2006:46].

Цветовые категории зависят от когнитивных процессов, специфичных для культуры. В своем исследовании «Что такое гипотеза Сепира-Уорфа?» [1984] П. Кей и У. Кемптон обнаружили, что лексическая классификация цветов может влиять на сходство между цветами. В качестве примеров приведены два языка - английский и тараумара. В английском языке синий и зеленый называются по-разному, тогда как в тараумара есть только одно название для этих двух цветов. Это лингвистическое различие связано с разной трактовкой сходства этих двух цветов. Носители английского языка признают четкую разницу между синим и зеленым, но это не относится к носителям языка тараумара. Упомянутые примеры иллюстрируют, что цветовая категоризация зависит от сложной иерархии как когнитивных, так и перцептивных процессов [см. Varela, Thompson und Rosch, 1993: 171]. Таким образом, можно констатировать, что все уже упомянутые цветовые категории, такие как красный, зеленый, синий, желтый, фиолетовый, оранжевый, светлый/теплый, темный/холодный, формируются и используются на основе опыта, культуры и мировоззрения. Кодированность переменных важна для культурного подхода. Уорф объясняет эту переменную, используя английский и якутский языки. В качестве примеров в литературе также приводятся русский и венгерский языки. В якутском языке есть только одно название зеленого и синего, тогда как в английском языке между этими цветами существует четкая граница. Трудности с названием цветов могут возникнуть, когда носители английского языка пытаются назвать оттенки синего и зеленого цветов. Хотя в английском языке есть названия разных оттенков двух цветов, иногда трудно определить, какой это на самом деле оттенок. Поскольку в якутском языке одно и то же название имеется только для двух цветов, носителям якутского языка будет гораздо проще назвать нюансы этих двух цветов [ср.: Žilavec, 2023: 14]. В другом эксперименте был рассмотрен русский язык, так как в русском языке есть два цветовых термина для синего

цвета, соответствующий немецкому *Blau*. Первый цвет - голубой, что соответствует немецкому *Hellblau* - светло-голубому цвету; второй — синий, что означает в немецком языке *Dunkelblau*- темно-синий, ночной синий или штормовой синий. Эксперимент показал, что носители русского языка смогли быстрее идентифицировать оттенок синего, поскольку такие пограничные области между цветовыми терминами кодифицированы в самом языке [цит. по: ср. Žilavec, 2023: 15]. Похожий пример можно найти в венгерском языке с красным цветом, однако примечательно, что в этом языке используется тот или иной термин в зависимости от контекста. В то время как цветовой термин *piros* используется для обозначения фруктов, одежды и предметов, цветовой термин *vörös* связан с планетами, животными, растениями, минералами и политическими символами. Также указывается, что *piros* встречается чаще, в то время как *vörös* более сложен и особенно используется в научных текстах. Следует отметить, что в контексте *piros* и *vörös* речь идет не о конкретных цветах, а о лексических различиях [цит. по: ср. Žilavec, 2023: 15]. Уорф считает, что каждый язык воплощает и сохраняет определенное мировоззрение. Объясняется, что каждый мир имеет определенную структуру, которая формируется языком и которую люди принимают при изучении этого языка. Соответственно, Уорф выдвигает два различных тезиса. С одной стороны, речь идет о языковой среде, или обществе, посредством которого создается картина мира. С другой стороны, существует идея, что язык создает определенную когнитивную структуру. Первый тезис посвящен лексическим и структурным свойствам. Лексические свойства относятся к использованию категории. Это означает, что категории, которые используются чаще, играют более важную роль в соответствующем языке, в отличие от категорий, которые используются нечасто. Уорф приводит пример снега на эскимосском и английском языках. Различия между тремя разными версиями снега прочно укоренились в эскимосском языке. В английском языке, несмотря на визуальные различия внеязыковой реальности, они не представлены в такой степени на лексическом уровне [цит. по: ср.

Žilavec, 2023: 16]. По структурным свойствам члены категории не имеют общих фонетических идентификаторов, но классифицируются на группы на основе их общего структурного отношения к другим формам. В качестве примера приведены существительные женского рода во французском языке. Все существительные женского рода относятся к одной категории, поскольку требуют суффиксов и артиклей женского рода. В центре внимания второй гипотезы Уорфа находится создание определенных когнитивных структур, вызываемых языком. Вы воображаете, что красный и зеленый — еще не существующие категории, но что вам нужно сначала выучить эти категории. Далее Уорф объясняет, что отец должен придумать эти категории и научить им своего сына через игру. К примеру, зеленые части используются для строительства дома, а красные части — для строительства сарая. Ребенок не сможет построить ни одно из двух зданий, если не будет различать эти два цвета. Это позволяет ребенку узнать различия между цветами, а также сами цвета. Объясняется, что язык создает когнитивные структуры, поскольку слова содержат символическое измерение, и их использование связано с окружающей средой. «Поскольку слова обладают символическими свойствами, поскольку их использование структурировано по отношению к окружающей среде в целом, язык может вызывать когнитивную структуру» [Brown und Lenneberg 1954:457]. Желая выучить язык своего общества, дети также перенимают мировоззрение этого общества. Так усваивается культура: “To the degree that children are motivated to speak a language as it is spoken in their community they are motivated to share the world view of that community. A total culture is internalized.” [Brown und Lenneberg 1954:457]. «В той степени, в которой дети мотивированы говорить на языке, на котором говорят в их сообществе, они мотивированы разделять мировоззрение этого сообщества. Усваивается общая культура» (Перевод наш Б.Г.А.).

Существует также теория прототипов А. Вежбицкой, согласно которой прототипами основных цветов являются реальные объекты, воспринимаемые зрительно, а не воображаемые комбинации цветов. «Универсальной чертой

языков мира служит описание цветовосприятия на определенной ступени развития в терминах имен-референтов, важных для определенной среды обитания человека, таких как минералы характерного вида, животные или растения. Это приложимо, например, к английским словам *gold* ('золото', 'золотой') и *silver* ('серебро', 'серебряный'), и, предположительно, это относится к английскому слову *orange* ('апельсин', 'оранжевый').» [Вежбицкая, 1996:289]. Эти референты играют определяющую роль в концептуализации цвета. На сознательном уровне человек может не ощущать наличия каких-либо связей желтого с солнцем, однако категоризируя мир на бессознательном уровне, он активизирует эти связи. Особенно этот процесс заметен во фразеологических оборотах с именами цвета и метафорах [Братчикова, 2006:49].

Когнитивные аспекты рассматриваются также в работе Е.В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике» [1999]. В данном исследовании, она показывает, что «за словом стоит определенный набор контекстов иногда и определенный смысл - например, цветное прилагательное *серый* в русском языке отчетливо связывается с идеей незаметности (серый заяц, мышь, волк). Н. С. Братчикова считает, что «прототипами основных цветов служат референты, обозначающие универсальные концепты, которые играют решающую роль в категоризации цвета на бессознательном уровне» [Братчикова, 2006: 49]. При описании принципов структурирования знаний когнитивная лингвистика оперирует понятиями «категория», «когнитивная структура», «когнитивная модель», «когнитема», «концептуальная схема» и другие. Эти понятия имеют ключевое значение для нашего дальнейшего исследования, поскольку его целью является концепт «цвет». Для нас важна когнитивная структура, существование которой предполагается гипотетически, и в которой сосредоточены все концепты, доступные человеческому разуму, и их упорядоченное объединение. Когнитивную структуру возможно исследовать путем изучения лексической системы языка. Когнитивная структура – это

схема репрезентации знания, опыта, реконструируемая на основе анализа ряда языковых единиц, в данном случае провербиальных. С одной стороны, когнитивная структура представляет собой основу фрагмента провербиальной картины мира, на которую наслаиваются также культурные факторы, оказывают влияние социальные, географические условия жизни народа, находят отражение гендерные характеристики. Когнитивная структура, заключающая в себе определенное знание о мире, показывает избирательность ментальности и особенности восприятия мира, свойственные данному социуму и проявляющиеся в провербиальных единицах. С другой стороны, когнитивная структура позволяет описать провербиальные единицы как «хранилища» знания о мире, рассмотреть семантику в проекции на знание и опыт, накопленные языковым коллективом, т.е. реализовать собственную лингвистическую задачу описания языка в новом ракурсе. С третьей стороны, когнитивная структура выступает как средство анализа, исследовательский механизм, последовательное применение которого позволяет получить однотипные результаты [Зулпукаров и др., 2016: 390]. В процессе моделирования объективной реальности в нашем сознании переплетаются две ее составляющие - концептуальная (логическая) и словесная (языковая). Логическая модель является инвариантной для всех людей и независимой от языка, на котором люди мыслят и общаются. Языковая модель интерпретирует процесс познания и упорядочивания приобретенных знаний [Братчикова, 2006: 50]. Одной из интересных когнитивных структур для исследования является цветовой фонд языка. Когнитивная структура цветового фонда в любой культуре включает центр, состоящий из наиболее часто используемых цветоименований и их значений, и периферию, представленную менее употребительными, специальными (например, профессиональными терминами) или устаревшими языковыми единицами. Когнитивная структура – это содержательное пространство, реконструируемое на основе семантики провербиальных единиц. Это содержательное пространство – схема знания о мире – складывается из элементов знания о мире различной протяженности –

когнитивной структурой. Некоторые когнитивные единицы единичны, некоторые повторяются, некоторые характеризуются достаточно высокой частотностью. В когнитивной структуре учитывается как значение, так и внутренняя форма провербиальной единицы, а также взаимодействие компонентов значения и компонентов внутренней формы [Зулпукаров и др., 2016: 391]. По мнению Н.С. Братчиковой: «провербиальное пространство и когнитивная структура цветового пространства характеризуются нелинейностью, асимметричностью расположения компонентов. Континуум провербиального пространства имеет разную степень «плотности»: некоторые смысловые ряды представлены наибольшим количеством компонентов - оттеночных слов. Многомерность цветового пространства определяется тем, что одна и та же единица характеризуется разнообразными отношениями с другими единицами: отношениями синонимии, антонимии, отношениями вариативности. Различие состоит в акцентировании внимания на заключенной в когнитивной структуре информации и особенностях репрезентации этой информации с помощью определенных языковых единиц – цветоимен» [Братчикова, 2006: 53]. На наш взгляд, анализ семантического пространства, формируемого группой пословиц определенной тематики, позволит описать структуру знаний о мире, отраженных в провербиальных единицах, а также когнитивную структуру, присущую данному феномену. В результате такого анализа возможно реконструировать провербиальную концептуализацию мира, основанную на моделировании содержательного пространства, связанного с несколькими уровнями семантики множества провербиальных единиц. Каждое цветоименование в этом исследовании будет рассматриваться как отдельная когнитивная модель, что позволит получить ясное представление о когнитивной структуре цвета в целом в анализируемых языках. Цветовые категории зависят от когнитивных процессов, специфичных для культуры, и восприятие цвета связано с культурными и когнитивными факторами. Язык и познание взаимосвязаны, а различные языковые сообщества могут иметь разные категории и терминологию для одних и тех же цветов. В данной главе

также рассмотрена модель Кея и МакДэниела, основанная на теории размытых множеств, которая объясняет, как основные цвета могут быть описаны через нечеткие величины, а оттенки цветов считаются производными от базовых. Языковая структура и категория цветов зависят от когнитивных моделей, созданных через язык, и могут различаться в разных культурах. Примером являются различия в восприятии и номинации цветов в английском и тараумара, а также различия в кодировке оттенков в русских и венгерских языках. В теории прототипов Вежбицкой, основными референтами цветов являются реальные объекты, воспринимаемые зрительно. Цветовой фонд языка представляет собой когнитивную структуру, которая включает как часто используемые, так и редкие цветоименования, отражая когнитивную модель и знание о мире, характерное для данного языка и культуры.

1.4. Понятие концепта

1.4.1. Концепт: проблема определения

Впервые термин концепт упомянут в статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдова в 1928 году. Он определял концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997]. В последние годы понятие концепта активно вошло в научный обиход. Термин «концепт» не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития: разработано большое количество определений концепта и методов концептуального анализа. Концепт — это такой феномен, который не может трактоваться однозначно, так как информация, которая в нем содержится чрезвычайно многогранна, она дает сведения об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами. Поэтому, несомненно, то, что при рассмотрении концепта необходимо сочетать различные подходы, результаты, которых должны взаимодополнять

друг друга, и тогда можно раскрыть полное содержание концепта. Все это показывает, что практическое приложение теории концепта находит все большее развитие, которое исследователи текста должны иметь в виду. Как правило, исследователи кладут в основу дефиниции концепта его определенные стороны, те, которые представляются наиболее значительными в рамках науки, в области которой проводятся исследования. Так, представители когнитивной лингвистики (А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.Дж. Тагаев и др.) делают акцент, прежде всего, на ментальной сущности концепта, на его принадлежности сфере сознания индивида. Существуют следующие подходы к пониманию концепта: *лингвокогнитивный, лингвокультурный, психолингвистический*. Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996: 90]. Часть концептов имеет языковую «привязку», другие концепты представлены в психике особыми ментальными репрезентациями – образами, картинками, схемами и т.п. При лингвокультурном подходе основным при определении концепта является факт этнокультурной обусловленности (Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, С.Х. Ляпин, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, З.К. Дербишева и др.). Для психолингвиста концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская, 2001:39]. Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в

сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Это различие сопоставимо с генеративной и интерпретативной моделями общения, при этом мы понимаем, что разделение движения вовне и движения вовнутрь является исследовательским приемом, в реальности движение является целостным многомерным процессом [Карасик, 2001: 130]. Современные исследователи понятия «концепт» дают ему разные определения. Е.С. Кубрякова считает, что концепты — это единицы сознания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт. Она называет концептом также «оперативную единицу памяти, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова, 1996: 90]. По А.П. Бабушкину, концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризуются» [Бабушкин, 1996:16]. В.В. Колесов считает, что концепт есть «чистый смысл, не обретший языковой формы; это первосмысл, первообраз, архетип, константа и т.д.» [Колесов, 2000: 53]. Н.Ф. Алефиренко также считает концепт когнитивной (мыслительной) категорией, квантом знания, сложным, жестко не структурированным смысловым образованием описательно-образного и ценностно-ориентированного характера [Алефиренко, 2005]. Большое внимание исследованию концепта уделяет Н.Н. Болдырев. Он считает, что в результате познавательной деятельности у человека формируются понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции. Разнообразие форм познания определяет разные способы формирования концептов в сознании человека. Ученый выделяет следующие способы образования концепта: на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека, на основе мыслительной

деятельности, вербального и невербального общения. Г.В.Токарев рассматривает концепт как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки: исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок; неоднородность содержания; разнообразие типов знаковых репрезентаций [Токарев, 2000: 13]. Есть также мнения о том, что концепт – это единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Именно вербализованность и этнокультурная маркированность отличают ее от понятия, представления и значения [Воркачев, 2002: 70-71]. Концепт вербализуется (предметнообразный код, УПК, по Н.И. Жинкину) и становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков. Язык может репрезентировать всю информацию, полученную человеком, и накопленный опыт социума. Н.А. Красавский рассматривает концепт как «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нём человека» [Красавский, 2001]. Нередко, термины «концепт» и «понятие» смешиваются. «Концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* – «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», т. е. значит буквально «понятие, зачатие» [Степанов, 2007]. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы. *Концепт* и *понятие* – термины разных наук, «понятие» употребляется главным образом в логике и философии, тогда как концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре. Поэтому одним из отличительных признаков «концепта» хотелось бы отметить то, что он состоит из понятийного, образного и ценностного компонентов. Концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Концепт включает

в себя само понятие, являющееся, в свою очередь, его обязательным ядерным компонентом. Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами. По словам Д.С.Лихачева, богатство языка следует определять не только за счет словарного запаса и грамматических возможностей, но и за счет богатства концептуального мира и сферы каждого отдельного человека и нации [Лихачев, 1997: 283]. Р. М. Фрумкина определяет концепт как вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры [Фрумкина, 2001]. С точки зрения В. Н. Телия, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому [Телия, 1996]. По мнению отечественного лингвиста М.Тагаева: «Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности. Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу» [Тагаев, 2005: 99]. Понятие концептосферы впервые было сформулировано Д.С.Лихачевым, который обозначал этим термином совокупность концептов. [Лихачев, 1993:8-9] Определяя ключевое понятие «концепт», Д. С. Лихачев отмечает, что он исходит из трактовки С. А. Аскольдова-Алексеева, который толкует «концепт или общее понятие как мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев,1928: 29]. В отличие от С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачев полагает, что «концепт существует и для самого

слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения («алгебраическим обозначением»), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его» [Лихачев, 1993: 4]. Отечественный лингвист З.К.Дербишева отмечает, что «ключевые концепты культуры – это концепты, в которых фиксируются базовые ценности той или иной культуры. Концепты, имеющие вербализованную форму, в частности, в виде лексических номинаций, имеют различную степень актуальности и значимости для носителей языка. Слова, будучи своего рода “ярлыками” для тех или иных концептов, могут позволить исследователю выбрать благодаря им наиболее существенные концепты для того или иного культурного социума. Эти слова являются как бы “ключами” к ценностным концептам, а именно, к национальной концептосфере». [Дербишева, 2012: 112] Концепты составляют очень разнообразные сферы, в совокупности, создающие концептосферы национального языка. Многие ученые – лингвисты отмечают, что изучать сферу концептов (или, иначе, концептосферу) национального языка необходимо в теснейшей связи с культурой народа. Вот что по этому поводу пишет З.К. Дербишева: «концепты могут иметь разную степень этнонациональной специфичности. Концепты, в основе которых лежат универсальные понятия и категории, имеют при этнонациональной концептуализации особое этноментальное осмысление, особую когнитивную интерпретацию, что отражается в содержании и структуре концепта. Значительная часть концептов имеет уникальный характер, и кроме того, существуют так называемые лакунарные концепты» [Дербишева, 2012:112] По мнению Д.С. Лихачева: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации - ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со

всем историческим опытом нации» [Лихачев, 1993]. С.А. Кошарная также считает, что концептосфера – это различные типы объединения концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), формирующие концептуальные поля. [Кошарная, 2000:54] Объединение полей и составляет концептосферу. З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что источником формирования концептов является познавательная деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей» [Попова, Стернин, 2001:18]. Кроме того, концептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Несомненно, концепт – ментальное образование, единица памяти, плод нашего сознания, зависящий от психической жизни индивида. Он отличается от понятий как продуктов научного описания. Это своего рода личностный заменитель понятия, основная функция которого – замещение. Мы не можем отрицать когнитивного происхождения концепта. Однако нельзя не согласиться с тем, что концепт является не только когнитивным образованием, единицей мыслительных и психических ресурсов отдельной личности, но и фактом культуры и истории нации. Отрицать связь концепта с культурой было бы так же неправомерно, как отрицать связь человека, его мышления, сознания с культурой. Концепт богат по содержанию и связан со знанием, которое отражает существующие признаки объекта. Во всех концептах складываются идеи, которые возникали в разное время и в разные эпохи.

Следовательно, определение концепта, которое предлагается в данной работе, можно назвать синкретичным, совмещающим доводы разных подходов: концепт – это элемент сознания, зависящий от психической жизни индивида, ментальная структурная единица всей совокупности человеческих знаний (как коллективных, так и индивидуальных) о мире, об отдельном

предмете, явлении действительности, имеющая отражение в языке и неразрывно связанная с миром культуры. Принадлежность к области идеального, к сознанию, этнокультурная обусловленность и вербальные средства выражения – важнейшие категориальные характеристики концепта. В связи с этим значимым является тезис о том, что через значение лексической единицы (имени концепта или других его репрезентантов), через организацию ее семного состава или лексико-семантических вариантов можно выйти на содержание концепта (А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Г.Г. Слышкин) [Сурина, 2010]. Концепт, будучи когнитивной категорией и семантической сущностью, отправляющей к плану содержания определенной знаковой единицы, соотносим с категориями понятия и значения языкового знака. При этом концепт нельзя отождествлять ни с понятием, ни со значением слова, которое его репрезентирует. Концепт гораздо шире их обоих. Языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта – некоторую часть наших знаний о мире, поскольку из-за его объемности целиком концепт выразить невозможно. Языковая единица, выступающая в роли имени концепта, выражает этот феномен в общей форме. Содержание концепта включает понятие, но не ограничивается им. В отличие от понятия, концепт включает не только понятийный, но и ценностный и образный компоненты, поскольку он подчиняется закономерностям психической жизни человека. Потенциальная субъективность, присущая концепту, является ключевым отличием его от понятия. В данной работе мы ориентируемся на подход российской когнитивистики, рассматривая концепт как ментальное образование, которое реконструируется через анализ содержательной структуры семантического пространства, создаваемого группой языковых знаков.

1.4.2. Классификация концептов и их строение

Выбор оснований для классификации концептов является важной задачей для лингвистов. Концепты, будучи сложными сущностями, не могут

быть однозначно классифицированы, так как мир сам по себе многомерен. Тем не менее, существует несколько попыток классификации концептов на основе различных признаков. В научной лингвистической литературе есть ряд работ, которые предлагают свои классификации. Так, например, В.И. Карасик предлагает классифицировать концепты, на параметрические и непараметрические. К параметрическим концептам он относит те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. К непараметрическим концептам относятся те концепты, которые имеют предметное содержание. Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их автономический характер, наличие бинарной оппозиции как конститутивного признака концепта. Непараметрические концепты, в свою очередь делит на регулятивные и нерегулятивные. Регулятивные концепты – это те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент. Класс нерегулятивных концептов по его мнению весьма своеобразен. Предложенные в лингвистической литературе классификации ментальных единиц, относящихся к этому типу... построены на основе лингвистического и когнитивно - психологического критериев. Также он пишет, что наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить лингвокультурный типаж [Карасик и др., 2005]. М.В. Пименова представила свою авторскую трехчленную классификацию концептов, образующих концептуальную систему, способом актуализации в свою очередь, выступает язык. Все концепты, она распределяет по трем категориальным классам:

1. Базовые концепты- те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира, среди них, космические концепты, социальные концепты, психические (духовные) концепты;

2. Концепты – дескрипторы, которые квалифицируют базовые концепты. Также к ним относятся 1) дименсиональные концепты (размер, объем, глубина,

высота, вес и др.), 2) качественные концепты, которые выражают качество (тепло-холод, целостность – партиитивность, твердость - мягкость), 3) количественные концепты, выражающие количество (один, мало, достаточно-недостаточно);

3. Концепты – релятивы, реализующие типы отношений. К ним она относит также: 1) концепты – оценки (хорошо-плохо, вредно-полезно и т.д.), 2) концепты-поэзии (против, вместе, между, впереди – позади всех, рядом и т.д.), 3) концепты-привативы (свой-чужой, брать- отдавать, владеть – терять, включать - исключать).

К классу космических концептов, М.В. Пименова относит ландшафтные концепты, метеорологические концепты, биологические концепты, пищевые концепты, соматические, предметные, артефактные концепты. К классу социальных концептов, она относит концепты стран, социального статуса, концепты национальности, моральные концепты, концепты занятий, религиозные концепты, концепты интерперсональных отношений, концепты власти и управления. И, наконец, класс психических (духовных) концептов, по ее мнению, формируют концепты внутреннего мира: душа, дух, концепты характера, концепты эмоций, ментальные концепты (знание, ум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание) [Пименова, 2013:128-129].

С.Г. Воркачев предлагает классификацию концептов в зависимости от степени отражения в них национального характера. Он выделяет:

1. универсальные концепты, например, «родина», «дом»;
2. национальные концепты, характерные только для одного народа [Воркачев, 2007, с. 44].

Н.Ю. Шведова разделяет концепты на основные (базовые) и малые (небазовые). Малые концепты уточняют и конкретизируют основные, поскольку связаны с ними общим понятием. Они дополняют основное понятие важными элементами, совокупность которых позволяет дать более полное определение концепта [Шведова, 2006, с. 508].

Н.Н. Болдырев отмечает, что концепт не имеет строго фиксированной структуры, а его объем может расширяться благодаря появлению новых характеристик [Болдырев, 2002:29–38]. Строение концепта можно представить, как «слоистое», где каждый слой отражает эпоху, оставившую след в его формировании [Степанов, 1997: 21]. Его структура описывается через понятия «ядро» и «периферия»: ядро включает наиболее наглядные и яркие элементы (прототипические образы), а периферия состоит из слоев с более абстрактным значением [Попова, Стернин, 2001: 60–64; 2002: 33].

Периферийная часть формируется за счет эмоциональных и ассоциативных наслоений, добавляемых носителями лингвокультуры, что придает концепту новые характеристики [Передриенко, 2006 :14–15]. В итоге структура концепта является пересечением различных типов мировоззрения (идеалистического, научного, материалистического и др.). В зависимости от ситуации актуализируются разные знания, что может временно смещать значение ядра и периферии, делая один из них более важным для конкретной группы или человека [Прохоров, 2008 :142].

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют три типа моделей концептов, которые можно рассматривать как пример классификации по их структуре:

1. *Одноуровневый концепт* – состоит только из чувственного ядра (например, «желтый», «соленый», «тарелка»). Такие концепты характерны для сознания, например, детей, тогда как у большинства взрослых людей концепты имеют более сложную структуру.

2. *Многоуровневый концепт* – содержит несколько когнитивных слоев с разным уровнем абстракции. Например, для концепта «грамотный» базовым слоем будет «пишущий человек», однако он включает и другие слои, выходящие за рамки базового.

3. *Сегментный концепт* – представляет собой базовый слой, окруженный несколькими равноправными сегментами. Например, концепт «толерантность»: чувственно-образное ядро – «спокойный», «вежливый», «сдержанный человек»; базовый слой – когнитивные признаки, такие как

«терпимость», «сдержанность»; сегменты – «политическая толерантность», «научная», «педагогическая», «религиозная» [Стернин, 2001: 59–60].

Концепт не существует изолированно; он является частью опыта, приобретенного эмпирическим путем, и формируется через тесные связи с другими концептами. Это подтверждается на примере из теории прототипов: когда концепты расположены близко друг к другу и их признаки пересекаются, могут возникать ошибки. Например, утверждение «кит – это рыба» обусловлено неправильным представлением о том, что такое кит, наложенным на представление о рыбе [Lawrence, Margolis, 1999: 55–63].

Для более полного представления о концепте "*цвет*" нужно построить модель, которая отражала бы его структуру и совокупность знаний об этой категории. Такая модель позволила бы более глубоко понять, каким образом цвет воспринимается, интерпретируется и используется в языке и мышлении. Для этого необходимо составить мыслительную или когнитивную модель. Согласно мнению Н. Ф. Алефиренко, когнитивная модель принадлежит глубинным структурам человеческого мышления. Эта модель не осознается носителями языка и является основой для языковой интуиции [2010].

В данном исследовании для анализа структуры концепта будут использованы понятия ядра и периферии, предложенные З.Д. Поповой, И.А. Стерниным и Ю.Е. Прохоровым [Попова, Стернин, 2001, 2002; Прохоров, 2008]. Согласно классификации З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепты цвета относятся к одноуровневым. Однако для концептов цвета, используемых в провербиальном пространстве языка, это утверждение неприменимо, так как во фразеологизмах цвета приобретают множество ассоциативных связей, что позволяет рассматривать их как многоуровневые концепты.

1.4.3. Подходы к изучению концепта в лингвистике

Как мы выше указывали, концепт изучается в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Эти направления не исключают друг друга, а наоборот взаимодополняют.

Когнитивное направление, представленное работами таких исследователей, как Ю.Д. Апресян, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Н.А. Кобрин, Е.С. Кубрякова, М.Дж. Тагаев и др., акцентирует внимание на моделировании речемыслительной деятельности человека. Концепт рассматривается как структурный элемент этой деятельности, отражающий результаты речемыслительных процессов в языке [Иванова, 2006а:37].

Лингвокультурологический подход, напротив, сосредоточен на исследовании концепта через призму культуры. Этот аспект был рассмотрен, такими учеными как С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, З.К. Дербишева и др., которые уделяют особое внимание культурной обусловленности языковых феноменов.

Цель когнитивного анализа концепта заключается в выявлении значений языковых единиц (слов, фразеологизмов, текстов), репрезентирующих концепт, с последующим описанием его структуры и содержания. Важным аспектом исследования является реконструкция концептов с учетом их национально-культурной специфики.

О.М. Смирнова подчёркивает, что лингвокультурологические исследования предполагают применение комплекса аналитических методов, направленных на изучение взаимосвязи языка и культуры [Смирнова, 2009:248]. Эти методы включают лингвистические, культурологические и социологические подходы. Среди них можно выделить контент-анализ, фреймовый анализ, нарративный анализ, методы полевой этнографии, экспериментально-когнитивной лингвистики и психокультурологического анализа текстов [Смирнова, 2009:249].

Таким образом, оба направления представляют собой важные компоненты в изучении концептов, позволяя выявить как их когнитивную основу, так и культурные особенности.

Основным методом изучения концептов является концептуальный анализ, применяемый как в когнитивном, так и в лингвокультурологическом подходах. Данный метод включает в себя несколько ключевых этапов:

1. *Идентификация языковых знаков*: определение совокупности языковых выражений, репрезентирующих концепт, для установления их значимости в рамках конкретного языкового сообщества.
2. *Этимологический анализ*: исследование происхождения и исторического развития имен концептов для выявления их эволюции в языковой и культурной среде.
3. *Культурологический аспект*: изучение концептов с точки зрения их значения и роли в культуре, что позволяет установить их специфические черты.
4. *Анализ словарных дефиниций*: исследование определений лексических единиц, воплощающих концепты, с целью выявления их ключевых признаков, концептуального содержания, а также определения места концепта в языковой картине мира и национальном сознании.
5. *Семантико-сочетаемостный анализ*: изучение свойств сочетаемости лексических единиц, выявление концептуальных метафор и анализ метафорической сочетаемости, что способствует раскрытию дополнительных характеристик концепта, включая его образные и символические аспекты [Передриенко, 2006: 12].

О.В. Гофман подчёркивает, что для полноценного описания концепта необходимо учитывать историю его использования и интерпретации, а также сопоставлять этимологические значения с семантическими и прагматическими аспектами. Это позволяет глубже понять особенности мышления и мировосприятия языкового сообщества, а также выявить культурные предпосылки формирования концепта [Гофман, 2001: 213–217].

Таким образом, концептуальный анализ представляет собой многоэтапный и междисциплинарный процесс, направленный на выявление когнитивной и культурной природы концептов.

Также необходимо дать определение когнитемы – единицы когнитивного анализа, которая необходима при анализе концепта. Под когнитемой понимается пропозициональная единица знания, реконструируемая при анализе когнитивного пространства языковых единиц [Иванова 2003: 142, Иванова 2006б: 97]. Когнитема выделяется внутри содержательного пространства, образуемого совокупностью концептуальных признаков. Пропозиция понимается как совокупность ассоциаций, связывающих элементарные представления или концепты, и как единица памяти может иметь невербальную и вербальную форму единиц [Иванова 2003: 113]. Таким образом, в настоящем исследовании когнитема является пропозицией, то есть по строению соответствует основной единице памяти. Выделяются различные типы когнитем: прототипические когнитемы (составляющие ядро концепта), базовые когнитемы (отражающие эмпирическое знание и «наивное» восприятие мира), выводные когнитемы (связанные с наблюдением объектов), интерпретативные когнитемы (результат интерпретации окружающей действительности, среди которых выделяются фантазийные когнитемы, отражающие нереальные ситуации) [Иванова 2012: 73]. Изучение конкретных концептов часто фокусируется на абстрактных сущностях. Это представляет особый интерес с точки зрения лингвистики, поскольку абстрактные концепты можно анализировать только через их вербальное выражение. Часто объектом исследований становятся абстрактные концепты, такие как, «гнев», «стыд», «счастье», «юмор», «жизнь». Это особенно интересно, так как абстрактные концепты возможно исследовать путем анализа через вербальные выражения. Так, например, Бутешова А.Р., исследовала концепт «жизнь» в русской и кыргызской языковой картине мира, используя метод свободного ассоциативного эксперимента [2012], в работе Мадаминовой Д.Б. рассмотрен концепт

«традиция», методом моделирования были разработаны упрощенные схемы и элементы форм этнических традиций [2020].

Кроме того, исследуются также конкретно-предметные концепты. Например, в работе Жороевой А.М. [2023] рассмотрен концепт ЭРКЕК/МАН на материале кыргызского и английского языков, путем лексикографического, паремиологического анализов был исследован данный концепт, в работе Абыкановой Г.А. [2012] был рассмотрен концепт “вода/суу”, с использованием концептуального анализа было составлено номинативное поле данного концепта.

Концепты цвета, рассматриваемые в настоящем исследовании являются конкретно- предметными концептами. Концепты цвета ранее в кыргызском языке на материале провербиальных единиц не рассматривались. Однако, существуют ряд работ, в которых рассматривались колоронимы, цветообозначения, так, например, в работах К. Саматова [1997, 2003, 2017], Г.Э. Жумалиевой [2008], А.Н. Сыдыкова [2011], Ч.Р. Шариповой [2024] и др., где выявлялись цветообозначения в кыргызском языках на материале различных произведений и сравнивались с цветообозначениями в других языках. Таким образом, можно сделать вывод, что предметом изучения становятся самые разнообразные типы концептов. При практических исследованиях используется когнитивно-семантический подход; большое внимание уделяется анализу метафоричности, так как фразеологизмы отличаются образностью и метафоричностью.

Концепт цвет рассматривается в данном исследовании, как с точки зрения когнитивистики, так и лингвокультурологии. Следовательно, в работе берутся за основу соответствующие методы.

Выводы по 1 главе

В данной главе сделан краткий экскурс в историю изучения цветообозначений. Как показывает литература, изучение цвета прошло путь от философских и религиозных размышлений в Античности и Средневековье до научного анализа (Ньютон, Гёте). Далее в работе было дано определение цвету, рассмотрены подходы к изучению цвета в лингвистике. Цветонаименования исследуются с разных подходов: антропологического, психологического, гендерного и лингвокультурологического. Универсальность и культурные различия в восприятии цветов подтверждаются различными исследованиями. Цвет влияет на эмоции, гендерные предпочтения и отражает культурные ценности. В лингвистике цветообозначения имеют важное значение в формировании концептов и систем, связанные с профессиональной деятельностью и культурой. Современные исследования включают физическую природу цвета, психологическое восприятие, лингвистические особенности и культурную символику. Концепт цвета представляет собой ментальное образование, объединяющее физические, когнитивные и культурные аспекты. Цвет как выяснилось выполняет когнитивные, символические и эмоциональные функции, помогая структурировать восприятие мира. Цветообозначения в языках отражают мировоззрение народов, их культурные традиции и исторический опыт. Разные культуры наделяют одни и те же цвета различными символическими значениями. Цветовая символика играет ключевую роль в культуре и обществе, отражая исторические, культурные и психологические аспекты. Она развивалась на протяжении веков, начиная с палеолита, когда цвет использовался как средство коммуникации и символического воздействия. В различных культурах цвета приобрели особое значение: в античности, Средневековье и в религиозных традициях цвета символизировали свет, чистоту, жизнь, смерть и божественные силы. Важную

роль в символике играли такие цвета, как белый, красный, желтый, зеленый и синий, которые олицетворяли противоположности — добро и зло, свет и тьму.

Цветовая символика также эволюционировала в социальных и политических контекстах, став важным элементом в идеологических и революционных движениях. В XIX и XX веках цвет стал объектом научных исследований в области психологии, физиологии и физиологии восприятия, а также активно используется в рекламе и дизайне. Цвет продолжает оказывать влияние на культуру, литературу и искусство, где его символика помогает создавать образы и передавать глубокие эмоции и идеи. Цветовой символизм имеет как универсальные значения, так и культурно-специфические интерпретации, что отражает его динамичность и многозначность в разных. В немецком языке термин «цвет» трактуется как оптическое восприятие, отражающее определённые оттенки или их отсутствие, а также как средство окрашивания или характеристика цвета предметов, включая оттенки кожи и лица. В исследованиях цвета в немецком языке акцент делается на колоронимы — названия цветов и их оттенков. Большинство работ сосредоточено на синхронных аспектах языка, однако есть и диахронические исследования, например, работа Джонса, исследующая развитие цветовой лексики на протяжении более чем 12 веков. Е. Оксаар в своей работе разделяет названия цветов на несколько категорий: симплексы, метонимии, производные и сложные соединения, такие как «существительное + колороним» (например, кирпично-красный) или «прилагательное + колороним» (например, светло-зелёный). Эти соединения классифицируются в зависимости от областей происхождения существительных: растения, минералы, жидкости, ткани, животные и другие. Например, фиолетовый аметист происходит из категории минералов, а бананово-жёлтый — из категории фруктов.

В работах, связанных с контекстом моды, отмечается влияние рекламных текстов и репортажей на формирование новых цветовых терминов. Клаус и Стойева-Хольм анализируют составные слова и метонимии в

немецких модных текстах, отмечая преобладание сравнительных конструкций, таких как «небесно-голубой». Клаус также выделяет типы соединений по их отношению к исходным словам: от сравнительных до причинных. Интересно, что некоторые оттенки, например, жёлтый, редко модифицируются прилагательными из-за их узкой области применения.

Фан проводит сравнительный анализ немецких и китайских колоронимов, выделяя 12 базовых цветовых терминов в немецком языке, что противоречит универсальной классификации из 11 терминов Берлина и Кея. Историческое развитие цветовых слов, таких как «violett» и «lila», демонстрирует различия в их применении. Фан также исследует типы отношений между компонентами составных цветовых выражений, включая модификационные, причинные, временные и компаративные. В большинстве случаев преобладают сравнительные конструкции. Данные исследования показывают, что немецкая цветовая лексика отражает культурные, исторические и социальные ценности, влияя на язык моды, рекламу и повседневное общение.

В кыргызском языке цветовые обозначения исследуются в контексте их роли в этнонимике, фразеологии и литературе. Работы отечественных лингвистов, таких как К. Саматов и Г. Жумалиева, подчеркивают диахронический и синхронический подходы к изучению концепта цвета.

Тем самым подчеркивает значимость цвета как физического, когнитивного и культурного феномена, играющего ключевую роль в восприятии, языке и культуре. Термин «картина мира» был введен физиком Г. Герцем и позже использовался в гуманитарных науках такими философами, как К. Ясперс, Л. Витгенштейн и Л. Вайсгербер. Картина мира делится на два типа: концептуальную, которая является результатом мышления и восприятия, и языковую, которая отражает восприятие через язык. Современные исследования в области языковой картины мира ориентированы на изучение общей системы представлений, выраженной в языке, и на анализ уникальных, трудно переводимых концептов, связанных с культурными особенностями,

таких как восприятие цвета. Концепт рассматривается с точки зрения когнитивного и лингвокультурологического подходов. Когнитивная лингвистика фокусируется на моделировании речемыслительных процессов, а лингвокультурология изучает концепты через культуру. Основным методом является концептуальный анализ, который включает идентификацию языковых знаков, этимологический анализ, исследование культурных аспектов и анализ метафоричности. Ключевым элементом анализа является когнитема — единица знания.

Глава 2. Концепт «цвет» в провербиально-языковой картине мира (Материалы и методы исследования)

2.1. Методология, объект, предмет, методы работы

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, сочетая когнитивный, культурно-ориентированный и функционально-семантический анализ. Исследование выполнено в русле антропоцентрической парадигмы, которая рассматривает язык как средство отражения культурного сознания и менталитета. Применение когнитивного подхода позволяет моделировать концептуальную структуру цвета, выявляя национально-специфические и универсальные признаки исследуемого концепта.

Методологической и теоретической базой исследования послужили научные работы в области изучения провербиального пространства (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.З. Зулпукаров, Л.И. Дрофа, А.А. Калмурзаева, А.А. Жусупова, А.Т. Абдраева, С.М. Амиралиев и др.), в области когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, А.П., Воркачева С.Г., Бабушкин, Е.В. Иванова, М.Н. Лапшина, Н.А. Кобрина, В.П. Нерознак, Н.Ю. Шведова, Ю.Е. Прохоров, Н.П. Силинская, А. Вежбицкая, G. Lakoff, M. Johnson, V. Evans, К.З. Зулпукарова, М.Дж. Тагаева, З.К. Дербишева, У.Дж. Камбаралиева), лингвистики цвета (А.П. Василевич, Р.М. Фрумкина, Р.В. Алимпиева, В.Г. Кульпина, И.В. Макеенко, А.А. Залевская, Н.Б. Бахилина, Н.С. Братченко, P. Kay, R. Brown, H. Braem, H. Gipper, E.Heller, Ch. Wanzek и т.д.).

В качестве источников материала исследования привлекались данные толковых, этимологических, фразеологических, частотных, энциклопедических словарей немецкого, кыргызского и русского языков, а также художественные произведения.

Объектом исследования являются единицы провербиального пространства языка (фразеологизмы, пословицы, поговорки, устойчивые выражения), с компонентом цветообозначений в немецком, кыргызском и русском языках.

Предметом исследования являются семантические, когнитивные и культурно-специфические особенности концепта «цвет», выраженного в провербиальном пространстве, а также взаимодействие языковых, когнитивных и культурных факторов в формировании концептуального содержания цветообозначений.

В рамках исследования использовались как эмпирические, так и теоретические методы. Эмпирические методы были задействованы на начальном этапе работы. С их помощью проводился анализ лингвистической литературы, статей из толковых и переводных словарей, осуществлялся сбор языковых данных в рамках исследуемой темы. Полученные данные систематизировались, классифицировались, распределялись по типам и подтипам, формировалась картотека.

Кроме того, из художественных текстов и разговорной речи извлекались и фиксировались примеры, которые интерпретировались с позиций когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и смежных направлений антропологической лингвистики. Перевод собранного материала с одного языка на другой также использовался как один из методов исследования.

В процессе углубления и расширения исследования применялись теоретические методы и соответствующие процедуры. Основные результаты были достигнуты с использованием таких методов, как анализ, синтез, системный подход, обобщение, сравнение, сопоставление, моделирование, аналогия и формализация. Анализ предполагал разбор фактического материала, включая разделение целостных структур на части и их детальное рассмотрение, что позволило уточнить сущность концепта «цвет». Однако данный метод не раскрывает объединяющие начала элементов крупных языковых структур, таких как концепт «цвет». Поэтому дополнительно

использовались методы синтеза для описания специфики объективации концепта через укрупненные языковые знаки и выявления системных свойств его репрезентативов. Синтез оказался важным для формирования обобщающих выводов. В работе значительное место занимают результаты, достигнутые посредством применения сравнительного и сопоставительного методов. Сопоставительный анализ применяется для выявления сходств и различий в функционировании в различных языках. Этот метод позволяет проанализировать, как в разных языковых системах выражаются понятия, связанные с цветом, и какие особенности наблюдаются в их употреблении. Когнитивный анализ используется для реконструкции концептуальных моделей в провербиальном пространстве исследуемых языков. Он направлен на изучение того, как цветообозначения влияют на восприятие и интерпретацию реальности в разных культурах и языках, а также как они структурируют восприятие окружающего мира. Этимологический метод необходим для изучения происхождения и исторического развития цветообозначающей лексики. Этот подход позволяет проследить, как менялись значения и формы слов, обозначающих цвета, и какие историко-культурные факторы влияли на их эволюцию. Контекстуальный анализ ориентирован на исследование смысловых вариаций цветообозначений в конкретных контекстах. Этот метод помогает установить, как цветовые термины могут изменять свои значения в зависимости от ситуации, жанра текста или социального контекста. Лексико-семантический метод используется для определения семантической структуры цветообозначений и анализа их лексических связей. С помощью этого метода исследуются значения слов, их взаимосвязи, синонимия, антонимия и другие семантические отношения между цветообозначениями в языке.

2.2. Провербиальное пространство языка

В последние годы в языкознании стал все чаще подниматься вопрос о провербиальном фонде языка. Провербиальный от лат. *proverbium* – поговорка, пословица, спец. вошедший в поговорку, в поговорку [Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина, 1998]. Б.А. Матисаева подчеркивает, что «провербиальный фонд языка, будучи одним из аспектов фиксации национальной культуры является средством выражения и усвоения национально-ценностных представлений и посредством преломления через национальную психологию и культуру, они приобретают ценностную значимость и эмоциональную окрашенность. Эта специфика находит отражение и выражение в языке, в частности, в провербиальных средствах языка, которые представлены совокупностью фразеологизмов и паремий» [2016]. Как пишет М. Атакулова, «термин «провербиальное пространство» состоит из двух частей. Первая часть – латинское слово *proverb/proverbium* со значением «фраза, изречение», входит в производные термины провербиальная фраза, провербиальное сочетание, провербиальное поле и т.д. [Атакулова, Айылчиева, 2015:26]. Провербиальное пространство (термин Ю. Левина), это совокупность пословиц и поговорок языка с их внутренними сложно пересекающимися свойствами и признаками, связями и отношениями. Ю.Апресян также описывал многомерное семантическое пространство [Апресян, 1995:4-7]. Данный термин используется в трудах многих зарубежных и отечественных ученых. В последние годы во многих исследованиях (К.З. Зулпукаров, С. Сейитбекова, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Л.И. Дрофа, А.А. Калмурзаева и др.) в это поле помимо пословиц, поговорок начали включать также и идиомы, речевые формулы, устойчивые обороты, клятвы, проклятия, благопожелания и т.д. [Атакулова, Айылчиева, 2015:27]

Провербиальный фонд языка представляет собой сокровищницу ценностных установок, выраженных в пословицах, ядро каждой национальной культуры. Это богатство представляет собой результат накопленного знания и опыта, охватывающего весь период развития культуры. Ю.И. Левин ввел термин "провербиальное пространство" для описания совокупности семантических отношений, выраженных в пословицах. Предложив это понятие, Ю.И. Левин предложил рассматривать пословичный фонд как многомерное пространство и провести анализ его локальной структуры с точки зрения логики, семантики, эстетики и других аспектов [Ю. Левин, 1984]. В последние годы в русистике и кыргызском языкознании появились такие понятия, как провербиальная картина мира, провербиальный фонд, провербиальный код, провербиальные единицы, провербиальный концепт, провербиальный смысл. Наиболее подробно эти понятия рассматриваются в статье К. Зулпукарова «О предмете лингвопаремиологии» [Зулпукаров, 2011:3-12] и в диссертации С.Б. Эргешовой «Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши» [Эргешова, 2010:3-18]. По мнению К. Зулпукарова: «провербиальное пространство – это совокупность фразеологизмов и паремий, встречающихся в конкретном языке, группе языков или в языке вообще и обладающих культурно - этническим содержанием, способностью к накапливанию и распространению опыта, образностью смысла, наличием хотя бы одной из стилистических фигур или тропов, инвариантностью и устойчивостью общего содержания, варьируемостью и вариативностью частных значений...» [Зулпукаров, 2011:7]. Как отмечает А. Абдраева в своем исследовании, «терминдин этимологиясына кайрылсак, анда биз латынча *proverb/proverbium* “учкул сөз, санат сөз” сөзүнүн кыргызча туундусун жана математикадан калькаланып алынган мейкиндик (мат. топологиялык жана метрикалык мейкиндик) сөзүн көрөбүз. Провербиалдык

мейкиндик терминдик сөз айкаштын экинчи бөлүгүн кырдаалга ылайык фраза, сүйлөм, айкаш, талаа, алкак, көптүк сөздөрү менен алмаштырууга да болот» [Абдраева, 2022: 30].

Провербиальная картина мира определяется исследователями как отображение в сознании человека представлений о ценностных характеристиках мира, провербиальная картина мира также дает образец поведения человека в тех или иных ситуациях. Провербиальный фонд выполняет важную культурную функцию: он представляет собой зафиксированный в языке свод поучений, касающихся выбора стратегии житейского поведения. Часть этих поучений (предписаний) «вошла в язык», то есть зафиксировалась в виде пословиц, провербиальных изречений и подобных им языковых единицах. Как отмечает А.А. Калмурзаева, «единицы провербиального фонда в своей семантике отражают не отдельные предметы, действия, свойства или отношения, но целые ситуации, представляющие собой типовые участки лингвокультурного пространства, то есть культурные сценарии». [Калмурзаева, 2015:33]. Семантика провербиальных единиц описывает морально-этический код той или иной нации, раскрывает базисные ценности этой нации (такой код получает определение «провербиальный») [Кюрегян, 2008:1-20]

Под провербиальным концептом понимается ментальное образование, в которое входит ценностно значимое для всех членов этносоциума представление, выступающее в качестве инварианта, и его вариативные предикации – провербиальные смыслы, вербализованные паремиями и включающие мировоззренческие установки, характеристики практической деятельности, морально-этические ценности. [Кубрякова, 1984: 20].

Согласно данным словарей английского языка, прилагательное *proverbial* имеет следующие значения: 1) относящийся к пословицам: *the – style* «стиль пословиц»; - *wisdom* «мудрость пословиц/поговорок»; 2) провербиальный – «вошедший в поговорку; общеизвестный»: *the- London*

fog знаменитые лондонские туманы; his meanness was – он был известен своей скупостью, его скупость вошла в поговорку. В английском языке лексемы и фразеологические единицы, маркированные, словом, proverbial, не только являются показателями культурно-национальной специфики, но и служат также показателями универсальности [БАРС, 1992: 267].

Слово «провербиальный» объединяет в себе такие характеристики, как древность, культурная значимость, ценность, известность, универсальность и эмоциональная насыщенность. Эти качества присущи не только пословицам, но и поговоркам, идиомам и другим речевым формулам. Именно поэтому все эти выражения объединены в единый класс провербиальных единиц, составляющих провербиальный фонд. Следует отметить, что поговорки, пословицы и другие провербиальные единицы могут быть тесно связаны между собой: нередко они имеют в своей основе один и тот же образ, обладают сходным значением. Это свидетельствует о плавности большинства переходов при разграничении языковых единиц. Фактически в языке происходит переход от провербиальных фраз (глагольных фразеологических единиц) к поговоркам (незамкнутым предикативным единицам), в которых глагол, стоит в личной форме, а затем – к пословицам (незамкнутым предикативным единицам). Все три группы тесно взаимосвязаны, например, провербиальные фразы могут возникать на основе пословиц и наоборот. Первое характерно для стран континентальной Европы и России и направлено на изучение структурных и семиотических аспектов, логических отношений и семантики. Особым авторитетом среди работ, выполненных в рамках этого направления, пользуются исследования Г.Л. Пермякова [1988]. Предложенную им классификацию пословиц и близких к ним паремиологических единиц даже назвали «пословичной таблицей Менделеева» [цит. по Калмурзаева, 2015:35]. Данное направление исследования фольклора в значительной степени основано на работах В.Я. Проппа [1928]. Второе направление

развивается в Великобритании и США и ориентировано на исследование роли пословиц в коммуникации и социальной жизни. В рамках этого направления проводятся экспериментальные полевые исследования по определению паремиологического минимума, исследования функционирования пословиц в замкнутых социальных группах, проводится анализ иллокутивных и перлокутивных актов при употреблении и пословиц в речи, исследование функции пословиц в дискурсе [Зулпукаров, Эргешова, 2009: 9 - 44]. Ученые - паремиологи обоих направлений стоят перед необходимостью дать определение пословицы, разграничить пословицы и близкие к ним единицы [Калмурзаева, 2015:36]. Итак, подводя итоги вышесказанного, можно сказать, что «провербиальное пространство – это совокупность устойчивых образований в языке – фразеологизмов, поговорок, пословиц, призывов и других малых форм фольклора» [Зулпукаров и др., 2017:450].

Фразеологический состав следует рассматривать как отдельную подсистему языка и фразеологию, следовательно, как составную часть науки о языке. По Тер-Минасовой, язык – это сокровищница культуры, хранящая культурные ценности в лексике, грамматике, фразеологии и литературе. Структура языка влияет на мировоззрение носителей этого языка и образ их мышления. Благодаря языку можно не только понять современный менталитет людей, но и узнать больше о прежних представлениях людей о мире [Тер-Минасова, 2000:27]. Фразеологизмы являются важным средством распознавания картины мира. Они представляют собой языковой феномен. «В любом фразеологизме заложено своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры» [Люшер, 1996:11]. Во фразеологизме представлены факты об истории, быте, традициях страны. Все это является частью региональной специфики. В этом контексте можно утверждать, что каждый фразеологизм имеет национально-культурную семантику.

2.2.1. Единицы провербиального пространства языка

Вопрос классификации фразеологических единиц остается открытым. В этой главе мы рассмотрим фразеологические единицы, которые, на наш взгляд, входят в элементы провербиальной системы. Поговорка имеет наиболее неопределённый статус среди паремиологических единиц, что приводит к различиям в её трактовке различными исследователями. Г.Л. Пермяков в своей работе «К вопросу о структуре паремиологического фонда» [247-274]. проводит границу между пословицей и поговоркой – это замкнутая, целиком клишированная структура, поговорка – неамкнутая структура, изменяемая или дополняемая в речи [9]. Пословицы и поговорки сопровождают людей с давних времен. Такие выразительные средства, как точная рифма, простая форма, краткость сделали пословицы и поговорки стойкими, запоминаемыми и необходимыми в речи. С точки зрения Г.Л. Пермякова и пословицы, и поговорки обладают переносным значением. Замкнутые структуры с прямым значением Г.Л. Пермяков относит к народным афоризмам, а незамкнутые – к присловьям [400, С.11]. Другим важным параметром в характеристике пословиц и поговорок в концепции Г.Л. Пермякова является противопоставление частного/обобщенного. Однако это противопоставление не выступает в качестве основы для классификации, а лишь дополнительно характеризует разграниченные по структурному принципу единицы. Так, к частным высказываниям относятся все поговорки и некоторые пословицы, обобщенные высказывания представлены только пословицами. [400, С.10]. Разграничению обобщенных и частных пословиц у Г.Л. Пермякова созвучна классификация пословиц Ю.И. Левина, точнее, не классификация, а одна из важных функциональных характеристик входящих в провербиальное пространство единиц.

По мнению Г.Л.Пермякова, и Ю.И. Левина определяющим фактором для разграничения пословицы и поговорки является структурный критерий, а семантические характеристики выступают как важные, но не

классифицирующие черты при проведении границы между этими единицами. Семантические характеристики используются для отделения пословиц от народных афоризмов, замкнутых предикативных структур с прямым значением, которые рядом зарубежных ученых рассматриваются как безобразные пословицы, или максимы. В.П. Жуков при разграничении пословиц и поговорок выбирает в качестве классифицирующего критерия семантические. С его точки зрения, и пословицы и поговорки представляют собой законченные предложения, в основе которых лежат суждения. Пословицы - это устойчивые народные изречения, имеющие только переносный смысл или буквальный и переносный смысл: *Горбатого могила исправит*. Поговорки – это краткие народные изречения, имеющие буквальный смысл: *Коса - девичья краса*. Таким образом, класс пословиц у В.П. Жукова сужается до единиц, имеющих полностью переосмысленное значение, а класс фразеологических единиц пополняется поговорками в классификации Г.Л. Пермякова и Ю.И. Левина. Структурный признак – цельнооформленное предложение – лежит в основе разграничения паремиологических и фразеологических единиц, но не в основе разграничения пословиц и поговорок. Ю.Н. Солодуб пытается развить паремиологическую концепцию В.П. Жукова, но в то же время предлагает собственную типологию пословиц и поговорок с учетом разной степени обобщенности их значений. Согласно концепции Ю.Н. Солодуба, пословица выражает определенную закономерность, которая воспринимается как рекомендации для всех и каждого, а поговорка содержит обобщение на уровне конкретной типизированной ситуации, которая, как правило, включается в семантизацию этой поговорки. *Ср. Большому кораблю – большое плавание и Овчинка выделки не стоит.* (474 : 62).

Пословицы и поговорки возникли в далекое время, и уходят своими корнями вглубь веков. Многие из них появились еще тогда, когда не было письменности. Поэтому правильнее будет сказать, что пословицы и поговорки

имеют народное происхождение, что их первоисточник находится в коллективном разуме народа.

А. Н. Афанасьев считал, что «пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [14].

На принадлежность пословиц именно к сфере фольклора указывает устный характер передачи этих единиц. Уже в самом своем названии пословица содержит непосредственное указание на отношение к устной речи. По мнению В. И. Даля, пословица - продукт исключительно народной среды общения: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет, в образованном и просвещенном обществе пословицы нет. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть, из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз» [15].

Пословицы и поговорки реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, они передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды. Главное назначение пословиц — давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. И с этой задачей пословицы справляются весьма успешно. Их тематика поистине безгранична. Они охватывают решительно все стороны жизни человека, самые различные взаимосвязи между разными явлениями действительности.

В. Л. Архангельский рассматривает пословицы и поговорки как особый тип вторичных языковых знаков, включаемых в круг фразеологических единиц [16].

В типологической классификации Г. А. Пермякова указывается, что «пословица – грамматически законченное (имеющее вид предложения)

изречение с образной мотивировкой общего значения, т.е. требующее расширительного толкования» [17]. «Поговорка – грамматически незаконченное (не составляющее предложения) изречение с образной мотивировкой общего значения» [18].

Похожие определения встречаются в толковых словарях, а также во многих специальных статьях и исследованиях.

В толковом словаре С. И. Ожегова даётся следующее определение: «пословица – краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм» [19]. Поговорка – это «краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [20].

М. А. Мещерякова интерпретирует пословицу как «краткое, законченное, образное изречение обобщающего характера; поучительное жизненное наблюдение, применимое к самым различным случаям и ситуациям; малая жанровая форма фольклора» [21]. Поговорка – «меткое образное выражение, не заключающее в себе обобщающего смысла. Является не законченным выражением, а только его частью. Может быть частью пословицы, самостоятельным выражением, придающим речи выразительность, или заимствованием из литературного произведения» [22].

В лингвистическом энциклопедическом словаре пословица определяется как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеющее форму законченного предложения, обладающее буквальным и переносным значением, или только переносным» [23].

Наиболее широкое понимание поговорки как коммуникативной фразеологической единицы непословичного характера представлено в работах А.В. Кунина, который включает в данный разряд разные структурно-семантические типы образных устойчивых сочетаний слов: предложения с замкнутой структурой, незамкнутые предикативные структуры типа one s heat

warms towards somebody, стереотипы или штампы типа *What s up? What the good word?* (304, С. 251). Автор также отмечает, что четкого разграничения между поговоркой и поговоркой в англо-американской лингвистике не проводится. На факт отсутствия данной проблемы в западной лингвистике указывает В. Чернелев. По мнению И.Е. Аничкова, термин «поговорка» вообще не имеет точного эквивалента в западноевропейских языках, в которых употребляются термины поговорка, идиома или идиоматизм. Автор утверждает, что в английском языке ближайшим по значению к слову «поговорка» является слово *a phrase*, а в немецком – *eine Redensart, eine Mundart*, поэтому для передачи значения этого слова в английском употребляются словосочетание *a proverbial phrase*, а в немецком – *eine sprichwörtliche Redensart*. (29, С. 40-150). В кыргызском языкознании наиболее полный перечень признаков паремий и различий между поговорками и поговорками приводят Ж. Осмонова (389, С. 47-52), А. Абдулатов (3, С. 27-42), жана С.Б. Эргешова (595, С. 33-37).

Афоризмы и крылатые слова также мы относим к провербиальной системе языка. Все исследователи, в общем, согласны с тем, что афоризм это изречение, чье авторство прослеживается, и что афоризмы являются одним из источников пополнения поговорочного фонда. Крылатыми словами в традиционной фразеологии называют «различные в структурном отношении устойчивые сочетания слов, в большинстве случаев афористического характера, источник возникновения которых (литературный, фольклорный, публицистический и т.п.) мыслится как общественный» (59, С. 70). Крылатые выражения - устойчивый фразеологизм образного или афористического характера, вошедший в лексику из исторических либо литературных источников и получившие широкое распространение благодаря своей выразительности. Изучаются в рамках фразеологии. Источниками крылатых выражений могут быть мифы, фольклор, литература, публицистика, мемуары, речи известных людей. Это могут быть цитаты или образные выражения, появившиеся на их основе. Таков, например, библейский «запретный плод».

Такие выражения могли давно потерять связь с источником и в каждую эпоху употребляться применительно к текущим событиям. Крылатыми словами в традиционной фразеологии называют «различные в структурном отношении устойчивые сочетания слов, в большинстве случаев афористического характера, источник возникновения которых (литературный, фольклорный, публицистический и т.п.) мыслится как общеизвестный» (59, С.70)

Как считают Баранов А.Н., Добровольский Д.О., крылатые слова не являются строго лингвистической категорией. Они образуют некое подмножество фразеологизмов, чаще всего идиом или пословиц. Категория крылатых слов оставалось достоянием традиционных подходов к описанию языкового материала, предшествующих его теоретическому осмыслению. Тем не менее, это понятие оказалось весьма живучим, что подтверждают его некоторую эвристическую ценность, что проявляется и в чрезвычайной популярности различных словарей крылатых слов; см. (59, С. 320), а также (357, С. 240). К тому же в рамках когнитивной парадигмы ему может быть придан и определенный теоретический статус, так как, когнитивный подход к исследованию языка позволяет интерпретировать такие категории, как общий фонд знаний некоторого культурного сообщества.

В фонде кыргызских афоризмов значительную долю составляют крылатые выражения из эпоса, сказок, народных песен, из «Курани карим» и др. источников, а также из произведений писателей, журналистов и речей политических деятелей. В развитие кыргызской афористики внес значительный вклад молодой лингвист А. Жапанов, составивший и издавший двухтомный сборник афоризмов мыслителей прошлого в переводе на кыргызский язык [197, С. 67-87.

С точки зрения А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского (59, С.73), крылатые слова выделяются на нелингвистических основаниях, частично попадая в идиомы, частично – в пословицы. Крылатые слова, по мнению этих исследователей, тесно связаны с культурной традицией. Отсюда

вариативность указанного класса: человек, не читавший И. Ильфа и Е.Петрова, не поймет большинства приведенных крылатых слов из их романов.

Итак, можно сделать вывод, что между пословицей, афоризмами и крылатыми словами не всегда можно провести четкую границу.

Для нашего исследования было необходимо определить, что входит в провербиальное пространство языка, чтобы провести анализ концепта «цвет» в изучаемых языках. Мы установили, что в это пространство также включаются фразеологизмы и устойчивые выражения, поэтому в следующем параграфе кратко рассмотрим происхождение фразеологизмов в исследуемых языках.

2.2.2. Истоки развития немецкой фразеологии

Одной из первых дала общее описание немецкой фразеологии И.И. Чернышева. Разграничение переменных и устойчивых словосочетаний немецкого языка зародилось в синтаксических исследованиях немецких ученых XIX-XX столетий, таких как Г. Пауль, О. Бехагельс, И. Рис. В трудах многих немецких лингвистов устойчивые выражения рассматриваются в общей массе словосочетаний при анализе синтаксиса и словообразования. Из крупных исследований по фразеологии в немецкой лингвистической литературе наибольшей ценностью обладает работа Фридриха Зейлера «Немецкая фразеология» [Seiler,1922], которая была попыткой не только показать огромное фразеологическое богатство немецкого языка, но и дать анализ структуры и семантики основных разрядов фразеологии – пословиц, поговорок, парных сочетаний. Интересны этимологические исследования Ф.Зейлера, вскрывающие происхождение идиом, а также детальнейшее описание, как источников пословиц, так и их инвентаризация в различных лексикографических изданиях. Однако, как отмечает И.И. Чернышева, теоретические положения Ф. Зейлера с точки зрения современной науки малоактуальны. В работе не рассматриваются такие проблемы, как установление лингвистических критериев фразеологической единицы и

объема фразеологии, выяснение внутренних и внешних причин обогащения фразеологического фонда и взаимодействия его с лексикой [Чернышева, 1970: 9-10]. Особого внимания требует лексикографическая работа Э. Агрикола при участии Г. Гернера и Р. Кюфнер, изданная в ГДР в 1968 г., в которой авторы попытались научно систематизировать материал. В данной работе четко видна шкала стилистических помет и наличие теоретического введения, в котором один из разделов целиком посвящен устойчивым словосочетаниям, их отграничению от переменных сочетаний и выделению различных групп фразеологии. Похожую задачу поставила в своей работе «Устойчивые сочетания в современном немецком языке» известный лингвист-лексикограф Рут Клаппенбах [Klappenbach, 1971]. Данная работа была написана под влиянием фразеологических исследований русского языка В.В. Виноградова, С.И.Ожегова, О.С. Ахмановой. Автор сделала попытку применить семантическую классификацию В.В. Виноградова для каждого структурного типа фразеологии в отдельности: глагольного, атрибутивного, адвербиального. Ценным в этой работе является стремление автора по-новому подойти к проблеме фразеологизмов. Таким образом, в современной теории фразеологии немецкого языка появились новые аспекты, которые требуют дальнейшего исследования. Один из них — расширение ассортимента фразеологических выражений за счёт существующей лексики, а также создание новых слов и выражений на основе фразеологии (фразеологическая деривация). Обзор состояния теории современного немецкого языка в зарубежной и советской германистике показывает, что при слабой степени общего развития теории фразеологии в немецком языкознании, наиболее исследованными областями являются: синтаксическая структура, семантика, и выразительные средства одного вида фразеологии - пословицы и источники, этимологии некоторых видов фразеологии, в первую очередь, идиом. К положительным моментам развития фразеологии в немецком языкознании относится стремление отдельных ученых-лексикографов — уточнять

семантику и структуру фразеологических единиц немецкого языка [Виноградов, 1986: 21-33].

2.2.3. Становление и развитие кыргызской фразеологии

Кыргызская фразеология относительно молодая наука, она охватывает всего 70-80 лет. Как указывает Б. Нарынбаева: «развитие фразеологии в кыргызском языкознании можно разделить на два периода: начало пятидесятых годов до 90-годов XXв., второй от 90-х годов и до наших дней XXI в». Первый период характеризуется зарождением интереса к фразеологии в исследованиях ученых-лингвистов. Это был период становления и самоопределения фразеологии как отдельной области научного исследования. Данный период характеризуется отмежеванием фразеологии от других лингвистических дисциплин, и закладываются основы общей теории фразеологии под влиянием идей структурализма. По мнению Б. Нарынбаевой: «научные усилия были направлены на разработку методологии исследования и типологии фразеологизмов, на определение объема и границ фразеологии, выявляются главные отличия фразеологизмов, с одной стороны, от словосочетаний, с другой стороны – от слов; вводятся категория связанности значения, а также описания фразеологической полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, описания фразеологизмов по частеречным классам». В этом смысле данный период был действительно плодотворным для фразеологии кыргызского языка [Нарынбаева, 2017:9]. В кыргызском языкознании одним из первых исследователей, который посвятил исследование фразеологизмам был Ж. Шүкүров. Его статья «Кыргыз тилиндеги фразеологиялык айкалыштар жөнүндө» [1956] была одним из первых трудов, специально посвященных изучению кыргызских фразеологизмов, где и отметил он, что фразеологизмы должны исследоваться отдельно от других единиц языка и что до сих пор нет трудов, посвященных исследованию фразеологизмов в кыргызском языке. После данной статьи

было затишье и только в 60-х годах был снова поднят вопрос о специальном исследовании фразеологизмов Ж. Осмоновой, которая опубликовала ряд статей таких как, «Идиомалардын макал-лакап менен карым-катышы» [1969], «Кыргыз тилиндеги идиомалар жөнүндө» [1969], «Идиомаларды лексикалык варианттары» [1967] , «Идиомалардын синонимдери жөнүндө» [1969] . В 1972 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Кыргыз тилиндеги идиомалар» и опубликовала монографию. Данная работа своими выводами раскрыла четко природу идиом кыргызского языка. В 2007 году Ж. Осмонова опубликовала монографию «Кыргыз тилинин фразеологиясы», в котором она подробно рассмотрела историю становления и развития кыргызской фразеологии. Кандидатская диссертация Ж. Мамытова «Кыргыз тилиндеги идиомалар» [1972], А.Сапарбаева «Метафора менен фразеологиялык синонимдердин катышы» [1973], Ж.Мукамбаева «Идиомалар, учкул сөздөр» [1974], Б.Суранчиевой «Фразеологиялык синонимдер»[1978] были опубликованы в последующие годы, которые раскрыли основные формы фразеологизмов кыргызского языка и их лексико-семантическую природу, особенности их употребления в речи и т.д. В кыргызском языкознании неоспоримый вклад в исследование фразеологии внес Р. Эгембердиев, который очень широко и глубоко исследовал фразеологизмы кыргызского языка с точки зрения теории и методики. Его статьи «Фразеология - тил илиминин бир бөлүгү» [1974], «Өнөр алды - кызыл тил» [1977] посвящены как фразеологизмам в мировом языкознании, так и роли фразеологизмов в кыргызском языке. В статье «Манас» эпосундагы фразеологизмдер» [1976] он исследовал роль и употребление фразеологизмов в великом эпосе. В 1979 году Р.Эгембердиев написал кандидатскую диссертацию «Манас» эпосундагы фразеологизмдер». В 1979 г. Р.Эгембердиев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Манас эпосундагы фразеологизмдер», где были рассмотрены фразеологизмы, используемые в устном народном творчестве, а также особенности их употребления в письменности кыргызского народа. Можно сказать, что эта работа стала тем путем, проложенным для

исследователей особенностей употребления фразеологизмов в народном устном творчестве и художественной литературе.

Потому что в других странах есть много работ по этой теме. Например, труды Вирясова Л.С. «Фразеологизмы в произведениях М.А.Шолохова» [Самарканд, 1960], Григорьеса А.Д. «Фразеология поэта Пушкина» [Москва, 1969], Гусеинов С.С. «Лексика и фразеология в произведениях Гасумбека Закира» [Баку, 1973], Каххарова Х.А. «Фразеология Абдуллы Кадыри» [Ташкент, 1985], Мамедов Забит Теймур оглы «Лексика и фразеология рассказов Сулеймана Сани Ахундова» [Баку, 1983], Гусимова Г. «Фразеологизмы в казахском эпосе» [Алмата, 1991] и др.

В 80-х годах были опубликованы статьи А.П.Назарова «Кыргыз тилиндеги фразеологизмдердин маанисин күчөтүүнүн жолдору» [1982], «Фразеологизмдердин арасына сөз же сөз айкашын кыстаруу» [1983], «Фразеологизмдердин натыйжалуулугун жогорулатуучу ыкмалар» [1987], «Фразеологизмдер, алардын идентификаторлорунун стилдик максатта катар колдонулушу» [1989], где также были рассмотрены фразеологизмы современного кыргызского языка. Результатом его исследований стала защита им кандидатской диссертации «Художественно-функциональные основы экспрессивности фразеологических единиц» [1985]. В кыргызской лексикографии в 1980 году был разработан фразеологический словарь «Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү», в 1990 г. Э.Абдулдаев, К.Сейдакматов разработали для школьников словарь «Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү», которые стали достаточным подспорьем в дальнейших исследованиях не только для школьников, но и для студентов, и молодых ученых. В книге Ж.Мукамбаева, А.Осмонкулова «Азыркы кыргыз тили» [1976], выделен специальный раздел, посвященный кыргызским фразеологизмам. Р. Эгембердиев в своем труде пишет о развитии фразеологии как науки: «Фразеология – как наука систематически развивается, идет от ступени к ступени, углубляется и расширяется. Так, если в 40-е годы нашего столетия определялись семантические особенности фразеологии, и в этом

направлении шла их классификация, то в 50-е годы внимание исследователей привлекла сфера употребления в художественной литературе и уточнялись специфические отличия фразеологизмов от других языковых единиц. Начиная с 60-годов глубокому изучению подверглись морфологические, синтаксические особенности фразеологизмов, а сама фразеология, еще более упрочила свое положение, как важная и самостоятельная отрасль языкознания». Второй период тесно связан с возникновением в 50-х-60-х годах XX века трансформационно-генеративного направления в языкознании, основоположником которого является Н. Хомский. Это направление, по словам Б. Нарынбаевой приводит к «радикальным» переменам и в области фразеологических исследований, также в исследованиях кыргызских ученых [Нарынбаева, 2017]. Можно отметить работу А.О.Кармышакова «Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках» [1992]. Исследование посвящено комплексному анализу и систематизации соматических фразеологизмов русского и кыргызского языков. Данная работа является одной из первых в русско-кыргызском языкознании, в которой рассматриваются ФЕ неродственных языков в сопоставительном аспекте. Во фразеологии кыргызского языка все еще остается открытым вопрос о границах объекта фразеологии. «В состав фразеологизмов кыргызского языка составители словаря Ж.Осмонова, Ш.Жапаров, К.Конкобаев (Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү, 1980; 2001 от 4000 до 8000 ФЕ) относят все устойчивые сочетания, начиная с сочетаний типа *ары жок* (букв. у него нет совести), *башы менен* (букв. с головой), *жону бар* (букв. у него есть спинной хребет) и кончая сложными предложениями *жумган көзүн ачады, сунган бутун тартпады* (букв. закрытые глаза не открывал, вытянутые ноги не сгибал); *суугуна тоңуп, ысыгына күйүү* (букв. замерзать от холода, сгорать от жары) и т.п.» [149].

Значительный вклад в развитие кыргызской фразеологии внесли монографии Р. Эгембердиева на тему «Кыргыз тилиндеги фразеологизмдер (табияты жана семантикасы) [2007] и Ж.Осмоновой на тему «Кыргыз

тилиндеги фразеологизмдер» [2008]. В данных работах были затронуты все проблемы, касающиеся фразеологии кыргызского языка и были сделаны попытки обоснованно решить эти вопросы. К.У.Кыдыев защитил кандидатскую диссертацию «Сопоставительное изучение фразеологизмов в произведениях Ч. Айтматова (на материале русско-кыргызских и кыргызско-русских текстов)» [2000], где рассмотрел образование и функционирование фразеологизмов в произведениях Ч. Айтматова. В диссертации И. Исабековой «Фразеологизмы и проблемы их перевода» [2004] выявляются межъязыковые фразеологические соответствия в сопоставительном плане кыргызского и русского языков. В исследовании Б. Максутовой «Функционирование фразеологических единиц в языке газеты» [2006] рассматривается структурно-грамматический и семантико-стилистический анализ фразеологизмов на материале русского и кыргызского языков. Кандидатская диссертация Н.К. Абдракматовой «Особенности межъязыковой транспозиции фразеологических единиц (исследования линвокультурологической специфики переводов романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день» на немецкий и кыргызский языки, 2011)» исследует и классифицирует фразеологические единицы кыргызского языка.

За последнее время были изданы ряд фразеологических словарей. В 1977 г. был выпущен А. Биялиевым двуязычный (русско-кыргызский) словарь Н. Хмельницкой. В 2000 году Ж. Жамшитовой издается кыргызско-русский, русско-кыргызский тематический фразеологический словарь. В 2006 г. Э.Ш. Абакирова подготовила «Русско-киргизский, киргизско-русский синонимический словарь фразеологизмов».

Из тюркских исследователей одним из первых ученых, который исследовал фразеологизмы, был С. Кенесбаев, который в 1944 г. защитил докторскую диссертацию «Туракты сөз тиркестери». С тех пор в тюркологии написаны много теоретических и практических трудов, такие как: А.Алмамедов «Двухкомпонентные глагольные номинативные фразеологические единицы в современных английском и туркменском

языках» [Ашхабад, 1982], К.А. Мамедова «Фразеологическая синонимизация в современном азербайджанском литературном языке» [Баку, 1983], Р.М. Таева «Фразеологические единицы типа «определение плюс определяемое» в современном казахском языке» [Алмата, 1983], Р.Ж. Юлдашева «Принципы составления и пути использования учебного двуязычного фразеологического словаря идеографического характера» [Ташкент, 1985], З.Т. Сопиев «Фразеологическая работа на уроках русского языка в национальной школе с углубленным изучением предмета» [Душанбе, 1988]. Ф.Р. Ахметжанова «Фразеологические единицы типа «относительное прилагательное плюс существительное» в казахском языке» [Алмата, 1988], Э.М. Аллахвердиева «Лексикографическая и структурно-семантическая эквивалентность в художественном переводе (на основе переводов романов А.М.Горького) на азербайджанском языке» [Баку, 1987], С.А. Джапарбекова «Фразеология в двуязычных словарях» [Алмата, 1990].

В исследование фразеологизмов в кыргызском языке внес значительный вклад К.К. Юдахин, который в своем словаре «Кыргызско - русский словарь», опубликованный в 1940г, отметил наиболее употребимые фразеологизмы, знаком «ромб». Автор также отметил во введении, что в его словаре богато представлен иллюстративный материал: пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания, идиоматика, отдельные фразы и цитаты из произведений. В 1965 г. словарь был переработан и переиздан, где количество фразеологизмов было намного больше, чем в предыдущем издании. На современном этапе исследуются фразеологические единицы в русле новых направлений, таких как лингвокультурология, когнитивная лингвистика и т.д. Как отмечает Б.Б. Нарынбаева: «В настоящее время (второй период) помимо исследований фразеологии на материале художественных произведений и перевода, научные горизонты и теоретические перспективы фразеологии начинают постепенно расширяться и за счет других наук гуманитарного цикла, таких как антропология, этнография, история, социология, философия и др. и можно с уверенностью сказать, что закладываются основы исследования

ФЕ в русле новых направлений [Нарынбаева, 2017: 9] Так как именно эти направления дают ключ к пониманию природы фразеологических единиц, и открывает новые границы познания фразеологизмов.

2.2.4. Становление и развитие фразеологии русского языка

Теоретическое изучение фразеологии в России начинается трудами академика В.В. Виноградова и профессора Б.А. Ларина. Б.А. Ларин так оценивал состояние науки о фразеологии: «Фразеология как лингвистическая дисциплина находится еще в стадии «скрытого развития» ... но она еще не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов. ... а выделение такой дисциплины уже необходимо, ибо всем ясна дилетантская беспомощность, разнбой и безуспешность попутного, случайного разбора этого материала в лексикографии, стилистике, синтаксисе [Ларин, 1977:200-201]. Она интересует многих, над ней задумываются, экспериментируют. Н.М. Шанский выделяет в развитии теории фразеологии 3 периода [1985]. Первый период (до 1946 г.) является как бы предпосылкой для дальнейших исследований. В это время в поле зрения находится только одна ветвь фразеологии – идиоматика, а именно экспрессивно-стилистические функции идиом как средств украшения речи в индивидуальном стиле. К данному периоду времени в русской лингвистической литературе можно отнести статьи И.М. Вульфийус и С.И. Абакумова. Вторым период связан с работами академика В.В. Виноградова (1946-47), которого интересовали, прежде всего, вопросы функциональной фразеологии. Именно им впервые была дана синхронная классификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности и были намечены пути и аспекты дальнейшего изучения фразеологизмов. Третий период – конец 50-х – начало 60-х годов – отмечен целым рядом работ по теории фразеологии. Фразеологизмы начинают исследовать также и с точки зрения их структуры,

грамматических свойств и происхождения. Большое количество работ посвящено изучению конкретного фразеологического материала. Среди исследований, появившихся до 1960 г., следует отметить работы А. И. Ефимова «О языке художественных произведений» [1954], Б.А. Ларина «Очерки по фразеологии» [1956], О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» [1957] и С. И. Ожегова «О структуре фразеологии» [1957]. Позже в русской лингвистике появилось множество работ, исследующих фразеологизмы различных языков. Нельзя не отметить то, что исследователей также долгое время интересовал вопрос классификации фразеологизмов. В настоящий момент имеется множество мнений о том, что такое фразеологизм, причем наблюдается разница во взглядах на то, каков состав таких единиц в каждом из языков. Наиболее известны классификации фразеологизмов Е. Агриколы, И.И. Чернышевой, А. Роткегель, Г.Л. Пермякова. Авторы по-разному определяют отнесенность к фразеологизмам различных групп словосочетаний и степень устойчивости словосочетаний. Так, например, Г.Л. Пермяков в состав фразеологизмов включает пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы [Пермяков, 1985]; а Е. Агрикола к фразеологизмам относит простые фразеологические сочетания, фразеологические единства и идиомы [Agricola, 1975]. Фразеологический словарь русского языка (ФСРЯ) в состав фразеологизмов языка включает различные описательные и аналитические обороты речи, сложные союзы, сложные предлоги, составные термины и т.д. В целом фразеологизм характеризуется как "сочетание слов с переносным значением", как "устойчивое словосочетание с идиоматическим значением", как "устойчивая фраза". Фразеологизмам присущи метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональная окраска [ФСРЯ, 1987:7]. В исследованиях по фразеологии В.В. Виноградов предлагает классификацию фразеологических единиц по степени семантической слитности. Характеризуя особенности семантики фразеологических сращений и

фразеологических единств, он проводит аналогию между фразеологическими единицами и словами в отношении мотивированности их значения. Значение фразеологических срощений, по его мнению, независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, условно и произвольно, как значение немотивированного слова. И.И. Чернышева разграничивает фразеологические единства, фразеологические выражения и фразеологические сочетания по характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава. Фразеологические единства возникают на основе семантического переосмысления или сдвига переменных словосочетаний. Новое, фразеологическое значение создается не в результате изменения значения отдельных компонентов словосочетания, а изменением значения всего комплекса "как бы наложением на него свежего семантического или экспрессивного пласта" [Чернышева, 1970:39]. Во фразеологическом единстве поглощается и теряется индивидуальный смысл слов-компонентов. Они образуют неразложимое семантическое целое. Именно этому разряду фразеологии присуще семантическое единство или семантическая целостность. При всем этом, значение целого связано с пониманием "образного стержня фразы" [Чернышева, 1970:39], с осязательностью переноса значения, что и составляет "внутреннюю форму", или образную мотивированность фразеологического единства. Например, *jmdm. den Kopf waschen* — *намыливать кому-либо шею (голову)*; *keinen Finger krümmen* — *не ударить палец о палец*; *etw. auf Eis legen* — *заморозить, не давать ходу*.

Образная мотивированность фразеологического единства может с течением времени побледнеть и ослабеть до полной демотивации. Это, как правило, имеет место в тех случаях, когда фразеологическая единица образуется на переосмыслении таких переменных словосочетаний, которые являлись первоначально обозначениями конкретных обычаев народа и

вышли с течением времени из употребления, напр.: *den Stab über jmdn. brechen* — вынести приговор кому-либо (букв. разломить над кем-либо палку); сюда же: *bei jmdn. in der Kreide stehen* — быть чьим-либо должником (букв: быть у кого-либо в мелу). Однако, демотивация фразеологического единства, как отмечает И.И. Чернышева, не влияет ни на его экспрессивность, ни на его функционально-стилистическую принадлежность. Термин "фразеологические единства", с точки зрения И.И. Чернышевой, наиболее точно передает структурно-семантическую специфику ФЕ этого типа: целостное значение (семантическое единство), возникающее на основе переосмысления всех компонентов словосочетания. Образование целостного значения на основе семантического сдвига всего компонентного состава фразеологизма является общим признаком фразеологических единств. Синтаксическая структура этих фразеологизмов может иметь несколько разновидностей, среди которых особенно типичным является словосочетание. Рассматривая разряды фразеологических выражений, И.И. Чернышева выделяет два основных свойства фразеологичности: наличие у них единичной сочетаемости компонентного состава и специфической разновидности семантического преобразования. Так, для пословиц характерен дидактический смысл, который выражается через переосмысление соответствующего образца, напр.: *Viele Köche verderben den Brei* – "У семи нянек дитя без глазу", *Neue Besen kehren gut* – "Новая метла чисто метет".

И.И. Чернышева, применяя комплекс критериев для идентификации ФЕ, выделяет фразеологизмы на основе более объективных языковых, а не только функционально-стилистических показателей. Наиболее последовательно критерии фразеологичности обнаруживает разряд фразеологических единств структурно-синтаксического типа словосочетаний с подчинительной связью.

2.3. Особенности образования колоронимов по названию предметов

А. Вежбицкая, выдвинула гипотезу о том, что прототипами основных цветов являются реальные объекты из окружающей среды, которые можно назвать "естественными прототипами" (черный-ночь, белый – день, синий-небо, зеленый – флора, красный – огонь). По ее мнению, прототипы связаны с универсальными аспектами человеческой жизни и социального окружения. Вежбицкая утверждает, что именно эти реальные референты, а не воображаемые комбинации цветов, играют ключевую роль в концептуализации цвета в языке и культуре. Таким образом, различия в обозначениях цвета можно объяснить влиянием окружающей среды и культурных особенностей, приводящих к своеобразной "синонимической избыточности" в различных языках и культурах [Вежбицкая, 1996]. Каждое название цвета имеет четко определенное денотативное значение. Взаимоотношения между словами, обозначающими цвета, можно объяснить через характеристики их денотатов — объектов реального мира. Происхождение цветовых названий связано с устойчивыми и характерными цветами соответствующих предметов. Семантические ряды цветовых слов формируются на основе их сходства и идентичности. Цветовая картина мира тесно переплетена с культурой народа, его фольклором и мифологическими представлениями, сложившимися на протяжении многих столетий. Следовательно, понимание цветовой гаммы мира зависит от различных факторов. Особый интерес представляют фразеологические обороты, содержащие цветные компоненты, и их исследование. При сравнении фразеологических выражений в английском и русском языках З.А. Голикова отмечала, что большинство из них обладает национальной спецификой. Этот феномен связан с уникальными чертами истории, культуры и традиций носителей языка, а также с особенностями их

лексической системы [Голикова, 1983]. Согласно Т.Е. Помыкаловой, фразеологические обороты с упоминанием цветов подчеркивают, что язык не только служит средством общения, но и является инструментом самовыражения человека [Помыкалова, 2007].

Проведенные психолингвистами эксперименты показали, что в цветовых блоках ядерными выступают имена прототипов, то есть типичных объектов, обладающих данным цветом, в частности, цвета крови, янтаря, болота, молока, крема, кофе, мыши, а не так называемые «основные» цвета [Фрумкина, 1984].

Укажем те предметы, которые используются авторами толковых словарей немецкого языка (DWDS, Wahrig) для толкований цветоименований:

Weiß - *Bleiweiß · Deckweiß · Edelweiß · Eiweiß · Zinkweiß, brillantweiss*" (блестяще-белый), "*käseweiss*" (белый как сыр), "*kreidebleich*" (белый как мел), "*schlohweiss*" (полностью бледный), "*schneeweiss*" (белый как снег), "*titanweiss*" (титановый белый), "*albino*" (альбинос), «белый» толкуется как, свинец, непрозрачные белила, эдельвейс, белок яйца, цинк.

Schwarz - *Eisenschwarz · Vidalschwarz · Kohlrabenschwarz · Pechschwarz*
Для толкования слов, обозначающих смысл «черный», используются предметы, железо, ворона, уголь.

Grau – *Graumatter · Graubart · Graufuchs · Graufäule · Graubuch · Grauwal · Graufischer*. Для толкования слов, обозначающих смысл «серый», используются предметы, просянка, борода, лисица, гниль, кит, малый пегий зимородок. С цветом «серый» мы увидели очень много названий птиц и животных.

Rot - *Blut · Rote Tomate · Rote Beete · Rotkohl · Rotwein · Rotwild · Rotwurst · Rotzunge · rotäugig · Rötling · Rotkappe · Rotbuch · Rotkreuz · Rotkreuzschwester*. Для толкования слов, обозначающих смысл «красный», используются предметы, кровь, помидор,

красная свекла, красная капуста, королевский олень (красный), колбаса, красный язык, красноглазый, красная шапочка, красная книга, красный крест, сестра милосердия.

Blau- *blaue Milch, die blauen Jungs, der blaue Brief, das blaue Meer, blaues Licht, Blaustrumpf*, «синий» толкуется – молоко, матросы, письмо, море, свет, чулок.

Grün- *Grünabfuhr · grünblind · Grünzug*
Birkengrün · Blattgrün · Chromoxidgrün / Chromoxydgrün · Entengrün · Fassaden grün · Malachitgrün · · Schnittgrün · Selleriegrün · Straßenbegleitgrün · Straßenbegrenzungsgrün · Suppengrün · Tannengrün · Wintergrün. Для толкования слов, обозначающих смысл «зеленый», используются предметы, сбор зеленых отходов, зеленые жалюзи, зеленый коридор, зеленый лист, оксид хрома, зеленый как утка, зеленый фасад, малахит, зеленые декоративные ветки, сельдерей, зеленые полосы на дорогах, зелень для супа, елка, вечнозеленый кустарник.

Gelb- *Goldgelb- Kadmiungelb- Lichtgelb- Chromgelb- Eigelb- Hydrazingelb- Rauschgelb.* Для толкования слов, обозначающих смысл «желтый», используются предметы, золото, кадмий, свет, хром, яичный желток, гидразин, минерал.

Далее рассмотрим, как передаются колоронимы в кыргызском языке (Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү):

Ак - *Ак Өргө, ак барак, Ак Сай, ак торпок, ак чий, ак жүн, ак муз, ак чач, ак сөөк.* Для толкования слов, обозначающих смысл «белый», используются предметы, дом, лист, теленок, камыш, шерсть, лед, волосы, кость.

Кара - *кара баш, кара күч, Кара кулжа, кара таи, Кара суу, кара өгүз.* Для толкования слов, обозначающих смысл «черный», используются предметы, голова, сила, олень, камень, вода, бык.

Боз – боз үй, боз салкын, боз баш, боз ат, боз бала, боз жорго. Для толкования слов, обозначающих смысл «серый», используются предметы, юрта, молодой человек, лошадь, подросток, иноходец.

Кызыл - кызыл туу, кызыл алма, кызыл кыз, кызыл китеп, кызыл кийик, «красный» толкуется через слова – флаг, яблоко, девушка, книга, козел.

Көк - көк Теңир, көк бөрү, көк тулпар, көк көз, көк өрүм, көк бет, көк желе, көк жашык, көк сүт, көк таш, «синий» толкуется- небо, волк, иноходец, упрямыство, худой, молоко, камень.

Жашыл – жашыл экономика, жашыл көл, жашыл шаар, жашыл гүл, «зеленый» толкуется – экономика, озеро, город, цветок.

Сары - сары суу, сары оору, сары талаа, сары алтын, сары санаа, «желтый» толкуется – вода, болезнь, поле, золото, переживания.

В русском языке цветоименования толкуются следующим образом (Толковый словарь русского языка):

Белый -белый, белый, -ая, -ое; бел, бела, бело и бело.1. Цвета снега или мела. Белая бумага. Б. парус.2. полн. ф. светлый, в противоположность чему-н. более тёмному.

Черный - черный, чёрный, -ая, -ое; чёрен, черна, черно и чёрно.1. Цвета сажи, угля. Ч. креп (траурный). Чёрные фигуры (в шахматах). Чёрные глаза. Чёрное (сущ.) за белое.

Серый - серый, с'ерый, -ая, -ое; сер, сера, серо.1. Цвета пепла, дыма. Серые тучи. Серая шинель. С. волк. Серые глаза. С. хлеб (из пшеничной муки грубого помола).

Красный - красный, кр'асный, -ая, -ое; -сен, -сна, -сно и -сно.1. (-сно). Цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака. Красное знамя. К. галстук (пионерский).

Синий - синий, с'иний, -ая, -ее; синь, синя, сине.1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра среднего между фиолетовым и зелёным. Синее небо. Синие васильки.

Зеленый - зеленый, зелёный, -ая, -ое; зелен, зелена, зелено, зелены и зелены. 1. Цвета травы, листвы. 3. свет (в светофоре: разрешающий движение). 3. огонёк (фонарик).

Желтый - желтый, жёлтый, -ая, -ое; жёлт, желта, жёлто и желто. 1. Цвета яичного желтка. Жёлтые листья (осенние). Жёлтая лихорадка (острое вирусное заболевание тропических лесов).

Анализ слов, участвующих в образовании цветообозначений показывает нам, что для обозначения цвета в исследуемых языках используются самые различные названия, такие как, названия животных, явлений, минералов, драгоценных камней. Универсальными референтами для всех исследуемых нами языков являются, *небо, кровь, листва, трава, снег, уголь, молоко, минерал*. Во всех этих трех культурах используются указанные предметы в качестве основы для цветоименований. Они относятся к естественно-природным реалиям. В немецком и русском языках мы находим наибольшее сходство в выборе референтов в цветоименовании, видимо, из-за схожих природногеографических условий, а также образа жизни. Но тем не менее, различия в референтной группе имеются, в немецком языковом сознании референт носит дифференцированный характер, в то время как в русском он носит общий характер. Ср.: *rot – кровь, помидор, вино*; в русск. *красная девица, красная пора*. С кыргызским языком есть также различия, которые также связаны с условиями кочевого образа жизни кыргызского народа. Цветоименование больше связано с названиями животных, жилища, предметов быта, необходимых в кочевой жизни. В кыргызском языке, также референты несут более абстрактный характер, чем в немецком языке. Ср.: *кара куч, көк бет и т.д.* Процесс формирования языковых единиц и их использование в речи обусловлены двумя основными аспектами мышления: категоризацией и аналогией. В лексических единицах отражается категориальная структура социальных ситуаций. Значение слова связано с социально значимыми для человека ситуациями, в которых проявляются определенные стереотипы поведения и черты характера. Выделение

категориальных ситуаций происходит через установление аналогий между частными ситуациями и выявление их общих черт. Внутренняя форма языковой единицы отображает одну из частных ситуаций. В новых условиях происходит поиск аналогий с уже известными ситуациями, и на основе этой аналогии новая ситуация включается в уже существующую категорию. Однако, как известно, любая аналогия имеет свои недостатки, поскольку она игнорирует уникальность ситуации, сглаживает ее отличительные черты и акцентирует внимание на общих, схожих с уже известными аспектах. [Братчикова, 2006: 90]. Например, в немецком языке *blau* обозначает широкий спектр цветов, такие как *dunkelblau*, *hellblau*, также, как и в кыргызском языке цвет *синий* покрывает широкий диапазон цветов, таких как, *зеленый*, *фиолетовый*, *голубой*, *серый*. Также он обозначает самые разнообразные оттенки, в отличие от русского языка, где есть *синий*, *голубой*, *фиолетовый* цвета. *Көк* абстрактное ЦО со значением «светло – темно – синий - голубой»; *көк* в определенных обстоятельствах покрывает смешанные цвета по спектру «зеленый» и «фиолетовый», *көк* в обозначении мастей животных дает сему «серый». Темп развития ЦО в области холодных тонов (коротковолновая часть) заметно замедляется. Сначала существовала лексема *көк* со значением «голубой – синий – фиолетовый - зеленый». Постепенно выделялись лексемы *жашыл* «зеленый», *көгүш* «голубой», *гүлгүн көгүш (сыя көк)* «фиолетовый».

Толкование смысла конкретного оттенка, называемого абстрактным *көк*, во многом зависит от широты художественного видения воспринимающей информацию стороны, от ее энциклопедических знаний, а также от ситуативных и контекстуальных условий, в которых функционирует высказывание.

2.4. О парадигме колоронимов как объекте исследования

Значения названий цветов представляют собой артефакты культуры и часто имеют глубокие исторические корни. Цветовая картина мира является важным компонентом языковой картины мира, отражая представления и ценности общества. Важно отметить, что эти значения могут различаться в разных культурах и обществах, и их интерпретация может зависеть от контекста и исторических обстоятельств. В ходе исследований обнаруживается, что существует множество языков, которые обладают сходством в системе цветовых обозначений, что свидетельствует о наличии у них общей основы. В этой системе выделяются универсальные черты, уникальные для каждого языка. Отношение к различным оттенкам также отражается в образных выражениях, идиомах и поговорках языка, отражая национальный характер. Гипотеза лингвистической относительности (известная также как «гипотеза Сепира-Уорфа») - тезис, согласно которому существующие в сознании человека системы понятий, а, следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является. Также Гипотеза Сепира-Уорфа, известная как лингвистический релятивизм, представляет собой теорию, которая утверждает, что структура и особенности языка оказывают влияние на способ восприятия и мышления человека, формируя его представления о мире и культурных нормах.

В научных работах, посвященных изучению цветовых обозначений, накоплено много материала о использовании "цветовой" лексики и ее коммуникативном потенциале. Ученые трактуют цветовые обозначения по-разному, но приходят к выводу, что цвет является особым феноменом восприятия и понимания мира. Ценность таких исследований заключается в том, что они помогают понять стилистическое использование конкретных слов, раскрывая замысел автора. Цветовые обозначения, возможно, более

антропоцентричны и этноцентричны, чем другие аспекты языка, имея специфическое значение в аспекте коммуникативной важности. Таким образом, цвет, являясь междисциплинарным объектом исследования различных наук и областей человеческой деятельности, составляет важную часть в структуре всего человеческого опыта и репрезентируется в языке посредством целой системы цветообозначений. Номинации цвета способны выражать не только цветовые, но и другие понятия: они выступают в качестве средства передачи эмоций, душевных переживаний. Их восприятие и использование в художественном тексте в значительной степени носит субъективный характер. Сопоставляя систему цветообозначений в разных языках, исследователи неизменно отмечают особенность русского и некоторых других языков, в которых для обозначения синего цвета существует два основных названия — синий и голубой, то есть в отличие от всех европейских языков, где группа основных цветообозначений включает 11 основных слов, в русском языке она состоит из 12 цветов. Какую бы психофизиологическую основу не имел цветовой язык, на него неизбежно наслаиваются традиции и обычаи народа.

Цветообозначения традиционно делят на две группы: **ахроматические** (белый, серый, черный) и **хроматические** (цвета радуги и все их смеси). Сначала белый цвет воспринимался двойственно: как символ начала и конца жизни. Ему приписывали такие человеческие качества, как осознанное выполнение обязанностей и соблюдение традиций. Белый цвет также символизировал лучшие качества женщины: невинность, чистоту мыслей и добродетель. Предположительно, в индоевропейском праязыке существовал корень *bhe-* в значении 'сиять, блистать'. Неслучайно, слова '*береза*' и '*betula*' (*лат*) восходят к данному корню благодаря серебристо-белому стволу дерева. *Белый* ассоциируется с дневным светом, молоком, снегом. В христианстве *белый* цвет обозначает родство с божественным светом. В русской культуре фразеологизм "белый человек" характеризует благородного, праведного

человека, а белый цвет в иерархии ценностей занимает высшее положение. Однако этот цвет может иметь и отрицательное значение. Например, поляки называют смерть "белой", и выражение "жениться на белой" означает "умереть". Итальянцы используют "белый" для обозначения отсутствия, например, "notte bianca" («бессонная ночь»). Это различие можно наблюдать и в оттенках цветов, таких как "белый" и "черный". Давайте более детально рассмотрим, как значения цветов меняются в разных культурных контекстах. *Белый цвет* в различных культурах традиционно воспринимается как символ надежды, добра, любви чистоты и других близких к ним понятий. В немецком языке *белый* (*weiss*) – это символ чистоты и невинности, к примеру, «das Leben wie ein weißes Blatt zu beginnen» означает начинать жизнь с *белого* или с чистого листа. Позитивное значение имеет также фразеологизм *Ein weißer Rabe* - *очень редкое исключение, большая редкость*, здесь *Белый цвет* имеет символическое значение чего-то хорошего. *Weisser Schnee* - *белый снег*, признак чистоты, *eine reine/weiße/saubere Weste haben* – *быть чистым, без вины*, *der weiße Fleck* – *что-то неисследованное*.

В кыргызской культуре белый цвет (ак) символизирует добро, милосердие и любовь. *Ак сөз* – *правильно сказанное слово*, *ак кагаз* – *белая, чистая бумага*. Например, — Ак сөз! — деп Домбу обдулуп койду. — Тезинен ак кагазга кат кылып, элчисин кайтарып, хандын көңүлүн тындырыш керек! [Касымбеков, 1998:31]. В кыргызском языке слово "ак" (белый) обозначает не только цвет, но и все позитивные аспекты окружающего мира и человеческого характера, как и у многих народов мира. Поэтому белый цвет ассоциируется с такими понятиями, как свет, красота, удача, честность, чистота и справедливость. Например, имена, такие как "Ак марал", "Ак Мактым", "Ак-Мөөр», связаны с красотой и чистотой этих девушек. "Ак бата" — это пожелание, исходящее из сердца.

Номинативное значение слова "черный" — это цвет сажи, угля, противоположный белому. Оба цвета представляют собой определенное

физическое явление в реальном мире. В древности номинации "белый" и "черный" обозначали отсутствие цвета, что подтверждается, например, фонетической близостью между "черный" (blac) и "белый" (blac) в англосаксонском языке. В Европе черный цвет традиционно ассоциируется с злом, разрушением и смертью. В староанглийском языке черный цвет назывался "swart", что происходит от латинского слова "sordes" («грязь, нечистоты»). В романских языках названия черного цвета производятся от латинского "niger" («черный с блеском»). В цветовой оценке фокусируются негативные аспекты, символизируя низость, подлость и хаос. Однако на Востоке существует другая точка зрения: черный ассоциируется с любовью, счастливым браком и семейным благополучием. Арабы говорят: «Значительную часть жизни человек проводит в темноте ночи, под ее черными покрывалами». Таким образом, белый и черный дополняют цветовую палитру обычных условий жизни. Однако в рассматриваемых нами языках и культурах черный цвет ассоциируется с трауром, поэтому платье может быть, как траурным, так и официальным вечерним нарядом. Белое платье обычно носят молодые девушки в качестве символа невинности или свадебного наряда. Для немецкого языка характерно традиционное ассоциирование черного цвета с чем-то плохим, а белого - с хорошим. Из-за этого составные номинативные группы с прилагательными "schwarz" часто имеют негативные коннотации, в то время как прилагательное "weiss" обычно используется в составе номинативных групп с положительными значениями. Например, "das schwarze Schaf" (черная овца), "der Schwarze Markt" (черный рынок), "die Schwarzarbeit" (нелегальная работа) — во всех этих случаях "schwarz" ассоциируется с чем-то плохим, а также с цветом траура и смерти. В отличие от "schwarz", белый цвет "weiss" ассоциируется с миром, свадебными платьями невесты, а также со всем хорошим и чистым. Семантический диапазон цветовых названий в каждом языке включает как положительные, так и отрицательные коннотации. Однако белый цвет устойчиво сохраняет самые положительные ассоциации, в то время как "черный" является его противоположностью.

Серый цвет, сочетающий черные и белые качества, часто ассоциируется с чем-то тусклым, незаметным, бесцветным или безликим. В цветовой палитре серый образуется путем смешивания двух основных цветов – белого и черного в равных пропорциях. Однако сам по себе серый относится к ахроматическим цветам, т.е. цветам, которые не имеют определенного оттенка и различаются только по степени светлоты. По светлоте ахроматические цвета «образуют один непрерывный ряд, на одном конце которого находится белый цвет, на другом – чёрный, между ними – все оттенки серого» [Гайдукова, 2018:48]. В немецком языке для *grau* находим следующее определение – *farbig aus einer Mischung zwischen schwarz und weiß, von der Farbe der Asche, des Esels, dunkler Wolken*“ [Duden, 1989:629] (окрашенный смесью черного и белого, цвета пепла, осла, темных облаков – перевод наш Б.Г.) Действительно, устойчивые словосочетания с цветообозначением "серый" редки во всех трех языках.

В кыргызском языке боз "серый" часто используется в сочетании с другими цветовыми обозначениями. К примеру, *ак боз ат* – досл. *бело-серая лошадь*. «*Акбоз аргымакчан аскербашы өз тегерегиндеги тандалган сыпайларды октон четтеп аздап кетенчиктей берүүгө буйрук кылды да, өзү бир топ удайчы менен генерал Черняевдин алдыңкы күчтөрүнүн жолунда калды*» [Касымбеков, 107:12]. Также у кыргызов белую лошадь, часто называют *ак боз//кызыл//көк* (бело-серая, красная, синяя). С русского языка переводить на кыргызский язык фразеологизмы, *серый кардинал*, *серая кость*, *серая зарплата* очень сложно. Если обратимся к художественному тексту, то русский язык, несомненно, богат на образные выражения. К примеру, в стихотворениях А. Блока, М. Волошина можно четко проследить использование цвета для выражения художественного образа.

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви! [А.А. Блок]*

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок — непризнанный гений
Средь буднично **серых людей**. [М.А. Волошин]

Не больна мне ничья *измена*,
И не радуется легкость *побед*, —
Тех волос **золотое сено**
Превращается в **серый цвет**.

Действительно, существуют такие употребления, как "серая кость" (связанная с рабоче-крестьянским происхождением) и "серая зарплата" (зарплата, выплачиваемая в конверте). Последнее выражение указывает на изменение значения идиомы в направлении "скрытый, утаенный". Словосочетание "серая схема" вступает в противоречивые отношения с "белой схемой" (официальной работой). С одной стороны, в контексте эта идиома может приобрести "положительный" оттенок, например, для пенсионеров, которым выгодно работать, не оформляясь получателем социальных пенсий. С другой стороны, лица, соглашающиеся работать без трудовой книжки, обрекают себя на полную социальную незащищенность. В этом контексте явно проявляется нестабильность оценки серого цвета. В Германии слово "grau" часто имеет положительные коннотации, ассоциируясь с благородством и элегантностью. Однако существует выражение "graue Literatur" (серая литература), синонимичное фразе "ничем не примечательные произведения", которое несет в себе отрицательную оценку. Интересно отметить, что в современной лексикографии немецкого и русского языков можно увидеть явную аналогию в трактовке серого цвета. В нем. *Graue Maus* – в русск. *серая мышь*, *der graue Himmel* (*серое небо*) – *mit dunklen Wolken bedeckt, regenverhangen* [Wahrig, с. 362] – *покрытое темными, дождевыми облаками*; *graue Tapete* (*серые обои*) – *dichter Nebel* [Küpper, с. 823] – *густой туман*; *серый день* – *пасмурный, облачный день*; *серая погода* – *пасмурная сумрачная*

погода [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю, т. 13, с. 716]; Был серый, тусклый, был пасмурный, был вялый день [http://www.ruscorpora.ru/]; День был серый, мутный, весь в слезах [http://www.ruscorpora.ru/].

В идиоматике наиболее распространены колоронимы, связанные с красным, желтым, зеленым и синим цветами. Исследователями было отмечено, что в любом языке больше всего оттенков красного цвета. Красный цвет обладает противоречивой символикой: с одной стороны, он ассоциируется с красотой, здоровьем, вином, а с другой стороны — с войной, кровью, агрессией. Этимологически красный цвет родственен огню и крови и является цветом любви и жизни во многих культурах. Например, для китайцев он символизирует богатство, счастье и доброту, а для французов — аристократию. В старославянском языке слово "чермный", означающее "самый хороший" или "великолепный", было заменено на "красный". Корень "крас-" входит в слова, обозначающие все, что приятно для глаза и высоко ценится: "красна девица", "красный молодец", "красно солнышко". В санскрите «кर्मья»- откуда и произошли кыргызские слова кызыл, кырмызы, в русском языке- червлёный. Однако в Египте красный цвет ассоциируется с трауром, а для ветхозаветных иудеев он символизировал кровопролитие, грех и страсть. В США и Японии ярко-красный цвет обозначает террористическую угрозу и ярость.

Однако в кыргызском языке красный цвет, обозначаемый словом "кызыл", имеет положительную коннотацию, ассоциируясь с жизнью. Например, о здоровом человеке говорят: "бетине кызыл жүгүргөн адам", кызыл кыргын, кара сүргүн. Кроме того, для кыргызов красный цвет является символом государственности и власти. Ср.: цвет кыргызского флага – красный. Таким образом, красный цвет фиксирует двойственные значения, часто связанные с "хорошим" и "плохим», а также с "болевым переживанием" проблемы. Красный, ассоциируемый с цветом крови, символизирует жизнь, материнство, активность и силу человека. Этот цвет воплощает как положительные, так и отрицательные эмоции [Płomińska, 2003:178]. „Die Symbolik der Farbe Rot ist

geprägt von zwei elementaren Erfahrungen: Rot ist das Blut, Rot ist das Feuer.“ (Символика красного цвета сформирована двумя элементарными значениями: красный — кровь, красный — огонь) (*Перевод наш Б.Г. А.*) [Heller, 2004: 52]. «Von der Liebe bis zum Haß – alle Gefühle, die das Blut in Wallung bringen, werden mit Rot verbunden. Rot ist Symbolfarbe der guten und der schlechten Leidenschaften» [Heller, 2004: 53] (*От любви до ненависти — все чувства, от которых кипит кровь, связаны с красным цветом. Красный – символический цвет хороших и плохих страстей. Перевод наш. Б.Г.А.*) Из-за его ассоциаций с огнем, красный по-прежнему ассоциируется с разрушительной силой, болью и опасностью. Этот цвет широко используется для предупреждающих и запрещающих знаков, что делает его символом предостережения.

Желтый цвет имеет различные ассоциации в разных культурах. В Китае он символизирует богатство и счастье, что подтверждалось тем, что императоры носили желтые халаты. В Японии желтый цвет ассоциируется с изысканностью. На Востоке желтый ассоциируется с солнечными лучами, огнем и золотом. Однако в Европе желтый цвет ассоциируется с разлукой и тоской. В англоязычной культуре он связан с трусостью и малодушием, в русской - с болезнью (желтая лихорадка), а в романской - с жеманством и притворством. В немецкой культуре желтый цвет не очень любят, так как ее ассоциируют с завистью, трусостью, предательством и редко относят к любимым цветам. Но все же желтый цвет, это теплый цвет, так как ассоциируется со светом и солнцем. *Gelb ist die Wärme der Sonne, die die Freude hervorruft, und das Glück.* [116, 73] (*Желтый — это тепло солнца, которое вызывает радость и счастье*) (*Перевод наш Б.Г.А.*) В народе желтый также имел негативное значение, он обозначал зависть, ревность и гнев. «*Diese Symbolik hängt davon wohl mit der alten Vorstellung zusammen, dass der Ärger in der Galle sitzt, weil angeblich jeder, der sich viel ärgert, gallenkrank wird und seine Haut sich dann gelb färbt*» [Płomińska, 2003:173]. (Этот символизм, вероятно,

связан со старой идеей о том, что гнев находится в желчном пузыре, потому что у всех, кто много злится, возникает желчный пузырь, и их кожа становится желтым). (Перевод наш Б.Г.)

В кыргызской культуре желтый цвет, обозначаемый, словом, *сары*, также имеет двойственное значение, однако чаще ассоциируется с негативными коннотациями. Например, *сары санаа* «длительное переживание», *сары оруу* «длительная болезнь», *сары талаа* – «выжженная степь», болезненный цвет лица также связывают с желтым цветом- «өңү сары». Однако есть и нейтральные ассоциации, например, *сары алтын* – «желтое золото», *сары күз* – «желтая осень».

Зеленый цвет, образующийся от слияния синего и желтого тонов, является центральным в спектре. Он ассоциируется с покоем и считается наиболее консервативным. Ментальные образы, связанные с зеленым, превращаются в систему символов и социальных норм. В немецком, кыргызском и русском языках зеленый ассоциируется с природой, что может объяснить его роль как символа стабильности и постоянства. Однако в негативном контексте зеленый может быть ассоциирован с эгоизмом, ревностью и ипохондрией. Латинское слово "viridis" связано с Венерой и весной. При анализе концептуальной структуры зеленого цвета в этих языках можно выделить зоны схожести. Зеленый цвет обладает разнообразными ассоциациями и значениями в рассматриваемых языках. Он ассоциируется с молодостью и неопытностью, как в выражениях "молодо - зелено" (немецкий) и "желторотый птенец" (кыргызский). В Германии и России существуют политические партии «зеленых», которые занимаются экологическими вопросами. Зеленый также ассоциируется с понятиями "весна", "надежда", "свежесть", что проявляется в поэтических метафорах и названиях ароматов, продуктов. «*Im Volksmund deutet Grün auf Liebe, in der kirchlichen Liturgie und auch allgemein ist es die Farbe der Hoffnung*» [Płomińska, 2003:174]. (В просторечии зеленый означает любовь, в церковной литургии и вообще это

также цвет надежды) (Перевод наш Б.Г.) Есть ряд немецких, кыргызских и русских фразеологизмов, которые связаны со значением природы. «*Осознавая роль, которую играет зелень в нашей обычной жизни, люди стали называть лес зелёным другом*» [Гайдукова, 2018:110]. По-русски лес также называют «зелёным золотом», а словосочетание «зелёный шум» используется для обозначения весеннего пробуждения природы. В немецком языке фраза «*grüne Lunge*» (зелёное лёгкое) относится к деревьям и другим растениям, которые растут в парках, подчёркивая важность лесных зон, поскольку они производят кислород. «*Die grüne Witwe*» (зелёная вдова) – насмешливое название жены, которая живёт в зелёном пригороде и целыми днями ждёт своего мужа, работающего в городе. Человека, который умело ухаживает за растениями, называют имеющим «зелёный палец» («*einen grünen Daumen*»). Фразеологизм «*bei Mutter Grün*» (у зелёной матушки) олицетворяет природу, сравнивая её с матерью.

В кыргызском языке *зеленый цвет* передается в некоторых фразеологизмах через *синий цвет*, к примеру, *der grüne Tee* – *зеленый чай - көк чай, зеленая трава - көк чөп*. В древнетюркских языках көк имел семы «синий, голубой, фиолетовый, зеленый».

Цветонаименование «жашыл» также существует в кыргызском языке, и в последнее время, этот цвет связывают с чем-то безопасным, зеленым, связанным с природой цветом. Ср.: «жашыл экономика» (зеленая экономика), «жашыл шаар» (зеленый город), «жашылдар» кыймылы (движение «зеленых») и т.д. В последние годы стали очень популярными такие новые выражения, как: «жашыл жылдар» (зеленые годы), «жашыл кундор» (зеленые дни), «жашыл ойлор» (зеленые мысли), «жашыл максаттар» (зеленые цели).

В русском языке и в других культурах зеленый цвет может иметь негативные ассоциации и использоваться в выражениях с отрицательной коннотацией. Например, в русском языке фразы «тоска зеленая» и «зеленый змей» связываются с горечью и алкогольной зависимостью соответственно. В

Германии зеленая масть на картах использовалась как символ горя и досады, а во Франции выражение «langue verte» («жаргон воров») связывается с преступностью. В Китае "зеленая шляпа" была знаком, предупреждающим окружающих о том, что у носителя может быть неверная жена, так как мужья проституток носили зеленые головные платки.

Синий цвет во многих культурах символизирует идеализм, силу духа, подчиненность. Как цвет неба она использовалась в качестве защиты от сил зла. Например, в Марокко чуть ниже уха жениха рисуют *синюю точку*, чтобы отогнать злых духов. В Иерусалиме на дверях и стенах жилищ рисуют *синюю ладонь*. В психологии *синий* — цвет спокойный и устойчивый, иногда наводящий на мысли о грусти: *to be in the blues* (хандрить, находиться в унынии, меланхолии). В немецком языке *синий* цвет - прежде всего цвет неопределённой, неясной дали, символ идеала и мечты у немецких романтиков: *blaue Ferne* - туманная даль, *blaue Blume* - голубой цветок. Синий цвет символизирует еще и неопределенность. К примеру, *ins Blau hinein reden/handeln* - говорить, действовать на авось, без чёткого плана, цели; *keine blaue Ahnung von etwas haben* - не иметь ни малейшего представления о чём-либо. О чём-то далёком, неясном идёт речь в выражении *blaue Schlösser bauen* - строить воздушные замки. Синий является также цветом обмана, лжи, олицетворяет притворство: *den blauen Mantel umhängen* – обманывать, изменять; *das Blaue vom Himmel herunter reden/ lügen/ schwindeln* - наврать с три короба; *blau reden* - врать. *Das Blaue vom Himmel herunter versprechen* - наобещать что-либо невыполнимое, сулить золотые горы. *Jemandem blauen Dunst vormachen* - втирать очки кому-либо, пускать пыль в глаза, морочить голову. К вышеперечисленным относятся также *sein blaues Wunder erleben* - сильно удивиться, насмотреться чудес, поразиться; услышать, увидеть что-л. диковинное, необычное. *Na, so blau!* - Ну да, скажешь тоже! (сомнение в правдивости). *Mit einem blauen Auge davon kommen* - отделаться легким испугом, легко отделаться.

В кыргызском языке синий цвет – также цвет неба, вечности, чистоты. Во фразеологизмах *Ат аяган жер карайт, куш аяган көк карайт*, досл. *Кому жалко коня, в землю смотрит, кому жалко ловчую птицу, в небо смотрит*. Эквивалент данной пословицы в русском языке: *для просьбы бедного у богатого уши глухи*. *Учкун аралаш түтүн көккө көтөрүлөт* («Ала-Тоо»). Искры дыма поднимаются к небу. (Перевод наш Б.Г.А.) *Күлүн көккө сапыруу* — досл. поднять прах в синеву. Разбить в пух и прах. *Бирдиктин күчү фашисттин, Күлүн көккө сапырды* (Осмонкул). (Сила единства разбила фашистов в пух и прах) (Перевод наш Б.Г.) *Эл жегичти жоготуп, күлүн көккө сапырды* (Токтогул). (Народ уничтожил взяточника и разбил в пух и прах) (Перевод наш Б.Г.А.) *Төбөсү көккө жетүү*- подняться высоко (по карьерной лестнице, от счастья), досл. достиг макушкой синевы. В кыргызской культуре, когда выходят замуж невеста сидит за ширмой (көшөгө) и в качестве благопожелания, говорят: *Көшөгөң көгөрсүн!* – досл. пусть посинеет твоя ширма, что означает, пожелание долгой счастливой жизни. «Ырахмат кызым! Көшөгөң көгөрсүн!», – деп кемпир үнүн каргылдантты. (Байтемиров) (Спасибо, доченька! Пусть будет долгой ваша семейная жизнь») (Перевод наш Б.Г.А.). Есть также фразеологизмы, несущие отрицательную коннотацию: *көк бет*, досл. *синее лицо* – так называют упрямого, настырного человека. *Эр болсоң көк бол, сөзүңө бек бол* (поговорка). [Юдахин]– досл. *Если ты баатыр, то будь упрямым и держи данное слово*. (Перевод наш Б.Г.А.) *Бир ыйласа басылбаган, таарынса жазылбаган көк бала турбайбы* («Жаш ленинчи») / (Он оказывается очень упрямый мальчик, который если заплачет, то не останавливается, если обидится, не прощает) (Перевод наш Б.Г.А.) *Көк мээ*, досл. *синий мозг*- так называют недалекого, глупого человека.

В русском языке синий цвет является носителем не только положительных характеристик - «синий, как василёк»; «синий, как лён»; «синий, как небо»; «синий, как лазурь», но и отрицательных - «синий, как

мертвец»; «синий, как утопленник». Но выражений значительно меньше, чем в немецком языке.

Фиолетовый цвет — смешение красного и синего цвета. Фразеологизмов с данным цветообозначением в словарях мы не обнаружили, есть некоторые словосочетания в СМИ, которые имеют негативный оттенок, к примеру *фиолетовая курица* (тощая курица), *фиолетовое настроение* (безразличие), *фиолетовая проза* (цветистый стиль). Цвет и его обозначения открывают перед нами не только особенности отдельных культур, но и многообразие мира в целом. Изучая различные языки, мы замечаем, как сходства, так и различия в понимании цвета и его значений. Под одним цветовым термином каждый может представлять себе свой оттенок, что подчеркивает отсутствие универсального лингвистического термина. Понятие "цветообозначение" охватывает широкий спектр способов обозначения цветовых оттенков в различных языках. Интерес к цвету и его обозначениям продолжает расти, стимулируя исследования в различных областях науки. Это побуждает нас не останавливаться на достигнутом и продолжать изучение цвета как особого феномена, требующего междисциплинарного подхода.

Выводы по 2 главе

В данной главе мы рассмотрели методологию, объект, предмет и методы и методологию данного исследования. Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе (когнитивный, культурно-ориентированный и функционально-семантический анализ) в рамках антропоцентрической парадигмы, рассматривающей язык как отражение культурного сознания. Объект исследования — единицы провербиального пространства с компонентом цветообозначений в немецком, кыргызском и русском языках. Предмет — семантические, когнитивные и культурно-специфические особенности концепта «цвет».

Методы: эмпирические (анализ источников, сбор и систематизация данных, извлечение примеров из текстов), теоретические (анализ, синтез, системный подход, сопоставление, моделирование). Применялись когнитивный анализ (реконструкция концептуальных моделей), этимологический метод (изучение происхождения цветообозначений), контекстуальный и лексико-семантический анализ. Основное внимание уделяется влиянию культурных и языковых факторов на восприятие цвета.

Так как данное исследование обозначено как исследование концепта «цвет» в провербиальном пространстве языка, мы также дали определению термину «проверб», дали краткий обзор исследований, посвященных данной тематике в исследуемых нами языках. Также были рассмотрены единицы провербиального пространства, для определения материала исследования. Были рассмотрены истоки развития и становления немецкой, кыргызской и русской фразеологии, так как единицы провербиального пространства входят паремии, пословицы, поговорки, устойчивые выражения, которые рассматриваются в рамках фразеологии. Были рассмотрены концепты цветообозначений в исследуемых языках (немецком, кыргызском и русском) и их связь с окружающей средой, культурой и образом жизни. Согласно гипотезе А. Вежбицкой, прототипами цветов являются реальные объекты,

такие как ночь для черного, день для белого, небо для синего. Эти прототипы связаны с универсальными аспектами человеческой жизни и культурного окружения. Цветовые компоненты в фразеологических оборотах также отражают национальные особенности языков, что отмечают исследователи З.А.Голикова [1983] и Т.Е.Помыкалова [2007]. В немецком языке цветовые обозначения объясняются через конкретные объекты, такие как снег для белого, кровь для красного, железо для черного. В кыргызском языке они тесно связаны с природой, кочевым образом жизни, животными и предметами быта. В русском языке цветообозначения опираются на более обобщенные референты, такие как снег, уголь и кровь. Несмотря на сходство между немецким и русским языками, обусловленное схожими природно-географическими условиями, в кыргызском языке наблюдается большая абстрактность цветообозначений. Например, слово «көк» охватывает широкий спектр оттенков, включая синий, голубой, серый и даже зеленый. Этот процесс связан с категоризацией и аналогией, когда новые ситуации включаются в уже существующие категории на основе схожих черт. Однако аналогия упрощает уникальные особенности и акцентирует внимание на общих аспектах. Таким образом, цветообозначения формируются под влиянием природных условий, культурного контекста и образа жизни, что делает их уникальными для каждой языковой системы.

Глава 3. Результаты сопоставительного описания колоронимов в немецком, кыргызском и русском языках

3.1. Научный аппарат исследования материала

Цветовые наименования, входящие в лингвоцветовую картину мира, являются важной частью языковой картины мира. Лингвоцветовая картина мира проявляется в форме цветообозначений в отдельных словах, выражениях и других вербальных средствах. Цветовые системы различных языков имеют много отличий между собой, так как язык отражает ассоциации конкретной культуры, формирующейся в определенных исторических и географических условиях. Для реконструкции концепта түс/ farbe/ цвет мы можем выделить когнитемы, которые реализуются через фразеологические единицы и которые можно выявить путем сопоставления. Частотные когнитемы, принадлежащие ядру концептов, могут быть выявлены путем анализа большого количества примеров. Однако не все такие когнитемы являются прототипическими: прототипическая когнитема принадлежит ядру концепта, в то время как другие когнитемы, выделенные в исследовании на основе количества примеров, могут находиться как в ядре, так и в периферии концепта. Это зависит от того, насколько часто эти когнитемы встречаются в исследуемом материале и как они взаимосвязаны с общими ассоциациями и представлениями о цвете в данной культуре. В ходе исследования мы рассматриваем концепты, которые связаны с реальными объектами и признаками различных цветов, а также представлениями о цветах, которые отражены в стандартном языке и культуре. Реконструируя концепты отдельных цветов, мы можем попытаться описать особенности их концептуализации в провербиальном пространстве языка. Это позволит нам лучше понять, как цветовые концепты воплощаются в языке через фразеологические выражения и какие ассоциации и символические значения они несут. Такой анализ поможет раскрыть глубинные культурные и

когнитивные аспекты, связанные с восприятием цвета в различных языках и культурах. В.И. Карасик писал по этому поводу, что «выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание... описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений». Описание осуществляется дефинированием, контекстуальным анализом, этимологическим анализом, паремиологическим анализом, интервьюированием, анкетированием, комментированием [Карасик, 2004:110-111]. Все эти способы в равной степени могут участвовать в формировании номинативного поля исследуемого концепта [Попова, Стернин, 2007:48].

При изучении концептов принято выделять когнитивные признаки, которые характеризуют их. В контексте ФЕ, где цветообозначение является элементом, когнитивным признаком является признак цвета. Для описания концептов цвета, выделения их когнитивных признаков, необходимо выявить когнитивные признаки, которые являются языковым выражением концептов цвета. Таким образом, совокупность когнитивных признаков фразеологических единиц, или примеров вербализации концептов, поможет нам охарактеризовать концепты цвета. Исследуемый материал характеризуется тем, что лексемы цвета сами являются когнитивным признаком для концептов, которые вербализуются фразеологическими единицами, привлеченными для исследования. Это обусловлено тем, что значения цвета настолько тесно связаны с элементами языка, что цветовые обозначения в структуре фразеологических единиц, как правило, представлены существительными или, реже, глаголами, обозначая предмет или явление, которое в большинстве случаев имеет определенный цветной признак. Поэтому важно рассмотреть когнитивные признаки фразеологических единиц, которые были выбраны для исследования (или другими словами, примеров), чтобы можно было сделать выводы о

когнитивных признаках концепта определенного цвета в контексте фразеологизма.

Использование термина "когнитивный признак цвета" вместо просто "признак цвета" обосновано тем, что цвет выступает как когнитивный признак концепта, вербализованного в фразеологической единице, которая либо используется не в своем прямом значении (как в случае с лексическим значением цвета), либо имеет переосмысленное значение (как в случае со сложными словами или фразеологизмами). Поэтому в данном контексте цвет становится когнитивным признаком, который характеризует непосредственно объект или явление, обозначенные в данной фразеологической единице.

Таким образом, в данном исследовании когнитивный признак понимается как характеристика концепта, которая актуализируется идиоматическим словом или элементом идиоматического фразеологизма, определяя отношение вербализованного объекта или явления к реальности. Поэтому представляется целесообразным начать описание концептов с концептов цветов, вербализованных во фразеологических единицах немецкого, кыргызского и русского языков с наибольшим количеством примеров, и закончить рассмотрение концептов, вербализованных с наименьшим числом единиц.

3.2. Когнитивные модели с цветовым именем

В современной лингвистике существует несколько подходов к изучению семантики цвета. К примеру, Б. Берлин и П. Кей сравнивают системы основных цветообозначений в разных языках мира, исследуя гипотезу эволюции этих систем и выявляя универсальные закономерности. Р.М. Фрумкина [1984] и А.П. Василевич [1987] изучают отношения между референтом (объектом) и названием цвета, а также их интересует сам процесс определения цвета объекту носителями языка. А. Вежбицкая [1996] рассматривает языковые концепты цвета, пытаясь выяснить, как мы

воспринимаем цвета. Она предлагает искать конкретные и универсальные для всех языков объекты, с которыми ассоциируются определенные цвета, такие как желтый — с солнцем, красный — с огнем.

Как известно, большинство первообразных прилагательных цвета имеют архаическое значение. Что скрыто в их семантике? Почему возникла вторичная номинация? И имеет ли это тоже самое значение в современном состоянии языка?

Именно такие «символические» смыслы, согласно исследованиям, многих ученых, имеют архетипические корни, которые мы и будем называть концептуальными ядрами семантики цветоименований. Описание языковой картины мира связано с восстановлением определенной системы знаний, которую человек использует для понимания окружающего мира. По мнению А. Вежбицкой [1996], в языковой картине мира нельзя игнорировать информацию, которая имеет значение для человека. Это подчеркивает антропоцентричность языка, где язык отражает человеческий опыт и восприятие. В предыдущих главах, мы уже говорили, о том, что мир представлен в картине мира человека с определенным цветом. Но есть объекты, цвета которых мы воспринимаем совершенно бессознательно, если цвет неизменен, перманентен, то он не значим для человека. Для человека важны те артефакты или природные явления, которые меняют цвет. Заметим, что большинство объектов в языковой картине мира «бесцветные», точнее, их цвет понятен человеку по умолчанию. Он представлен в глубинных структурах сознания (отнесем его к феноменологическим когнитивным структурам) и не требует дополнительного, языкового, уточнения. Отсутствие названий для незначимого в сиюминутной коммуникативной деятельности - явление повсеместное (подчеркнем, что речь идет о значимости для человека) [Братчикова, 2006:128]. К примеру, Н.С. Братчикова приводит в пример, то, что, в финской и русской языковой картине мира, практически все животные и птицы являются бесцветными. Orava Белка, Rotta Крыса, Hiiri Мышь, Metso Тетерев, lives Рысь, Kikko Петух', Kdki Кукушка. Основные фольклорные

образы - лиса, медведь, заяц - наделяются кличками: Mikko Repolainen; Repolainen - в русской фольклорной традиции 'Лиса Патрекеевна' и Karhu Mesikammen Медведь Медовая лана - Михайло Потапыч' Pupuujmsi 'Зайчишка-пушишка'. [Братчикова, 2006:128]. Если сравнивать наши языки по данной аналогии, то можно увидеть, что в немецких баснях, также животные наделяются кличками: Braun, Meister Petz – медведь, Reineke, Matten Has – лиса, Isegrim – волк, Henning – заяц [<https://de.wikipedia.org/w/index.php?title=Fabel&action=edit&section=10>]. В кыргызском же языке, в отличие от немецкого и русского языков зверей не наделяют кличками, а называют их также, к примеру, түлкү - лиса, коёнек-заяц, зайчонок, көк жал карышкыр¹, көк бөрү - серый волк, аюу - медведь. Наличие представлений о масти данных животных можно увидеть по выражениям оттеночной лексики, например, в немецком *mausgrau* – мышино-серый, *Braun* – цвет медведя, также так называют медведя часто, *Wolfsgrau* – волчье - серый, в кырг. языке цвет не носит такого смысла. В кыргызском языке часто называют животных по характеру и поведению, *көк жал карышкыр* - здесь *көк жал* имеет также значение «упрямый», *куу түлкү* - значение слова «куу» - хитрый, пронырливый; пролаза, плут. В данном случае, лиса в кыргызской языковой картине больше ассоциируется с хитростью; *ак куу* - белая лебедь - белый; бледный; бледно-жёлтый; *актыгың көлдүн куусундай фольк. твоя белизна подобна лебедю, что на озере* [<https://el-sozduk.kg/slovari/kyrgyz-russkiy-slovar-yudakhin>].

Цвет является семантически значимым только для очень ограниченного круга фольклорных образов. Культурно значимыми зверями в русской языковой культуре оказываются *заяц, волк, мышь (всегда серые); вороной! буланный! пегий конь, черный ворон; рыжая лиса*. [Братчикова, 2006:129]. В немецкой языковой картине также значимыми зверями являются: медведь (Braun), лиса (Reineke), волк (Isegrim), ежик (Igel), заяц (Henning). Но цвет не

---

¹ Здесь «көк жал» букв. переводится, как «синегривый», но в языковой картине кыргызов «көк» передается как серый волк. Примечание автора.

имеет такой семантической значимости, как в русском языке. Также в кыргызской языковой картине в названии сказочных животных цвет не имеет такого семантического значения. Но в художественных произведениях всегда подчеркивается масть коня, *ср.*: «боз ат» - сивая лошадь. Как пишет К. Саматов, «наши наблюдения показали, что в эпосе «Манас» для обозначения мастей лошадей часто употребляются *кызыл, кызыл буурул, Саркызыл, Наркызыл, Жаркызыл, Баркызыл*, значения которых раскрываются в определенных контекстах. Конечно, порою затруднительно определить их значения. Мы все-таки предполагаем, что *кызыл* в некоторых местах эпоса означает «светло-серый»» [Саматов, 2016]. Такое отношение к лошадям, определяется кочевым образом жизни, где лошадь играл огромную роль в повседневной жизни кыргызов.

Именно в художественных произведениях, сказках, цвет имеет огромное значение, так как именно через нее автор влияет на чувства, эмоции читателя, именно через цвет описывает то или иное событие. То, что в обыденной жизни является для нас бесцветным, и не окрашивается в речи, приобретает принципиально важное значение в сказках, в фольклорных текстах, так как цвет передает волшебство, сказочность, эмоции. *Ср.*: «Wenn er ganz groß und rund war, erleuchtete er ganze Felder und Straßen und legte alles in einen *weißen Glanz*» - Когда он был по-настоящему большим и круглым, он освещал целые поля и улицы, и придавал всему *белое сияние*. [Перевод наш Б.Г.А.] [Ch. Lochmann “Die Geschichte vom müden Mond”].

В кыргызском языке, также используются цветоименования для описания природы, чувств персонажей. *Ср.*: «Төмөн этекти караса, көк жайыкта улуу той болуп жатат» - Посмотрели вниз и увидели, как на зеленом лугу справляли большой той. (Перевод наш. Б.Г. А.). Здесь «көк жайык» букв. «синяя долина», при переводе «көк» передается как «зеленый».

Физический мир имеет свой цвет. Человек видит мир в цвете, и эти цвета можно описать, это говорит о свободе приписывания цвета объектам, но в языковой номинации, это не всегда применительно. Цветовая атрибутивная

конструкция возможна только тогда, когда она «поддержана» семантикой имени, т.е. согласуется с ней [Рахилина, 2000:170]. Другими словами, не каждое существительное может быть использовано в атрибутивной конструкции с указанием цвета, хотя реальный объект всегда имеет какой-то цвет. Чтобы такая конструкция была приемлемой, цветовая характеристика должна быть значимой для описания объекта, то есть она должна быть релевантной его семантике и проявляться в процессе его функционирования. Цвет выполняет различительную функцию в языке (*Graufuchs* – куу түлкү, серая лиса – *Rotfuchs* - кызыл түлкү – рыжая лиса). В случае наличия у объекта фиксированного цвета, например, *die Kohle* – көмүр, уголь, имеет фиксированный черный цвет, цветовой показатель не имеет различительной функции. Употребление атрибутивной конструкции с именами, обозначающими артефакты фиксированного цвета, чаще всего ограничено. Цвет этих объектов в большинстве случаев не имеет коммуникативной значимости. Он не выполняет различительной функции, так как имманентно присущ и не варьируется в природе [Братчикова, 2006:131]. Таким образом, название цвета становится релевантным в двух случаях: в первом, когда объект обладает устойчивым цветом, который может использоваться в качестве эталона для сравнения с цветами других объектов, или во втором, когда название цвета имеет стандартные характеристики лексемы, обозначающей конкретный предмет. По мнению Рахилиной, семантическая интерпретация атрибутивной конструкции с указанием на цвет объекта не всегда может совпадать, в качестве примера она приводит «синий небокреб», «синий карандаш», «синие горы». *Синий карандаш* обычно интерпретируется как карандаш с синим грифелем. *Синее небо* определяется голубым цветом воздушных масс. Сочетание *синие горы* возможно в прагматическом контексте и имеет интерпретацию совершенно другой семантической природы [Рахилина, 2000: 171].

В языке область конвенциональных цветов ограничена. В немецком языке – это schwarz (черный), blau (синий), weiss (белый), rot (красный), grün

(зеленый), grau (серый). В кыргызском языке – кара (черный), ак (белый), кызыл (красный), сары (желтый), көк (синий), боз (серый, коричневый) реже жашыл (зеленый). В русском языке – белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый, серый. К этим цветам не относятся цвета, полученные путем смешивания разных цветов, такие как, фиолетовый, оранжевый, коричневый и поздним вступлением в язык.

По мнению Н. Братчиковой, концептуальное ядро большинства цветowych прилагательных создает когнитивную модель переноса значения цветowych обозначений в словосочетаниях с этими языковыми единицами. Мы согласны с данной гипотезой и считаем, что эту идею можно обнаружить в этимологии слова и проследить в процессе его использования и раскрыть через особенности сочетаемости. Это когнитивное ядро, заложенное в слове, оказывает влияние на его коннотативные значения.

3.3. Концепт цвета Weiss/ ак /белый

3.3.1. Этимологическая характеристика колоронима “Weiss- ак- белый”

Белый цвет во многих культурах ассоциируется с чистотой, невинностью и духовностью. Важные ритуальные события, такие как крещение, помолвка и брак, часто сопровождаются ношением белой одежды. Этот цвет также символизирует единство, святость и чистоту света в различных культурных контекстах. Однако, белый также ассоциируется с трусостью, страхом и холодностью. Вероятно, это связано с физиологической реакцией на страх, что отражается, например, в фразе "побелеть от страха".

В немецком языке белый цвет чаще имеет положительные коннотации. *Weiß* (в немецком языке) происходит от старогерманского *wīz* (VIII век), среднего высшего немецкого *wīz* и других ранних форм, таких как англосаксонский *hwīt*, древнеанглийский *hwīt*, скандинавский *hvītr*, шведский *vit*, готский *hweits*. Происходит от общего германского корня *hwīta-* (с коротким гласным, возможно, сокращённой формой от *hwit(t)a-*), который, в свою

очередь, связан с индоевропейским корнем *k̑eī-* или его вариацией *k̑eit-*, что означает "светить", "быть ярким" или "быть белым". В тексте упоминается также связь с индийским языком (индийское слово *śvēāḥ* "белый, светлый") и другими славянскими языками (например, русский "свет", что означает свет или мир), которые также происходят от индоевропейского корня, что подтверждает связь слов и значений в разных языках [DWDS]. Таким образом, рассматриваемый корень связан с идеями света и яркости и используется для обозначения белого цвета в различных языках. В немецком языке существует несколько наименований для колоронима «weiss» - белый, таких как "brillantweiss" (блестяще-белый), "käseweiss" (белый как сыр), "kreidebleich" (белый как мел), "schlohweiss" (полностью бледный), "schneeweiss" (белый как снег), "titanweiss" (титановый белый), "albino" (альбинос) и т.д.

Слово «ак» в кыргызском языке имеет несколько значений, связанных с цветом, чистотой и невиновностью. Этимологически оно происходит от пратюркского *āk*, что означает «белый». Это слово широко распространено в тюркских языках, включая казахский (ак), башкирский (ак), азербайджанский (аğ) и другие. *Ак* в "Древнетюркском словаре" имеет следующие семы: 1) белый; 2) белая, серая, сивая (о масти животных); 3) благоприятный [ДТС, 1969: 48], в труде В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» - 1) белый; 2) белый, чистый, несмешанный; 3) добродушный, чистосердечный, невинный [Радлов, Т. 1. 1893 : 88-95], в этимологическом словаре Э.В. Севортяна: 1) белый; 2) чистый (прямо и переносно); 3) прекрасный, чудесный, роскошный, великолепный [Севортян, 1974 : 116-117]. В Толковом словаре кыргызского языка (1969) дается несколько значений прилагательного "ак" в разных контекстах:

1. «Ак» обозначает белый цвет, как, например, в контексте «кардын, сүттүн түсүндөй» (цвет снега или молока), «ак булут» (белое облако), «ак кагаз» (белая бумага).

2. *Чистота, добросердечность*: Это значение описывает что-то чистое или искреннее. Например, «ак эмгек» — честный труд, «пейли ак» — искренний, чистосердечный.
3. *Безвинность, невиновность*: Описание людей или ситуаций, где нет вины или преступления. Например, в выражении «күнөөсүз, жазыксыз» — невиновный, беспорочный.
4. *Контрреволюция, противостояние советской власти*: Здесь "ак" используется в контексте борьбы с советской властью, как в выражениях «Ак армия», «Ак гвардиячы» — контрреволюционер, противник советской власти.
5. *Шахматы и другие игры*: В данном контексте это белые фигуры в шахматах или других играх. Например, «Ак менен ойноо» — играть белыми, «ак король» — белый король.
6. *Продукты питания*: Используется в контексте молочных продуктов, как в выражении «айран-сүттүн жалпы аты» (общее название для продуктов, связанных с молоком). Например, «жаз чыгып, ак көбөйдү» — с наступлением весны увеличивается количество молочных продуктов.
7. *Глаза*: Это значение описывает часть глаза — белок, как в «көздүн карегин каптап калган чел» (оболочка, покрывающая радужку), или «көзүн ак басты» (покраснели глаза).

Таким образом, слово «ак» в кыргызском языке имеет широкий спектр значений, включая обозначение цвета, чистоты, честности, а также используемые в специфичных фразах, которые отражают различные аспекты жизни и культуры.

В русском языке слово «белый» имеет древние корни и известно с XI века, о чём свидетельствуют древнерусские памятники. Оно восходит к древнерусскому «бѣлый», заимствованному из старославянского «бѣль» или «бѣлый», и далее к общеславянскому *belъ*, которое, в свою очередь, связано с индоевропейской основой *bhel-* (означающей «белый»). Русское слово «белый» созвучно словам с аналогичным значением в других славянских

языках: «білий» (укр.), «bely» (чешс.) [ЭСРЯ]. Производные от «белый» включают: белеть, белить, белизна, белила. Интересно, что слово «белый» также ассоциируется с именем Бенедикт, происходящим от латинского «благословенный». Производные формы имени – Бенедиктович, Бенедиктовна, уменьшительные: Бенюшка, Бенья, Дик.

3.3.2. Когнитемы, актуализирующие концепт «Weiss - ак- белый» в провербиальных единицах языка

Физически белый цвет представляет собой сумму всех цветов, и он не несет негативного значения. Белый цвет практически во всех культурах всегда ассоциируется со светом, чистотой, идеалом, мудростью, невинностью и скромностью. В католической церкви белый цвет также играет важную роль в литургии на всех праздниках, и Папа Римский обычно носит белую одежду. Во всех трех языках белый цвет соотносим с ночным временем суток, когда летом не темнеет, все видно, различимо, что обуславливает наличие когнитивных моделей с данным цветоименом в словосочетаниях, описывающих время суток: в немецком языке светлые дни, называют *helle (weisse) Tage*. В кыргызском языке, например, выражение "ак таң – карарган түндүн аркасынан агарган таң келет" (дословно: "После черной ночи наступает белое утро"). (Перевод наш Б.Г.) ассоциирует белое с рассветом и началом нового дня. В русской фразеологии также есть обороты, связанные с белым цветом и понятием света. Например, выражение "до белого света" означает "до рассвета", а "среди бела дня», белый свет, среди бела дня - днем, т.е. когда светло, обозначает время суток. В русском языке с белизной связано представление о явном, общепринятом, законном, истинном. Этот цвет означал: *целомудрие, простоту, ясность души, божественный свет, истину*, а также символизирует чистоту и невинность, красоту, праздник. Выражение *не видать света белого* означает: 1. Будучи обремененным непосильной работой, заботами, не зная покоя, отдыха. 2. Мучительно страдать от нестерпимой боли, болезни. Эти модели характеризуются

когнитивным единством в немецком, кыргызском и русском языках, и служат показателями общности менталитета.

Концептуальное ядро, связанное с *идеей заметности*, активируется в когнитивных моделях с *weiß*, *ак* и *белый* применительно к «знакам»: *weiße Fahne* - белый флаг парламентаров, знак мира и чистоты помыслов, сообщает о том, что использующая его в процессе переговоров сторона не замышляет ничего враждебного, *die weiße Fahne hissen* - поднять белый флаг. Не исключено, что эта ассоциация и предопределила названия речных экскурсионных пароходов *Weißer Flotte*, как известно речные суда в Германии всегда красили в белый цвет. В русском языке - *Белый дом*, *белый халат*, в кыргызском языке – *Ак үй*, *ак халат*.

Идея заметности и видимости, заложенная в значении слова «белый», проявляется в фразеологической системе языка, особенно в ряде сравнительных оборотов исследуемых языков. Значение «видимости, различимости» оказывает влияние на оценку, которую передает это слово. Быть видным — значит быть на виду у всех, привлекать внимание. Отсюда и позитивное значение цвета белый - «хороший», «ничем не омраченный», «безгрешный»: первое воскресенье после Пасхи, известное как *Weißer Sonntag* – «белое воскресенье», связано с церемонией конфирмации. В этом контексте белый цвет девичьих платьев, свечей и цветов символизирует невинность и чистоту как Христа, так и тех, кто принимает причастие. Они являются ярким примером различий в картинах мира рассматриваемых языков. В них присутствует нравственная оценка. Русское *белый* в этих значениях не выступает. Исключение составляет выражение *белая зависть*, в котором белый имеет значение «безгрешный». В.Н. Топоров [1995] отметил, что в русской этимологии слово *белый* характеризует цвет стены храмов. В этом контексте слово *белый* содержит указание на святость, так как в старославянском «белое» восходит к концепту «свят-свет». Отсюда, белое выступало как предикат России в целом: *Белая Русь*, *Святая Русь* [Братчикова,

2006:136]. Это различие в языковых картинах мира исследуемых нами языков отражает национальное видение своей страны.

Когнитивная структура с пропозицией «**белый – чистый**». Белый цвет является носителем положительных характеристик, символизирует добродетель, радость. *Ein weißes Blatt sein* - быть чистым существом; быть неисследованным. Также во фразеологизме *ein weißer Fleck auf der Landkarte* - "белое пятно" на карте, здесь белый цвет означает неисследованный район; неисследованную область. Иметь (не) запятнанную репутацию выражается во фразеологизме *(k)eine (blüten) weiße Weste haben* - разг., здесь белый цвет является показателем честности и порядочности человека, например, политика. В кыргызской языковой картине «ак» означает доброту, например, фразеологическое выражение "*ак жүрөк*" (буквально "белосердечный") приобрело переносное значение, означающее "чистосердечный". Так говорят про человека, который обладает такими качествами как честность, нравственность, порядочность, приличие, непорочность, добропорядочность и верность. Также следующие фразеологические выражения: *ак көңүл, ак ниет, ак дил, ак тилек* в кыргызской языковой картине мира несут морально-этическую семантику. Эти выражения передают чистосердечность, доброжелательность и гуманность человека. В русской языковой картине белый *цвет* также ассоциируется с неизведанным и светлым. Например, выражение "белое пятно" обозначает неисследованную территорию или неразработанную часть проблемы. Про белый цвет М. Лютер писал в одном из писем: "*Weißer Farbe ist der Geister und aller Engel Farbe*" - *Белый цвет – это цвет всех призраков и ангелов. (перевод наш Б.Г.)* В русской культуре белый цвет воспринимается как символ духовного спасителя – *ангел, врач (белый халат)*. Белый цвет — это почтение, простота, смиренность, невинность, молодость, рождение. *Белая изба*, т.е. чистая. Выражение пошло от традиции выбеливать избу перед святыми праздниками.

Также можно выделить группу когнитивных структур, которые объединяются пропозицией «**белый - красивый**». Он имплицитно в

сочетаниях по отношению к человеку. В современном немецком языке мы не обнаружили фразеологизмов, связанных с коннотацией – красивый. Белое лицо в немецкой языковой картине означает боязнь чего-то, страх, трусость: *er ist ganz weiß im Gesicht* — он бледен как полотно, *weiß werden* - побледнеть, сдать, *j-n weiß waschen wolle n-* оправдать, обелить кого-либо. В кыргызской языковой картине, красоту кыргызской женщины часто ассоциируют с светлыми оттенками волос и кожи, что выражается в использовании таких выражений, как "акжуумал", "куба", "кубакай", "ак куба", "агыш тарткан", "акчыл", "ууздай ак", "сүттөй ак", "жумуртканын агындай". Также в фольклоре встречаются описания молодых девушек следующими выражениями: "моюну ак куудай" (лебединая белая шея), что преимущественно используется в художественной речи. Также отличительной чертой кыргызского фольклора является употребление цвета *ак* - *белый* в именах женщин, подчеркивающий их красоту. Например, в именах как "Ак Мактым", "Ак Мөөр", "Ак Саткын". В русской языковой картине, также белый цвет лица связан с красотой про красивых женщин говорят - *белолицая красавица*.

Большие когнитивные группы в исследуемых языках образованы структурами с пропозицией «**белый - черный**». *Белый и черный* – два абсолютно противоположных цвета, и эта противоположность отражается и в нашей речи. Во многих выражениях белый цвет ассоциируется с положительными аспектами, в то время как черный обычно символизирует что-то негативное. Превращение черного в белое означает изменение значения на противоположное. Фраза «чёрным по белому» (*Schwarz auf weiß*) в немецком соответствует понятию ясного, чёткого и правдивого текста, напечатанного или написанного. Этот оборот также раскрывается в выражении "побелить мавра" (*einen Mohren weiß waschen*), которое описывает что-то противоречивое и невозможное. Вероятно, этот оборот имеет своё происхождение в Библии, где пророк говорит о трудности

избавиться от зла и грязи. Эта фраза, вероятно, пришла из Ветхого Завета. По словам пророка, трудно освободиться от скверны зла. [*Universal-Lexikon*. 2012, URL: http://universal_lexikon.de_academic.com/ дата обращения: 25.03.2020]. Использование термина "белый" в контексте объектов, которые обычно не могут быть окрашены в этот цвет, таких как черные предметы, часто служит для подчеркивания контраста в фразеологических выражениях. В этих оборотах делается упор на необычность события или бессмысленность действия. Например, выражение "*дела как сажа бела*" указывает на негативное значение дел, которые не имеют никакой ценности или полезности. В русском языке до сих пор существует выражение *белое духовенство* для православных священнослужителей, не живущих в монашеском ордене, по сравнению со священнослужителями, которых называют *чёрное духовенство*. Сравнение белого и черного цветов в исследуемых языках воспринимается одинаково и используется схожим образом. В немецком языке существует больше выражений, связанных с этим контрастом. Однако некоторые русские фразеологические обороты не имеют прямых аналогов в немецком и кыргызском языках из-за культурно-специфических объектов, уникальных для России. Тем не менее, во всех трех языках можно найти примеры с одинаковым происхождением, относящиеся к аналогичным явлениям.

Концептуальное ядро прилагательных *weiss/ак/ белый* определяет формирование когнитивных моделей, на основе которых образуются фразеологические единицы. Немецкие когнитивные структуры с цветовым компонентом *Weiss*, имеют более узкую сферу применения, ср. *der weiße Tod* - белая смерть от снежной лавины или переохлаждения, *weiße Weihnachten* - Рождество со снегом, *weiße Hunde* - барашки (белые пенистые волны). Белый цвет также может образовывать фразеологизмы с отрицательной коннотацией: *weiße Mäuse sehen* - напиться до чертиков, галлюцинировать. *Weiß wie eine Wand sein* быть очень бледным (признак нездоровья). А также в религии белый цвет имеет свою особую коннотацию. *Der weiße Mönch* - "цистерцианец" (монах ордена, примыкавшего к бенедиктинскому), здесь белый цвет одежды

- характерный признак членов некоторых религиозных объединений. В русском языке также есть термин для обозначения алкогольного бреда — *белая горячка*. В кыргызском языке *ак* несет больше положительную коннотацию. И понятия «белая горячка», как таковая отсутствует.

Фразеологизм "*ein weißer Rabe*" в немецком языке традиционно переводится на русский как "*белая ворона*". Однако, несмотря на полное внешнее сходство этих фразеологизмов, они имеют существенные различия в семантике. В русском языке "*белая ворона*" описывает человека, который резко выделяется среди окружающих, не похож на них и может быть воспринят как необычный или аномальный. Этот образ понятен, так как в природе встречается крайне редко белая ворона, которая резко отличается своим цветом от обычных ворон. Но значение немецкого фразеологизма *ein weißer Rabe* существенно отличается от значения русского. *Ein weißer Rabe* - редкий, удивительный, оригинальный и незаурядный человек, который выделяется среди других, но только в положительном смысле.

В исследуемых языках также можно выделить когнитивные структуры с пропозицией «**белый - светлый**». В немецком языке таких фразеологизмов мы не обнаружили. Белый цвет нередко приобретает значение «светлый». *Белый хлеб*. Хлеб не белый, а светлый - в противовес хлебу черному. *Белые ночи* – северные летние ночи. В русском языке есть также небольшое число негативных выражений *белая печень* (трус), *показать белое перо* (быть побежденным, осмеянным). В переводческих работах описания светлых волос, таких как «русый», «блондин», «светловолосый» и т. д., на кыргызский язык могут переводиться словами «ак чачтуу», «ак сары чачтуу» и т. д., при этом сохраняясь стилистические особенности исходного языка. В кыргызской языковой картине мира, слово «*ак тармал чач*» может характеризовать переходный период, изменение цвета волос с естественного на седой, что соответствует среднему или зрелому возрасту.

В кыргызском языке колороним *белый* – *ак* многозначный. Также термин *аксакал* (от тюркского *ак* – «белый» и *сакал* – «борода», буквально

"седобородый") употребляется для обозначения главы рода, старейшины и в знак уважения к взрослым и пожилым людям. И в большинстве случаев используется в положительной коннотации. *Ак чөп башта* – это выражение используется, когда человек где-то ошибся или нарушил правила игры и извиняясь просит переиграть. *Ачык айтып, ак сүйлөө* – говорить открыто, честно; *иши ак* – невиноватый, чистый; *ниети ак* – чистый помыслами; *ак кол* – белоручка; *жүрөгү ак* – человек с чистым сердцем; *Ак жоолугуң башыңан түшпөсүн!* либо *Ак элечегиң башыңан түшпөсүн!* – здесь *ак жоолук*- *ак элечек* (национальный головной женский убор), когда невестка приходит в дом мужа ей, надевают белый платок, который является символом чистоты и хороших намерений. «*Кем болбо, балам! Ак жоолугуң башыңан түшпөй, бактылуу бол!*» – *дешип катындар чуулдап алкашты. (Жантөшев)/ Не нуждайся ни в чем! Пусть белый платок никогда не сойдет с твоей головы, будь счастлива!* (Перевод наш Б.Г.А).

В немецком языке *weiß wie die Kreide*, в кырг. *бозоруп кетүү* (досл. посереть, употребляется в значении *побледнеть*) или *сүттөй ак* (белый как молоко), в русск. *белый как мел* или *белый как стена* описывают очень бледного человека. Интересен здесь тот факт, что колороним *боз* передает здесь значение *белый* – *ак*. В русском языке сравнений еще больше: *белый как стена, как полотно, как смерть, как бумага*. Очень рассердить кого-то, рассердить означает на обоих языках рассердить кого-то довести до *белого каления* (в нем. яз. *bis zur Weißglut bringen*), в кыргызском языке от злости чернеют *ачуудан караруу*. Речь идет о сравнении человеческого гнева с тлеющими углями, созданными накалом.

На Руси «белый» обозначало вольный, независимый, благородный, праведный. Об этом свидетельствуют такие выражения как *белая Русь, белые крестьяне* (свободные от всех податей и повинностей), *белый свет, средь бела дня* - днем, т.е. когда светло.

Лексема *ак кол* (белоручка) также получила идиоматический смысл. Ее используют для обозначения человека, который избегает физического труда и предпочитает не заниматься тяжелой, грязной или грубой работой. «Сказка про белого бычка» отражает бесконечное повторение одного и того же события или ситуации с самого начала, что подчеркивает её бесполезность или однообразие. Но надо добавить, что в русском языке есть два названия конкретных зданий. Это *белая баня* и *белая изба*. В немецком и кыргызском языках таких словосочетаний нет, потому что не было подобных явлений в жизни людей. Эти термины в русском языке обозначают баню и хутор, у которых есть труба, потому что были и те, у которых трубы не было. Но в кыргызском языке есть сочетание *ак боз үй* – это юрты, в которых жили ханы, богатые люди - манапы и баи. В немецком языке есть выражение *белый голубь*, который считается символом мира. По-русски он называется голубь мира, хотя он также представляет собой белого голубя. В кыргызском языке *ак көгүчкөн* также означает *мир*. В кыргызском языке есть *Ак-Шумкар* (белый сокол), который является символом свободы, силы; верный сокол Манаса. *Белым негром* называют бесправного человека, который выполняет очень тяжелую работу. Здесь белый используется для обозначения цвета кожи. Однако фраза *как белый человек* имеет положительный оттенок, потому что речь идет о нормальных условиях. Эти два выражения связаны с тем, что люди со светлой кожей имели больше прав. В компаративных оборотах изучаемых нами языков преобладают различия, которые отражают специфическое национальное восприятие окружающего мира. Когнитивные модели в этих языках не совпадают, выявляя лишь общие закономерности в структуре словосочетаний с цветовым компонентом.

Основные выводы, к которым можно прийти в результате сопоставительного анализа фрагментов цветовой картины мира в трех языках, следующие:

1. Определяющей пропозицией, формирующей концептуальное ядро слов *weiss/ак / белый* – это видный, различимый.

Второй важной пропозицией является «*белый - чистый*». Эти пропозиции играют большую роль в немецкой, кыргызской, русской цветовой картине мира.

Для кыргызского и русского языков реконструируется пропозиция «*белый – красивый*». В немецком языке эта пропозиция неактуальна. Тогда как в кыргызском языке она является ключевой. Для русской цветовой картины мира характерна пропозиция «*белый — это святой*».

Третьей важной пропозицией является «*белый - черный*». Эта пропозиция является популярной в исследуемых языках. В исследуемых языках белый и черный цвета воспринимаются и используются аналогично. Однако в немецком языке имеется больше выражений, связанных с этим цветовым контрастом.

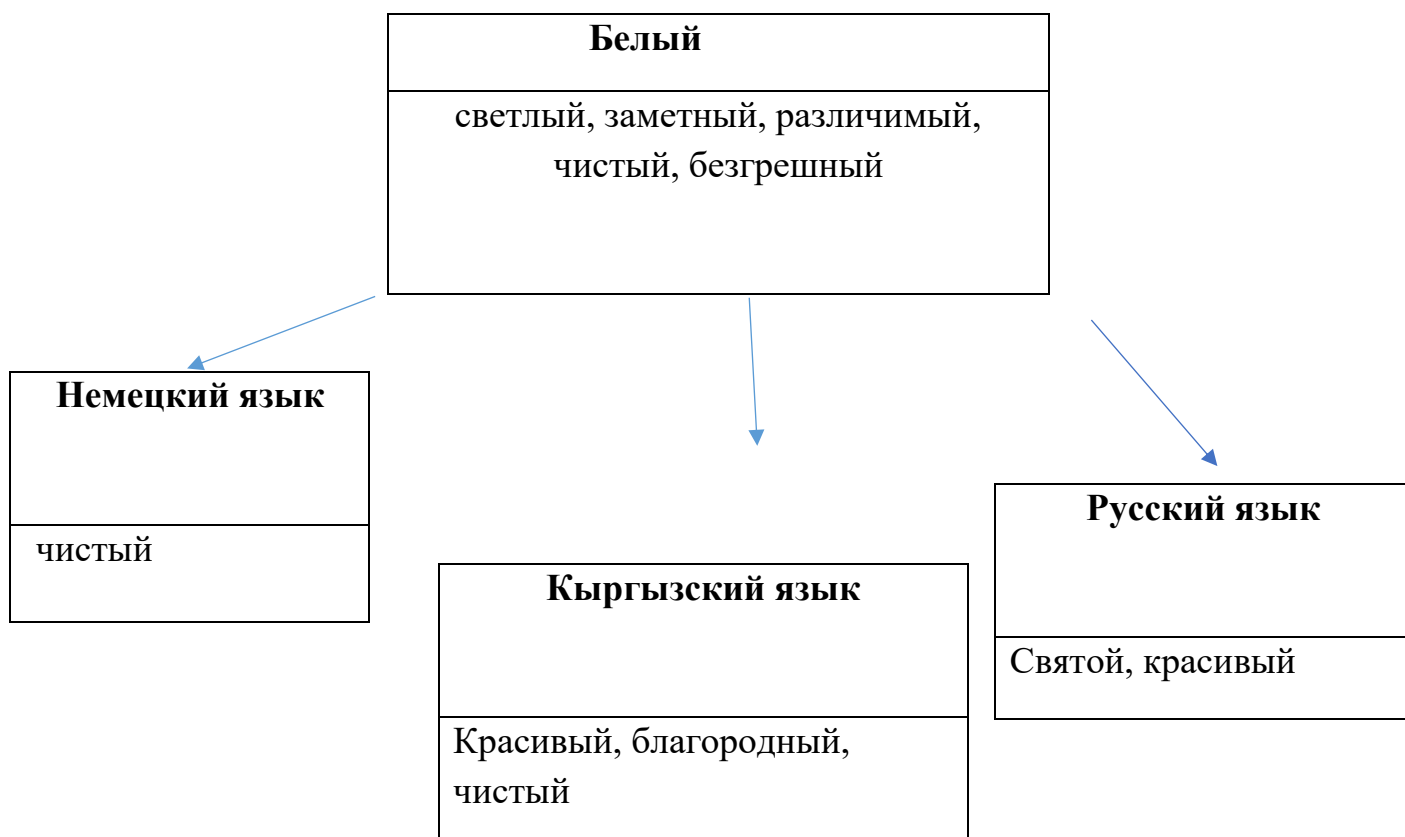
2. Цветовая структура отражает ситуации, общие для среды обитания носителей исследуемых языков. Общий человеческий опыт, объясняет наличие маркеров общего менталитета. Фрагменты цветовой картины мира с цветовым компонентом *weiss/ак/белый* во многом совпадают и обладают сходной информативностью.

3. В когнитивных моделях кыргызского, русского языков можно отметить преобладание субъективного фактора, где на первый план выходит оценка типа "хорошо/плохо", что свидетельствует о возрастании значимости прагматического подуровня. В то же время немецкие модели характеризуются большей нейтральностью.

4. Кыргызским моделям с цветовым компонентом «ак» - белый, свойственна большая метафоричность, также, как и русским моделям.

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОЛОРОНИМА «WEISS- АК-
БЕЛЫЙ» В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ**

3.4. Концепт цвета *schwarz/ кара /черный*

3.4.1. Этимологическая характеристика колоронима “*schwarz – кара-черный*”

Важной областью семантики слов *schwarz/ кара /черный* являются названия объектов материального мира и явлений реальности, которые характеризуются отсутствием хроматической окраски. Прилагательное «*schwarz*» (черный) в немецком языке имеет корни в латинском слове «*sordere*», что изначально означало «быть грязным». *Schwarz* (прилагательное, цветное прилагательное) - происходит от древневерхненемецкого *swarz* (8 век), средневерхненемецкого *swarz* со значением «тёмного цвета, чёрный». В древнесаксонском - *swart*, в нижненемецком и средненидерландском - *swart*, в современном нидерландском - *zwart*, в древнефризском - *swart, swert*, в древнеанглийском - *sweart*, в современном английском (устар.) *swart* («тёмный, черноватый»), в древнескандинавском - *svart*, в современном шведском - *svart*, в готском - *swarts* (прагерманское *swarta-*). *Schwarz* имеет также родственные формы в древнескандинавском языке: *sorta* («чёрный цвет»), *sorti* («темнота, густой туман»), *sorta, sortna* («быть чёрным, тёмным») [DWDS].

Что касается кыргызского языка, в исследованиях К. Саматова, мы находим следующую информацию: «...о происхождении этой лексемы до сих пор нет единого мнения. Но никак нельзя пройти мимо того факта, что в тюрко-монгольских языках не только номинативное, номинативно-производное, но и косвенные значения лексемы *кара* в основных чертах совпадают. Наличие *кара* в ностратической макросемье языков со значением «черный, темного цвета» требует более серьезного внимания к тем или иным вопросам, связанным как с этимологией, так и с семантикой» [Саматов, 2012:102]. В толковом словаре кыргызского языка *кара* имеет три омонима: 1. «крупный рогатый скот»; 2. «опора»; 3. «черный» [КТТС, 1969:284-285]. Слово «*кара*» в кыргызском языке, означающее "чёрный", имеет

древнетюркские корни и широко используется в различных тюркских языках. В древнетюркском языке «кара» имело значения не только «чёрный», но также «грозный», «сильный», «обильный» и «главный». В тюркской топонимике «кара» часто используется для обозначения географических объектов, подчёркивая их величие или значимость [Джахит, 2013: 3-4]. Символика чёрного цвета в тюркской культуре многогранна: он может олицетворять разрешение проблем, силу и мощь, а также ассоциироваться с трауром и печалью. Таким образом, слово «кара» в кыргызском языке отражает богатое культурное и историческое наследие тюркских народов, сохраняя свои древние значения и символику.

В русском языке этимология слова «чёрный» раскрывается следующим образом: чѣрен, черна́, черно́, черни́ла. Родственные слова в других славянских языках: чѣрний (укр.), чѣрны (белоруск.), чьрнь (древнерус.), чрьнь (соответствует греческому μέλας) – старославянск., чьрн, чѣрен (болг.), црн (сербхор.), črn (словен.), černý (чеш.), čierny (словац.), czarny (польск.). Праславянское слово *сьгнь происходит из формы *сьгхнь. Оно связано с литовским Kirsna (название реки), древнепрусским kirsnan («чёрный»), древнеиндийским kṛṣṇás («чёрный»). Также сопоставляются: литовское kėršas («чёрно-белый, пятнистый»), kėršė («корова-пеструха»), kėršis («вол пёстрой масти»), karšis («лещ»), kiršlỹs («хариус»), шведское и норвежское harr (хариус). Прачерез германскую основу *harzu-. [Фасмер, <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>]. Этот анализ показывает, что слово «чёрный» в русском языке имеет древние индоевропейские корни и тесно связано с природными и цветообозначающими понятиями в славянских и других языках.

3.4.2. Когнитемы, актуализирующие концепт «schwarz – кара- черный» в провербиальных единицах языка

Понятия, связанные с черным цветом, широко представлены в устойчивых выражениях и свободных словосочетаниях, что делает их уникальным объектом для лексических исследований.

Собранный нами материал показывает, что черный цвет является наиболее популярным и продуктивным для формирования фразеологизмов в немецком, кыргызском и русском языках.

Концептуальным ядром для когнитивных моделей с черным цветом является пропозиция «**черный - опасность**». Негативная, зловещая, роковая коннотация сопровождается с фразеологизмами, содержащих в своем составе компонент «*schwarz/кара/черный*». Эта негативная коннотация фразеологизмов проявляется в широком спектре, простирающемся от несчастья, опасности и подлости до пессимизма и незаконности. Сопоставляя значения ряда фразеологизмов, включающих слово «*schwarz*» - «кара» - «черный», можно сгруппировать их следующим образом:

- 1) выражения, в которых отражается физиологическая картина: - *bis jemand schwarz wird* - до потери сознания (например, ждать); ждать чего-то, что никогда не произойдет, напрасно ждать; в нем.яз. *jemandem wird es schwarz vor den Augen*, в кырг. яз. *көзү карангылап кетүү* в русск. яз. *в глазах потемнело*; в нем. яз. *sich schwarz ärgern*, в кырг. яз. *кара жинге тийүү*, в русск.яз. *почернеть от злости* доводить себя до испуга, очень сильно злиться, лопаться от злости.
- 2) фразеологизмы, где цветообозначение *schwarz* выражает дурного человека, в нем.яз. *eine schwarze Seele haben*, в кырг.яз. *кара ниет*, *кара муртөз*, *кара ооз*, в русск. яз. *человек с черной душой*, в нем. яз. *jemandem nicht das Schwarze unter dem Nagel gönnen*, в русск.яз. *передается совсем другим выражением - зимой снега не выпросишь*, в кырг.яз. *саран*, нет фразеологизма с цветокомпонентом.

3) выражения, где *schwarz* указывает на клевету или подозрение, ассоциируется с чем-то тайным, используемым против других людей. Например, в нем.яз. *jemanden anschwärzen, jemanden schwarz machen*, в кырг. яз. *кара жалаа жабуу, каралоо*, в русск. яз. *очернить кого-либо, запятнать чью-либо репутацию*; в нем. яз. *die schwarze Liste*, в кырг. яз. *кара тизме*, в русск.яз. *чёрный список, список подозрительных личностей; список лиц, чем-либо неугодных власти, администрации* и т.п., тайно составляемый с тем, чтобы в удобный момент расправиться с ними; в нем.яз. *auf die schwarze Liste setzen*, в кырг. яз. *кара тизмеге кирүү*, в русск.яз. *занести кого-л. в чёрный список*.

4) выражает пессимистическую картину мира: *schwarz in schwarz malen* представлять что-либо в мрачном свете, в нем. яз. *schwarze Gedanken*, в кырг. яз. *кара ойлор*, в русск. яз. *темные мысли*, в нем. яз. *schwarz sehen*, в кырг. яз. *нет фразеологизма*, в русск. яз. *видеть в мрачном цвете, schwarzmalen - изображать все в мрачных, черных красках*. Черный цвет используется для характеристики крайне неудачного, несчастливого дня: *ein schwarzer Freitag* - *черная пятница*, в кырг. яз. *кара ишемби, кара теке сүзүү*, а также для передачи тяжелого материального положения: *schwarz sein* - «сидеть на мели», быть без денег, в кыргызском *кара таман*, в русском языке нет соответствия, с цветокомпонентом.

5) означает что-то противозаконное, нелегальное. Здесь в немецком языке, концепт «нелегальная деятельность» раскрывается через исходную идею «невидимый, незаметный». *Schwarz über Grenze gehen* - нелегально перейти границу, *der Schwarzfahrer* - безбилетник; *die Schwarzarbeit* - нелегальная работа; *schwarz wohnen* - жить без прописки; *der schwarze Markt* - чёрный рынок; *schwarze Ware* - товар с чёрного рынка; товар, продаваемый из-под полы; контрабанда, *schwarz treiben* - продавать из-под полы.

6) чёрный цвет в немецкой культуре, как и во многих других, воспринимается как символ смерти, горя, траура, скорби, а также

печали: *eine Trauerkarte mit schwarzem Rand* -открытка с соболезнованиями с чёрной полосой, *in schwarz gekleidet* - одетый в черное, в трауре.

Данные выражения и фразеологизмы составляют когнитивные структуры с соответствующим им пропозициями.

Отдельного рассмотрения заслуживают когнитивные структуры, формирующие идиоматику на основании новых, необычных концептуальных ядер. Во всех трех языках устойчиво используется оппозиция «чёрное - белое» для создания фразеологизмов, где компоненты парадоксально связаны. Эти фразеологизмы, несмотря на свою алогичность, выражают значение, противоположное значению основного слова. Такой контраст двух противоположных понятий позволяет передать смысл, который противоречит первоначальной интерпретации. Черный цвет создавал прямой контраст с белым, символизируя полярность, такую как «светлый и темный», «добро и зло», «жизнь и смерть». Этому можно найти множество подтверждений. Когда черный и белый используются в одном фразеологизме, контраст между ними становится очевидным, например, в выражениях «*aus schwarz weiß machen*» или «*aus weiß schwarz machen*», что переводится как «называть чёрное белым», «выдавать чёрное за белое», «извращать истину». Также существует выражение «*das kann ich dir schwarz auf weiß geben*», что означает «я могу подтвердить это письменно». Многие выражения, как видно, аналогичны в обоих языках. В кыргызском языке также есть выражение «акты ак деп, караны кара деп айтуу» (называть вещи своими именами, букв. называть белое белым, черное черным), *ак жерден кара болуу* (быть виновным на ровном месте) и т.д.

Устойчивая ассоциативная связь «**черный - грязь**» позволяет отождествить в обоих языках значение когнитивных моделей с *schwarz* значению когнитивных структур с *schmutzig* грязный, испачканный, чумазый. Schwarz, выступая в своем прямом номинативном значении, указывает на состояние, внешний вид предмета, который темнее, грязнее обычного. К примеру, *schwarz* в значении: 1) черный; грязный - *j-n / sich schwarz machen* -

запахаться, запахать кого-либо / себя (также в переносном значении), очернить (себя), *der schwarze Mann* – 1) разг. трубочист; 2) тот, кто пугает маленьких детей; 2) черный, мрачный, печальный, пессимистичный - *schwarze Gedanken* – мрачные мысли (мн. ч.); черные мысли (мн. ч.). *Etwas schwarz in schwarz / in den schwärzesten Farben malen / darstellen / schildern / sehen* – изображать / видеть что-либо в черных тонах; смотреть на что-либо крайне пессимистично. Также сочетания, *schwarze Arbeit* – черная, грязная работа относится к данной когнитивной модели, в кыргызской языковой картине: кара балээ «большая беда», кара жалаа «черная клевета», кара күнөө «тяжкая вина» кара ниет «иметь черные намерения», кара жүрөк «черное сердце», кара мүртөз «тяжелый характер», кара өзгөй «», дили кара «черное сердце», көңүлү кара «черная душа», кара саноо «клевета» ассоциируется с такими понятиями, как «клевета», «хула», «грязь», «дурной», «злосчастный», «мрачный», «безотрадный», «траур», «злодеяние», «мучительный», «тягостный», «порочный», «преступный», «скверный», «коварный», «зависть», «сплетня» и так далее. В русской языковой картине также можно отметить когнитивные модели с данной коннотацией: «черная зависть», «черные мысли», «черная любовь». Приведенные примеры, показывают, что в аналогичных речевых условиях при соотнесении с одними и теми же предметами, и явлениями действительности становится возможной взаимозамена слов. В рассмотренных контекстах данные когнитивные модели передают одинаковые цветовые впечатления. Включение в один ряд с когнитивными моделями, содержащими цветное прилагательное, моделей с указанием на признак «темный» является обоснованным. Близкие по семантике компоненты, такие как уголь, сажа, смола, рассматриваются как тождественные с точки зрения отражения «единого взгляда на мир». Совпадение конкретных ситуаций очевидно, что позволяет считать эти модели общими для исследуемых языков. Когнитивные модели с

цветовыми прилагательными *schwarz/кара/ черный* обладают более широкой сферой употребления по сравнению с моделями, в которых используются компоненты с прототипическими значениями.

В структуре фразеологической картины исследуемых языков также есть фрагменты с мифологическими, сюрреалистическими представлениями. Являясь символом всего темного, зловещего и дурного, черный цвет связывают с нечистью: *die Schwarze Kunst* (черная магия), *die schwarze Seele* (низкая, черная душа), *Der Teufel ist nie so schwarz, als man ihn malt* (черт не так страшен, как его рисуют. букв. черт не такой черный, как его рисуют). В кыргызском языке также нечисть отражается в черном цвете – *кара шайтан, кара балээ*. В русском языке – *черный как черт*. Компаративные обороты демонстрируют общность языковых картин исследуемых языков. В когнитивных структурах, лежащих в основе формирования идиоматики, передается негативное эмотивно-оценочное отношение «очень плохо», которое ассоциируется во всех трех культурах с черным цветом. Подобные модели позволяют квалифицировать явление/лицо, давать ему качественную характеристику: *die schwarze Gedanken, кара саноо, черные мысли; schwarzer Humor* (черный юмор), в кырг.яз. нет подобного фразеологизма, *черный юмор, schwarze Magie, кара дуба, черная магия*.

Ряд исследователей считает, что черный заимствовало из тюркских языков значение «нежирный, постный», которое реализуется в указанных сочетаниях [Кузнецова, 1989: 6-7]. Мясо без жира называют – *кара кесек*. В исследуемых языках обращают на себя внимание, также выражения, ФЕ обращенные к человеку, характеризующие их характер, внешность, таланты и т.д. Особенно в кыргызском языке данные когнитивные структуры представлены широко в когнитивных моделях «Человек». Смуглого человека описывают как *кара тору*. Про грубого человека со скверным характером говорят – *кара муртөз*. Человека или вещь, которая приносит несчастье – *кара жолтой*. Про добросердечного человека говорят *жүрөгүндө кара жок*.

Человек, который ни на кого не держит зла, не мыслит зла, честен - оюнда *кара жок*, бирөөгө *кара санабаган*, ак пейил. Про человека красноречивого, имеющего ораторские качества, который очень складно говорит, называют – *кара жаак*. И второе значение данного фразеологизма – вредный, человек с длинным языком. Клеветника бессовестного человека называют - *кара өзгөй*.

Если рассматривать когнитивные модели с точки зрения негативной и положительной коннотации, то можно отметить, что в немецкой и кыргызской языковых картинах *черный* цвет в некоторых случаях как бы утрачивает свои отрицательные коннотации и выступает в «положительной» роли. Ср.: *rote Zahlen* - «красные цифры»; данные, показывающие долги, убытки, дефицит, недочет, недостающую сумму. *Die Firma kommt aus den roten Zählen gar nicht mehr heraus. Schwarze Zahlen* - черные цифры, данные, показывающие прибыль, доход предприятия. Ещё один пример, где чёрный означает положительный: *Weißer Kreis* - «белый округ»; округ, где отменено государственное регулирование квартирной платы, что означает ее рост; *Schwarzer Kreis* - «черный округ»; округ, где имеет место государственное регулирование квартирной платы. В данном случае в немецком языковом сознании **«Schwarz – прибыль, рост, процветание»**. В кыргызской фразеологии концепт *кара/черный* несет в своей семантике большей частью положительное начало: духовная опора народа, хранитель традиций предков, уважаемый, мощная физическая сила - *кара эл, кара жер, кара күч, кара кыз, кара ат, кара суу, кара тер*. То есть здесь актуальна пропозиция **«черный - сила»**. В русской лингвокультуре черный цвет является большей частью негативным. Этот цвет - символ траура, горя, гибели, несчастья, неудачи, зависти, подавленности, зла и неуверенности.

Национально-культурная специфика языковой картины мира народов, изучаемых нами языков зафиксирована в религии, народных приметах и поверьях и др. В русской культуре концепт *черный* имеет негативный оттенок (беда, дьявол, ад, измена, силы, магия, кость, душа и др.) В тюркской топонимике концепт «*черный*» означает «великий», «большой»,

«непобедимый» (*Караханиды, Кара-Кумы, Кара-Булак, Кара-калпак, Кара кыргызы и др*). Во фразеологии и фразовых выражениях отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, отражающих особенности менталитета конкретного народа. Концепт черный является одной из неотъемлемых ценностных ориентаций немецкой, кыргызской и русской лингвокультуры.

Сходство выражения языковых картин видно по сравнительным оборотам в рассматриваемых языках. В основном, эти обороты применяются для описания внешнего облика человека (антропоморфные характеристики). Концепт «цвет» используется для передачи концепта «человек». Например, в немецком языке *schwarz wie eine Krähe* (черный как ворон) – о цвете волос, в кырг.яз. *негрдай кара* (черный как негр) – о сильно загоревшем человеке, *карагаттай кара* (черный как смородина) – о цвете глаз, в русск. яз. *черный как ворон* – о цвете одежды, *черный как уголь* – о цвете глаз. Этот аспект языковой картины мира носит субъективно-модальный характер. Это означает, что восприятие и интерпретация данной части языка зависят от личного взгляда и эмоционального отношения говорящего, что придаёт выражению оттенок субъективности и модальности. Интересными являются случаи несовпадения компонента *schwarz* (черный) с компонентами цветообозначения в эквивалентах. Ещё одним интересным примером является фразеологизм *das schwarze Schaf* букв. черная овца – *быть белой вороной; быть не таким, как все*. В русском языке белыми воронами называют людей - оригиналов, по внешним или внутренним признакам резко отличающихся от своего окружения. Как известно, альбиносами (от латинского *album* «белый») называют животных, лишённые пигмента, отвечающего за цвет перьев или шерсти (меланин), в результате генетического сбоя. Ворона, лишённая окраса, – великая редкость в мире природы. Идиома «чёрная овца» / «паршивая овца» является частичным аналогом русского выражения «белая ворона», так как

имеет более сильную отрицательную коннотацию, чем идиома «белая ворона» в русском языке, часто символизируя своеобразие.

Анализ фрагментов цветовой картины мира с цветовым прилагательным *schwarz/кара/ черный* показал, что:

1. Наибольшее количество когнитивных моделей в немецком, кыргызском, русском языках объединяются концептуальным ядром «**черный - опасность**». В данной группе мы выделили несколько подгрупп, которые так или иначе объединяются под это концептуальное ядро. В этих подгруппах есть когнитивные модели с пропозицией «*черный - невидимый*», «*черный-неудача*», «*черный - клевета*», «*черный- нелегальный, запретный*».

2. Следующая когнитивная структура объединяется под концептуальным ядром «**черный - грязный**». Эта структура также многочисленна и представлена во всех трех языках.

3. Немецкие, кыргызские и русские когнитивные модели характеризуются значительным сходством, что обусловлено некогда общим социально-историческим опытом.

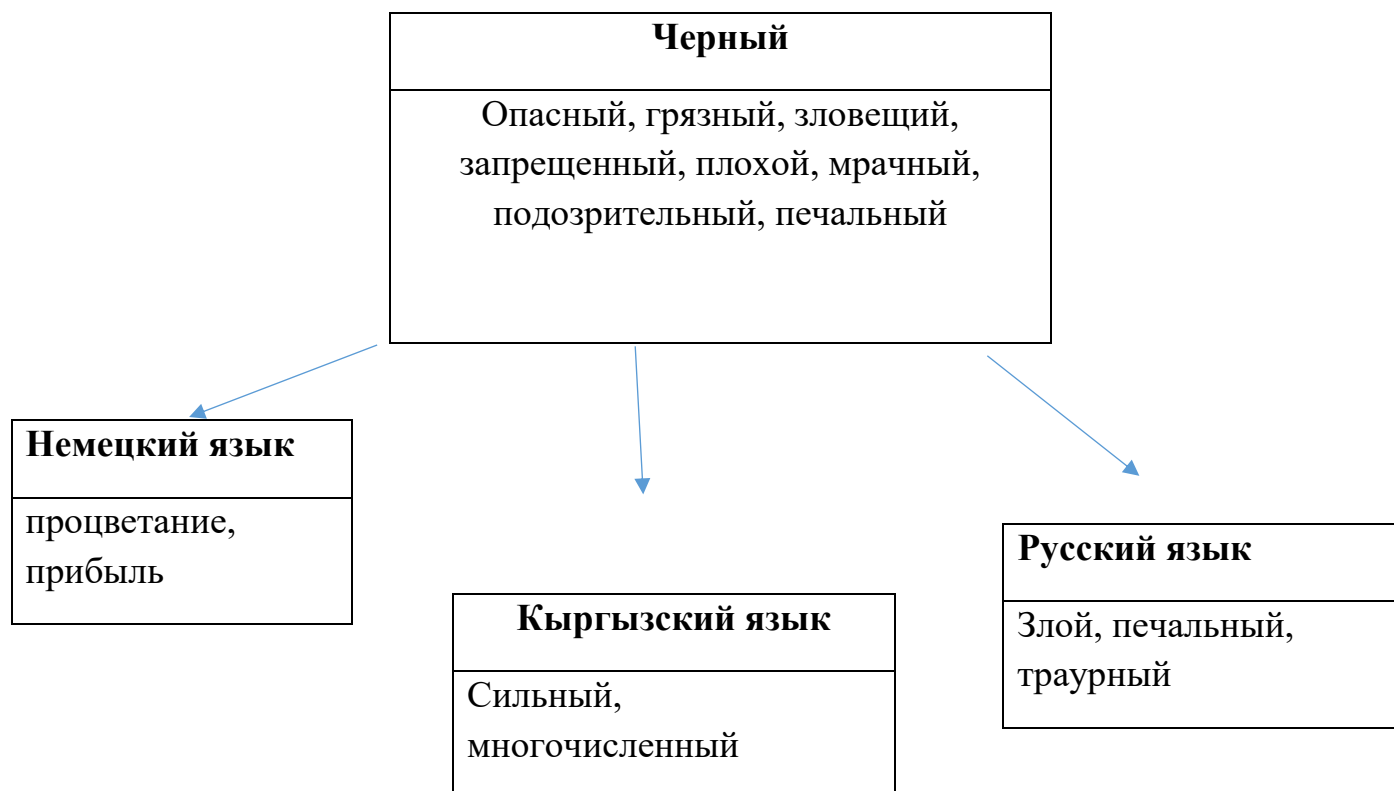
4. Внутренняя структура когнитивных моделей с цветовым прилагательным *schwarz/кара/ черный* в обоих языках показывает единое восприятие явлений реальности. Среди проанализированных единиц большинство указывает на сходство языковых картин мира. Национальная специфика в этом фрагменте цветовой картины мира выражена слабо.

5. Когнитивные модели с цветовым компонентом *schwarz/кара/ черный* в немецком и кыргызском языках представлены также в положительном ключе, тогда как в русской языковой картине имеет больше отрицательной характеристики.

6. Когнитивные модели с цветовым компонентом соотносимы с когнитивными структурами с нецветовыми компонентами, область значения которых является прототипической.

7. Фрагмент кыргызской цветовой картины мира с прилагательным *кара* шире по охвату, чем в немецкой и русской.

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОЛОРНИМА «SCHWARZ - КАРА-ЧЕРНЫЙ»
В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ**

3.5. Концепт цвета grau/ боз / серый

3.5.1. Этимологическая характеристика колоронима «grau –боз-серый»

Серый — это результат смешения черного и белого цветов. Однако сам серый цвет относится к ахроматическим, то есть не имеющим цветовой оттенок, а отличающимся только степенью яркости. Название "серый" происходит от среднеанглийского "Grails" или "Грей", и от англо-саксонского слова "graeg". Серый — третий ахроматический цвет после белого и черного и фактически является их смесью. *«Im Grau ist das vollkommene Weiß beschmutzt, die Kraft des Schwarz gebrochen. Grau ist nicht die goldene Mitte, nur Mittelmäßigkeit»* [Heller, 2004:217] *В сером безупречный белый загрязняется, сила черного сломлена. Серый — это не золотая середина, а просто посредственность.* (Перевод наш Б.Г.) Первоначальное значение слова **grau** в древнегерманских и индоевропейских языках связано с понятиями света, блеска и сияния. Оно, как и слово *blau* (синий), эволюционировало из значения "светлый, блестящий" в значение "серый". Современное немецкое слово grau обозначает оттенок между чёрным и белым и имеет следующее этимологическое происхождение: в староверхненемецком (ahd.): grāo, родительный падеж grāwes (9 век), в средненемецком (mhd.): grā, в древнесаксонском (asächs.): grāo, grē, в средненижненемецком (mnd.): grā, grāwe, в средненидерландском (mnl.): grā, grau, в современном нидерландском (nl.): grauw, в древнеанглийском (aengl.): græg, в современном английском (engl.): grey, в древнескандинавском (anord.): grār, в шведском (schwed.): grå. Общегерманская форма: германский праязык: *grēwa- (wa-основа), подобна другим обозначениям цветов, как blau (синий) или gelb (жёлтый). Индоевропейская корневая основа: индоевропейский корень: *ǵher(ə)-, ǵhrē- — "сиять, блестеть, мерцать" [DWDS].

Слово «**боз**» в кыргызском языке означает «серый» и относится к ахроматическим цветам, наряду с «ак» (белый) и «кара» (чёрный). Этимология

этого слова восходит к пратюркскому корню *boŕ*, который также присутствует в других тюркских языках, таких как казахский, узбекский и турецкий, где «боз» обозначает «серый». Интересно отметить, что в некоторых тюркских языках слово «боз» может иметь дополнительные значения. Например, в татарском языке «боз» может означать «лёд» или «град» [<https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary>]. В древнетюркском языке боз «серый» имела 3 семы: 1. «серый», 2. «с проседью о вјлосах», 3. «серая с оттенками (о масти)» [ДТС, 1969:115]. По исследованиям К. Саматова «боз - серый в тюркских языках охватывает длинный цветовой спектр: «серый – беловато-серый – голубой – серо-коричневый – рыжеватый – бело-красный - бледный». Кроме этих чисто цветовых сем ей присущи семы «мгла в воздухе», «сумерки, заря», «нетронутая земля, целина, залежная земля», которые возникли и на основе цветового признака [Саматов, 2012: 106]. Слово "боз" в кыргызском языке сохраняет своё значение «серый», отражая общие тюркские языковые корни и культурные особенности.

Этимология слова «серый» в русском языке имеет следующие особенности. Русское слово "серый" происходит от праславянского *sъrъ*, что означает "серый". Праславянское *sъrъ* связано с индоевропейским корнем *ser-* или *sar-* (связано с понятием "пепельный", "пожарный", "пепел"). В других славянских языках «серый» имел следующие формы: сѣры, сѣръ (старославян.), сѣръ (древнерус.), сірий (укр.), сэры (белорус.), šedý (чеш.), szary (польск.), siv (словен.), сив (болг.). Индоевропейский корень *ser-* или *sar-* может быть связан с идеями "пепел" или "пепельный", что также отражает сероватый оттенок [ЭССЯ].

Похожее значение и форма встречаются в латинском слове *cinis* (пепел), что указывает на сходство в обозначении тусклого или "пепельного" цвета.

Таким образом, слово "серый" в русском языке связано с понятием пепельного цвета и имеет корни в праславянском языке, что отражает его древнее значение, связанное с цветом пепла или тусклым оттенком.

3.5.2. Когнитемы, актуализирующие концепт «grau – боз - серый» в провербиальных единицах языка

В немецком языке для *grau* находим следующее определение – „*farbig aus einer Mischung zwischen schwarz und weiß, von der Farbe der Asche, des Esels, dunkler Wolken*“ [Duden, 1989:629] – цвета смешения черного и белого, цвета пепла, осла, тёмных облаков (здесь и далее перевод наш); в русском языке – цвета пепла, дыма [Ожегов, Шведова, 1995:703], получающегося при смешении черного с белым [СРЯ, т. 4, с. 83]. Из приведенных определений видно, что такие "точки референции" цвета, как пепел, дым, темные облака, мгла в сравниваемых языках в основном совпадают.

Следует отметить, что наряду с ахроматичностью, серый цвет воспринимается в рассматриваемых нами языках как смешение черного и белого без учета световой интенсивности. Упомянутая тенденция к абстрактности, т.е. способность выражать данную цветовую субстанцию самым обобщенным образом, указывает на то, что изучаемый цветовой объект способен к широкому разнообразию сочетаний и, следовательно, подвержен семантическим преобразованиям.

Можно выдвинуть гипотезу, что концептуальным ядром прилагательного “grau/боз/серый” является «незаметный, плохо видимый», тем самым серый цвет в исследуемых языках передает представление о чем-то безликом. Смысл «безликий» передается в немецком языке в выражении "Graue Eminenz" (русс. "серый кардинал") — заимствование из французского, обозначающее незаметную, но влиятельную фигуру. Этот термин связан с именем кардинала Пьера Жозефа, ближайшего советника кардинала Ришелье [Duden, 1989: 274].

В кыргызском языке это выражение калькируется – *боз кардинал*. Крылатые выражения "der graue Mann" (соответствует русскому "некто в сером"). *Graue Maus/graue Mäuse* (*серая мышь/мышь*) – unsichtbare Person, Gruppe (незаметный человек, незаметные люди). ...*das graue Heer der in jeder*

Hinsicht Mittelmäßigen, jene Population, die Schopenhauer später die “Fabrikware Mensch“ nennen wird [DWDS] – (серая армия посредственностей во всех отношениях, та популяция, которую Шопенгауэр впоследствии назовет «фабричным человеком»); *серое захолустье* – ничем не примечательное, безликое место, серое существование/ *серая жизнь* – бедная содержанием жизнь; *серая пьеса* – бедная содержанием пьеса. [Словарь современного русского литературного языка, т. 13, с. 716]

Далее немаловажной пропозицией в когнитивных моделях немецкого языка является «*серый – старый, седой*». Ср.: *alt und grau (bei etwas) werden* (стать старым и седым (серым) в ожидании чего-либо) – *sehr lange warten müssen* – очень долго ждать [Duden, 1989: 32]; *старый, древний* – *in grauer Vorzeit* (в древние (серые) времена) – *längst vergangen* – (давно прошедшие (времена)) [DWDS]; *Achtung vor grauen Haaren haben* (проявлять уважение к седым волосам) – *Achtung vor einem alten Menschen haben* [Wahrig, 1986:362] – проявлять уважение к старому человеку; *Ich wurde langsam zum Phantom, zur grauen Legende [DWDS]* – я медленно становился фантомом, древней легендой.

В немецком, кыргызском и русском языковом сознании применительно к концепту «Человек» общей для рассматриваемых прилагательных является концептуальное ядро «*серый - цвет больного и усталого человека*». Ср.: *Бледный, болезненный* – *graue Haut - серая кожа* – *бозоруп кетти* (побледнеть) - *schlecht durchblutete Haut* в значении бледная, обескровленная кожа. *Grau im Gesicht werden* (лицо стало серым) – *бети бозоруп кетти*. “Асыке, -деп Мыкты ансайын *бозором*” [Т.Касымбеков “Адам болгум келет”].

Также *серый* означает **печаль, усталость, скука**. Печаль, усталость - это абстрактные характеристики человека, выступающие как общие по отношению к конкретным, частным формам своего проявления. Абстрактная сущность переосмысливается как нечто осязаемое. Усталость проявляется в целом ряде конкретных признаков, в частности во внешнем виде, в изменении здорового цвета кожи на безжизненно-серый. Мотивировка, т.е. внутренняя форма, формирует концептуальное ядро, которое продуцирует

фразеологические единицы. Модели подобного переноса характерны для анализируемых языков. Пессимистичный – *alles grau in grau malen/sehen* (всё видеть/изображать серым в сером) – *alles pessimistisch sehen/beurteilen* – все видеть, обо всем судить пессимистически; *immerhin Goethes Lieblingstragödie, aber grausam, grau* [DWDS] – всё ещё любимая трагедия Гёте, но страшная, пессимистичная; *das novemberliche Grau* – ноябрьская скука, хандра, *alles grau in grau sehen (malen)* - видеть (представлять) все в мрачном свете, в мрачных тонах, *das graue Elend kriegen [haben]* - чувствовать себя глубоко несчастным, быть в подавленном настроении, *graue Zukunft* - беспросветное будущее. Также в следующих выражениях *sich grau ärgern* (дословно огорчаться/злиться до серого (состояния)) – *sich sehr ärgern* (сильно огорчаться/злиться) [DWDS, с. 306], *das graue /heulende Elend haben* (терпеть серую, вопиющую нужду) – *sich tief unglücklich fühlen, niedergeschlagen sein* – (чувствовать себя глубоко несчастным, подавленным) [Wahrig, 1986:176]. *Der graue Alltag* – серые будни, в кыргызском языке также калькируется – боз турмуш «серая жизнь», боз күндөр «серые дни», боз талаалар – серые поля...

В немецких когнитивных структурах также присутствует концептуальное ядро «**серый – нелегальный, тайный**». Коннотативные значения слова “grau”, который вызывает представление о чем-либо, что находится на границе легальности, законности, или о чём-либо тайном: *Grauer Markt* - "серый" рынок; полулегальный рынок, *grauer Händler* - разг., человек, занимающийся полулегальным бизнесом. *Graue Theorie sein* - (только) теория, не проверенная практикой. Выражение восходит к "Фаусту" Гёте: "*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie*". Также присутствует концептуальное ядро “**серый – религии**”. По традиции одежду серого цвета носят представители определенных религиозных организаций: *Ein grauer Mönch* (буквально "серый монах"), *ein grauer Bruder* (буквально "серый брат") - член ордена францисканцев. Необходимо также отметить в немецких когнитивных структурах концептуальное ядро “**серый - пугающий,**

вызывающий страх, обморок” – *es wird ihm grau/ es wird ihm grau vor den Augen* (у него всё стало серым перед глазами) – *er verliert die Fassung, wird ohnmächtig; er bekommt Angst* – он теряет самообладание, сознание, его охватывает страх.

В кыргызских когнитивных структурах также присутствует концептуальное ядро **“серый – молодой, неопытный”**. Как указывает Саматов К. «*боз* отражает определенный этап человеческого возраста, вступая в связь со словами бала «мальчик», жигит, улан «парень»: *боз бала//балдар или боз баш бала//балдар* «зеленая молодежь», *боз жигит, боз улан* «молодой парень» [Саматов, 2012:107].

В русских когнитивных структурах присутствует концептуальное ядро **«серый – невежество»**. Ср.: *серый люд* – простые люди, относящиеся к непривилегированным классам [Словарь современного русского литературного языка, т. 13, с. 716]; *серый мужичок* – простой, грубый, рабочий, черный, лапотник [Даль, 1995, т. 4, с. 381]; *серый человек* – необразованный, малокультурный человек [Словарь русского языка, т. 4, с. 83]; *Сер мужичок, да сердит на работу (пословица)*; *серая бумага* – бумага низкого качества [Словарь современного русского литературного языка, т. 13, с. 714]; *серое сукно, серая пряжа* – суровое, небелёное сукно; суровая, небелёная пряжа [Словарь русского языка, с. 715]. И, напротив, в немецких когнитивных структурах мы обнаружили, концептуальное ядро **«серый – ум, интеллект»**. Ср.: *Blau steht für Muskeln, Grau für Verstand* (Синий - это сила, серый – интеллект). Крылатое выражение "*graue Zellen*" ("серые клеточки") приписывается Агате Кристи и ее знаменитому сыщику Эркюлю Пуаро.

Во всех трех исследуемых языках присутствует в когнитивных структурах концептуальное ядро **«серый – мгла, пыль, туман»**. Ср.: *der graue Himmel* – *боз асман - серое небо* – *mit dunklen Wolken bedeckt, regenverhangen* – покрытое темными, дождевыми облаками; *graue Tapete* – в кырг.яз. *нет*

такого выражения- *серые обои* – *dichter Nebel* – густой туман, но туман в кыргызском языке передается словом *боз*. Как пишет Саматов К., «серый субстантивирясь означает сему, а) «легкая мгла, дымка, пыль» - *таң атардын боз салкын* фольк.; б) «сухая степь без сочной растительности» - *боз жер или боз топурак*. Корень *боз* наличествует в составе следующих существительных: *боз кыроо* «иней» [Саматов, 2012:107].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Анализ когнитивных моделей с цветовым прилагательным “*grau/боз/серый*” показал, что существенной для семантики данных цветоимен является пропозиция «*серый — это незаметный*».

2. Однако такое концептуальное ядро цвета *grau* как «седой», «старый, древний», «нелегальный, тайный», «связь с религиозной одеждой», «пугающий, вызывающий страх, обморок» являются в немецких устойчивых единицах, безусловно, национально маркированными. Их перевод на другие языки предполагает предварительную «адаптацию» значения цветоимени на когнитивном уровне, например, через внутриязыковое толкование или раскрытие внутренней формы устойчивой единицы с использованием других лексических возможностей языка перевода.

3. В языковом сознании трех исследуемых языков применительно к «Человеку» общей для рассматриваемых прилагательных является пропозиция «серый – это цвет усталости, болезненности».

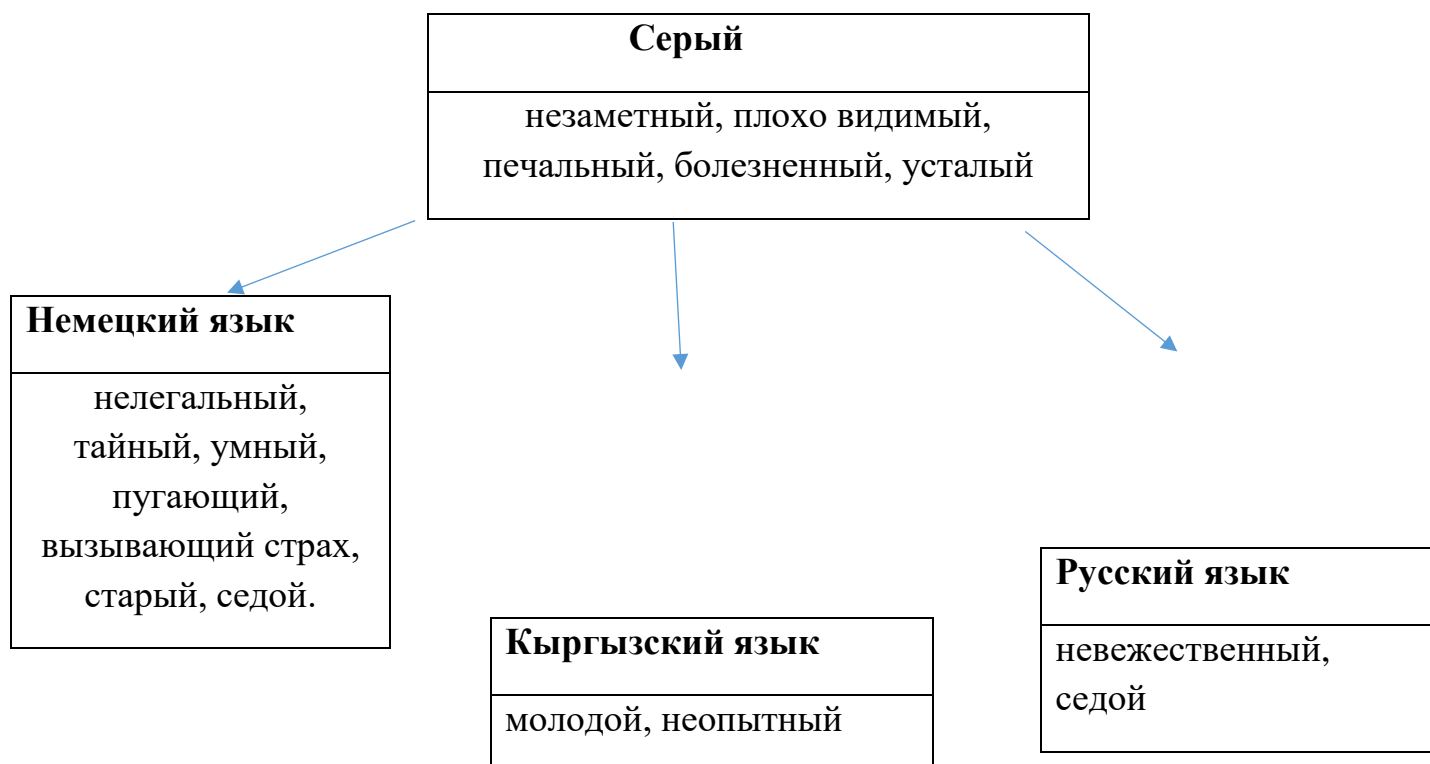
4. В русских когнитивных моделях, соотносимых с концептом «Человек» присутствует пропозиция, которая не зафиксирована в немецких и кыргызских, «серый — это цвет невежества». В них цветочное прилагательное *серый* теряет цветочное значение. В немецких и кыргызских когнитивных моделях цветочное прилагательное *grau/ боз* в этом значении не используется. Значение «умственной невзрачности» передается в кыргызском языковом сознании цветочным прилагательным/ ‘*караңгы - темный*’, тогда как в немецких когнитивных структурах является актуальной пропозиция «серый – ум, интеллект».

5. В немецком, кыргызском, русском языковом сознании серый цвет ассоциируется со скукой, печалью, пессимизмом.

6. В кыргызском когнитивном сознании *боз* также ассоциируется с молодостью и неопытностью.

7. Общностью цветовой картины всех трех исследуемых языков является пропозиция «серый – мгла, пыль, туман».

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОЛОРОНИМА «GRAU – БОЗ - СЕРЫЙ» В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ

3.6. Концепт цвета *rot/ кызыл / красный*

3.6.1. Этимологическая характеристика колоронима «*rot-кызыл-красный*»

Слово «красный» происходит от индоевропейского корня *reudh-, roudh- или rudh-* — «красный», который является одним из самых старых и широко распространённых слов для обозначения цвета в индоевропейских языках. Слово «*rot*» в немецком языке обозначает красный цвет и восходит к древним германским и индоевропейским корням. В древневерхненемецком языке (ahd.) существовала форма *rōt* (8 век), в средненемецком языке (mhd.) также встречается форма *rōt*, которая, кроме того, имела значение «ложный» или «хитрый», в древнесаксонском языке (asächs.) — *rōd*, в средненижненемецком (mnd.) и средненидерландском (mnl.) языках форма *rōt* или *root*, в современном нидерландском языке (nl.) — *rood*, в афризийском языке (afries.) — *rād*, в древнеанглийском (aengl.) — *rēad*, в современном английском языке (engl.) — *red*, в древнескандинавском (anord.) — *rauðr*, в шведском языке (schwed.) — *röd*, в готском языке (got.) — *raups*. Германский праязык содержит основу *gauda-* (с аблаута), а в древнеанглийском также встречается форма *rēod*, что связано с *reuda-* (красноватый). В древнеиндийском языке (aind.) встречается слово *rudhiráḥ* — «красный, кровавый», а также *rudhiram* — «кровь», в греческом языке слово *ἐρυθρός* (*erythrós*) означает «красный», в латинском языке слово *ruber* означает «красный» (откуда происходят такие слова, как рубин и рубрика), в ирландском языке (air.) существует форма *gūad* — «красный», в литовском языке (lit.) встречается форма *gaũdas*, означающая «красновато-коричневый, рыжий, красноватый», в старославянском языке (aslaw.) существовало слово *guda* — «руда, шахта», в древнерусском языке (aruss.) была форма *rudъ*, которая в некоторых диалектах сохранялась как рудой или рудый, обозначая «кроваво-красный» [DWDS].

Красный цвет - любимый цвет многих народов, и это пристрастие к нему проявлялось ещё в древности. Красный ассоциируется с огнем, солнцем и

добродетелью. Он символизирует красоту и прекрасное, страсть, торжество, огонь, революцию, свободу, любовь и преданность. Красный цвет связан с активным мужским началом, он олицетворяет жизнь, огонь войны, энергию, агрессию, опасность, импульс и эмоции. В «Электронном словаре немецкого языка» («Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache») представлено всё богатство оттенков этого популярного цвета: *blassrot, blaurot, blutrot, bordeauxrot, brandrot, braunrot, dunkelrot, fahlrot, feuerrot, fleischrot, fuchsrot, glutrot, glührot, grellrot, hellrot, himbeerrot, hochrot, infrarot, karfunkelrot, karmesinrot, kirschrot, knallrot, korallenrot, krebsrot, kupferrot, lackrot, lichtrot, mattrot, mennigrot, orangerot, purpurrot, puterrot, rosarot, rosenrot, rostrot, rubinrot, schamrot, scharlachrot, schlafrot, schwachrot, signalrot, tiefrot, tomatenrot, ultrarot, weinrot, ziegelrot, zinnoberrot, zornrot* [DWDS].

В «Кратком этимологическом словаре киргизского языка» написано, что слово *кызыл* - *красный* состоит из двух частей: *кыз+ыл*. Слово «кыз» переводится как девушка, тем самым «кызыл» - красный несет в себе тоже значение, что «кыз» - девушка. По предположениям, суффикс *-ыл* добавлялся как окончание прилагательного². Значения *кызыл* и их употребление в современных тюрк. языках подробно проанализированы И.Лауде-Циртаутас (см. Lau. .... 33-37). На генетическую связь *кыз* 'краснота', *кыз-* 'накаливаться', *кызыл* 'красный' обратил внимание А.Вамбери (Vám. 89-90). Она была замечена также В.В.Радловым (Р II 826) и В.Бангом (см. Bang St. III 1242 примеч. 3; Bang BTW 298). В.Банг (Bang TB V 20) полагал, что *qizil* восходит к *qiz+sil* 'красноватый', *qizzil* > *qizil*, где **qiz** – именная основа, а **-sil** – аффикс ослабления степени качества (см. также Zaj. 40, Meng.SS 122). Семантика *кызыл*, а также структурная близость с *йашыл* 'зеленый' (< *йашы-л*) скорее

---

² Азыркы кыргыз тилинде кызыл сөзү кыз+ыл бөлүктөрүнөн турат. Анын кыз уңгусунун өзү эле азыркы «кызыл» сөзүнүн маанисин берген. Андай экени кызар этишинин кыз+ар морфемаларынан турушу аркылуу далилденет. Кошумча далил катары алтай тилинде йажар этиши кыргыз тилиндеги «жашыл түскө кел» дегенге барабар келишин, анын уңгусу йаш экенин, -ыл мүчөсү экенин келтирүүгө болот. Башкача айтканда, кызыл, жашыл сөздөрүнүн уңгусу -кыз, -жаш, -ыл мүчөсү деп билүүгө болот. Болжолу, бул -ыл мүчөсү азыркы кыргыз тилиндеги чийки деген сын атоочтон чийкил сын атооч сөзү жасалган сыяктуу кыз деген уңгудан кайра эле сын атоочтук маани берген кызыл сөзү жасалышы мүмкүн.

свидетельствуют в пользу гипотезы об отглагольном происхождении **КЫЗЫЛ** (см. об этом Lau. ... 30, Doerf. III № 1481, Cl. 683b): **кызы**+л. О **кызыл** см. также Bang BTW 298, Gab. ... 75, Brock. OGM ... 72a, Räs. VEWT 269a, Сев. АИ 192, Joki LS 170. [ЭСТЯ, 5, 196-197]. Аналогичные формы с использованием корня "кыз" встречаются и в других тюркских языках. Например, в татарском языке слово "**кызыл**" также означает «красный» и образовано от корня "кыз" с добавлением суффикса "-ыл". Интересно отметить, что в тувинском языке слово "**кызыл**" также переводится как «красный». Название столицы Республики Тыва, города Кызыл, отражает это значение [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>].

В русском языке этимология слова *красный* определяется следующим образом: *красный, прекрасный*, укр. *красний* «красивый», ст.-слав. *красьнь ѡраѡс, speciosus, περικαλλής, perpulcher, τερπνός, iucundus, atoenus, λευχεῖμων*, болг. *красен* «красивый», сербохорв. *красан (красан), красна (красна)* ж. «красивый, великолепный», словен. *krásan*, чеш. *krásný* «прекрасный», слов. *krasny* — то же, польск. *krasny* «прекрасный, пригожий», в.-луж. *krasny* «красивый», н.-луж. *kšasny* — то же. Знач. «красный» вторично по отношению к «красивый, прекрасный». [Фасмер, <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>]

Слово «красный» в русском языке имеет интересную этимологию. Изначально оно происходило от праславянского *krasъnъ*, что означало «красивый» или «прекрасный». В старославянском языке существовала форма *красьнь*, которая также означала «красивый» или «прекрасный». Однако в русском языке значение этого слова со временем изменилось. Впервые использование слова «красный» в значении «красный цвет» зафиксировано в московской дипломатической переписке начала XVI века. В русском языке слово «красный» стало обозначать именно цвет, в то время как в других славянских языках оно продолжало означать «красивый» или «прекрасный». Интересно отметить, что в других славянских языках, таких как украинский, белорусский и болгарский, слово «красный» сохраняло значение «красивый»

или «прекрасный» и не использовалось для обозначения цвета. Например, в украинском языке слово «красний» означает «красивый» [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>]. В русском языке слово «красный» приобрело значение «красный цвет» гораздо позже, в то время как в других славянских языках оно продолжало обозначать «красивый» или «прекрасный». Более подробно об этимологии данного колоронима с точки зрения ностратики мы рассмотрим ниже.

3.6.2. Когнитемы, актуализирующие концепт «rot-кызыл-красный» в провербиальных единицах языка

В немецком языке красный цвет выражает радость, праздничность, жизненную силу, здоровье и молодость. Например, *"Rote Rosen"* - красные розы, символ любви. Красный цвет ассоциируется с жизнью, как в выражении *"heute rot, morgen tot"* - сегодня красный, завтра мертвый, используемом при неожиданной смерти кого-либо. Красный цвет также может символизировать важные события или дни, как в выражении *"sich etwas rot im Kalender anstreichen"* - подчеркнуть в календаре красным, что означает запоминание важного дня. Одно из значений красного цвета связано и с физиологической реакцией организма (как стыд или смущение), и с недостойным, неприличным поведением, например, *"einen roten Kopf bekommen"* - покраснеть от стыда или смущения. Фразеологическое сочетание *"wie ein rotes Tuch wirken"* используется для описания отрицательных эмоций, как раздражение или сердитость, вызываемые какой-то ситуацией или действием, подобно тому, как красная тряпка раздражает быка. В немецком языке некоторые фразеологизмы не содержат в своем составе компонента цвета "красный", как в кыргызском или русском языках. Например, 1) *schöne Jungfrau* - красная девица; 2) *die liebe Sonne* - красное солнышко; 3) *schöne Tage, glückliche Zeit* - красные деньки; 4) *der schönen Worte wegen* - ради красного словца; 5) *ein*

Dienst des anderen wert - долг платежом красен. В немецком языке есть также фразеологизмы, имеющие в своем составе компоненты цвета «красный», которые не имеют синонимичных эквивалентов в кыргызском и русском языках. Например, *Es war ihm rot vor den Augen* - ярость ослепила его; *rot sehen* - выйти из себя, потерять голову от ярости, впасть в ярость, рассвирепеть; *sich die Augen rot weinen* - наплакать себе глаза; *keinen roten Heller haben* - не иметь ни гроша.

Но во всех трех языках мы обнаружили синонимичные фразеологизмы с компонентом цвета «красный», значения которых также совпадают. Например, 1) *Rote Ecke* - кызыл бурч – красный угол (в значении самое почетное место); 2) *wie ein roter Faden hindurchziehen* - проходить красной нитью; 3) *einen roten Kopf bekommen* - покраснеть; 4) *rote Tafel* – кызыл такта- красная доска (в значении доска почета) и т.д.

Фразеологизмы, имеющие в своем составе компонент цвета «красный», могут нести также и негативное значение. Например, *den roten Hahn aufs Dach setzen* - пустить красного петуха (в значении поджечь что-то, устроить пожар); *rot wie ein gekochter Krebs werden* - покраснеть как рак (красный цвет ассоциируется со смущением, стыдом или обидой); *rote Zahlen schreiben* - работать в убыток, уйти в минус. *Rot wie ein Krebs* -красный как рак, например, от солнца, *rot wie eine Tomate werden* - покраснеть как помидор, *den Rotstift ansetzen* - сокращать ассигнования на социальные нужды. Фразеологизмы с компонентом *rot/кызыл/ красный*, формируя фразеологическую картину мира в исследуемых нами языках, имеют когнитивные структуры в различных сферах деятельности человека:

1) **политической:** в немецком языке: *rot sein (politisch links stehen)* – придерживаться левых взглядов в политике, *der Rote* – относящийся к представителям социал-демократической партии ФРГ, *rot/Rot wählen* – голосовать на выборах за СДП Германии;

В кыргызском языке: *Кызыл Армия – Красная Армия*, кызылдар – красные (обозначение, возникшее во время Гражданской войны), кызылдай

тоно - отобрать всё; ограбить начисто, кызыл-кыйма салгылаш, отчаянная потасовка;

2) **исторической:** *der rote Meister* – палач; *Rote Fahne* – красный флаг как символ коммунистов, *rote Internationale* – Красный интернационал профсоюзов, *Rot Front!* – приветствие немецких коммунистов; *Rote Armee* – Красная армия.

В кыргызском языке: кызыл май - Красный Май; ураандар жазылган кызыл туулар - красные знамёна с лозунгами; Кызыл гвардия - Красная гвардия; кызылдай кыргын - кровавая резня; кызыл кулак;

3) **экономической:** *rote Zahlen* – цифры (в отчёте), констатирующие дефицит средств; *einen roten Heller (или Pfennig) haben* – не иметь ни гроша;

4) **духовной:** *das Rote Kreuz* – Красный Крест (гуманитарная организация); *der rote Faden* – основная идея, мысль; *die Rote Liste* – список животных и растений, которым грозит вымирание; *jemandem den roten Teppich ausrollen* – простелить красную дорожку (продемонстрировать своё уважение); *rote Laterne tragen* – занимать последнее место в соревновании; *rotes Telefon* – телефон горячей линии.

В кыргызском языке: Кызыл китеп – Красная книга, Кызыл тил-красноречивый (Өнөр алды - кызыл тил), кызыл жүгүрүк – основная идея.

5) **бытовой:** *rotes Haar* – рыжие волосы; *rot wie ein gekochter Krebs* – быть красным как рак, *rot anlaufen* – покраснеть, *jemanden rot machen* – вогнать кого-то в краску, *bis über die Ohren rot werden* – покраснеть до ушей; *rot sehen* – разозлиться, разгневаться, *es war ihm rot vor den Augen* – ярость ослепила его; *einen Tag im Kalender rot anstreichen* – особо отмечать какой-либо день; *heute rot, morgen tot* – сегодня в порфире, а завтра в могиле; *eine rote Nase* – пьяница; *die Augen rot weinen* – выплакать все глаза; *etw. rot anstreichen etw.* – что-то выделить как важное; *jmd., etw. wirkt auf jmdn. wie das rote Tuch* – что-то либо кто-то действует на кого-то как красная тряпка на быка.

В кыргызском языке в бытовой сфере, когнитивные модели с цветокомпонентом "кызыл" имеют обширное употребление, например,

одежда: *кызыл көйнөк* красная рубашка; красное платье; кыздын көзү *кызылда* погов. девка любит красное (букв. глаза девицы на красном); кызыл-тазыл разного рода красные предметы.

Цветокomпонент «кызыл» в сочетании с другими цветами придает определенный цвет, например, масть животных: *көк кызыл* - сивый с тёмно-серыми пятнами; *кара кызыл* - сивый с заметными чёрными крапинками; *сары кызыл* - сивый с жёлтым (прожелть по белому фону); *ак кызыл* - светло-сивый; *кызыл буурул* - тёмно-сивый; *кызыл ооз* (о коне) краснотупый, с розоватыми губами;

Значение цветкомпонента *rot/кызыл/красный*, в словарях исследуемых языков объясняется через денотат *Blut/кан/кровь*, что ставит в один ряд прилагательные *rotblut, rotwangig /кызылдуу/ румяный*. «*Die Symbolik der Farbe Rot ist geprägt von zwei elementaren Erfahrungen: Rot ist das Blut, Rot ist das Feuer*» [Heller, 2004:52] (*Символика красного цвета сформирована двумя элементарными значениями: красный — кровь, красный — огонь*) (Перевод наш Б.Г.) Объемы смысла цветкомпонента *rot/кызыл/красный* соотносятся, в первую очередь, с реалиями огня и крови. А. Вежбицкая отмечает, что в ряде культур существует более глубокая связь между понятием "красный" и его аналогом в природе — "огнем" [Вежбицкая, 1997:265] Кровь обычно ассоциируется с негативными эмоциями, поэтому замена когнитивной модели с цветовым компонентом *Blut (красный)* на модель (цвет крови) добавляет контексту негативные коннотации. Например, в нем. языке *blutrot werden* - побагроветь как индюк (в значении со злобой или раздражением). "*Der Rote Montag*" (*Красный понедельник*) назывался судным днем, потому что это мог быть любой понедельник, в который проводился суд. Однако термин "*Rote Montag*" (*Красное воскресенье*) уже не связан со судебной властью, а ассоциируется с теологической областью. Красный – «цвет мучеников, потому что он напоминает цвет крови и в то же время напоминает нам о кровавых

крестных страданиях Христа» [Suntrup, 1992: 460]. На богослужении используются красные парадные принадлежности, что привело к тому, что второе воскресенье после Пасхи получило название Красного Воскресенья (Roten Sonntag). В кыргызском языке, *кызыл канды кечүү* – сражаться, воевать. В русском языке, фразеологизм «кровь с молоком», используется по отношению к людям с хорошим, здоровым цветом лица. Здесь надо отметить, что в данном случае семантику отсутствующего прилагательного *красный* несет слово «кровь».

«Von der Liebe bis zum Haß – alle Gefühle, die das Blut in Wallung bringen, werden mit Rot verbunden. Rot ist Symbolfarbe der guten und der schlechten Leidenschaften. Hinter der Symbolik steht die Erfahrung: das Blut steigt zu Kopf, man wird rot vor Verlegenheit oder Verliebtheit [...], man wird rot, weil man sich schämt, weil man zornig, in hektischer Aufregung ist. Wer in Wut die Kontrolle über die Vernunft verliert» [Heller, 2004: 53] *(От любви до ненависти — все чувства, от которых кипит кровь, связаны с красным цветом. Красный — символический цвет хороших и плохих страстей. Этот символ несет в себе эмоции: кровь приливает к голове, человек краснеет от смущения или от любви [...], человек краснеет от стыда, от гнева, от беспокойного волнения. Тот, кто в гневе теряет контроль над разумом. (Перевод наш Б.Г.)* Что касается сопоставления структур *красный* и 'кроваво-красное небо', то они обнаруживают сходство картин мира. Ассоциация («кровь - красный») образует общую пропозицию «красный имеет цвет крови».

Прилагательное «румяный» выражается в когнитивных моделях с пропозицией «*красный – румяный, здоровый*». В кыргызском языке бетине *кызыл жүгүрдү* у него на лице появился румянец; человека с красным лицом, говорят «*кызылдуу, бетине кызыл жүгүргөн*» т.е. подразумевают пышущего здоровьем человека. К примеру, *Көгала чокчо сакалдуу, маңдайы жарык, эки көзү жаштыкындай балбалдаган, жүзү кызылдуу адам экен...* (Т.Касымбеков, “Сынган кылыч”). И наоборот, оборот «*бозоруп кетүү*» побледнеть или

дословно посереть, также, как и в русском языке «ни кровинки в лице» означает побледнеть, по отношению к очень бледному (нездоровый цвет лица) человеку. В русском языке «красная девица», означает молодость, красоту и здоровье. В немецком языке подобные фразеологические единицы могут относиться к эмоциональному состоянию человека, но не обязательно к его физическому здоровью. Например, выражение «*ein rotes Gesicht bekommen*» означает «покраснеть от стыда или смущения», но не обязательно указывает на физическое здоровье. Мы согласны с мнением Н. Братчиковой, которая пишет, что «красный цвет – это цвет, концентрирующий в себе яркость». Она выдвигает гипотезу, «что концептуальное ядро цветowych прилагательных в финском и русском языках связано с идеей ярко видный» [Братчикова, 2006: 142]. Мы поддерживаем данную гипотезу и находим подтверждение в исследуемых нами языках. Красный цвет выполняет сигнальную функцию, например, красный цвет светофора. Списки исчезающих видов животных и растений, впервые опубликованные в 1963 году, назывались в кыргызском языке *Кызыл китеп*, в русском языке *Красная книга* и *Rote Liste* в немецком языке. Эти обозначения восходят к английской фразе *Red Data Book*. На международном уровне *Красный крест* служит символом милосердия и медицинской помощи, хотя красный цвет часто рассматривается как цвет запрета и опасности. Гвоздарев объясняет это так: «В XVII веке в Англии была эпидемия чумы. На дверях домов, где жили больные, были нарисованы красные кресты. Таким образом, красный крест остался символом медицинской помощи» [Гвоздарев, 1988:109]. Не зря, он символизирует в этих фразах сигнал тревоги и опасность. В немецком языке *jmdm. den roten Hahn aufs Dach setzen* – пустить красного петуха, поджечь дом, "rote Literatur" (красная литература) обозначает марксистскую литературу, "rote Republik" (красная республика) используется для обозначения республики, которой руководят рабочие, а "unter rotem Artikel" (под красным артиклем) понимается статья, имеющая дружелюбную позицию к рабочему классу. *Красный* в исследуемых нами языках применим к знакам, который выражает яркость, эта

пропозиция «*красный- яркий, видимый*» значима для цветового фонда исследуемых нами языков, является примером общности языковых картин мира. Также немалое количество когнитивных моделей образованы с пропозицией «**красный- красивый, любимый**». Красный цвет в кыргызском языке часто употребляется для выражения красоты, привлекательности и других положительных качеств. Например, выражения "кызыл кыз" и "кызыл тил" подчеркивают красоту и остроумие соответственно. В кыргызской народной поэзии, где образность является одним из главных элементов художественного мышления, *кызыл гүл* «красный цветок» обозначает любимую девушку.

Сен *кызыл гүл* жайнаган,

Мен булбул бакта сайраган. (С. Садыкова)

В старом быту существовала традиция, согласно которой девушки своим любимым дарили красный носовой платок в знак любви. И по сей день в некоторых местах встречается такой обычай, но скорее всего он трансформирован, т.е. в роли свидетельства любви выступает красный цветок или другой предмет красной окраски [Саматов, 2000: 110]. В произведениях Ч. Айтматова «Кызыл жоолук жалжалым» (Тополек мой, в красной косынке), «Кызыл алма» (Красное яблоко), красный цвет используется для передачи красоты, молодости и любви, что является одним из отражений культурного значения и символизма этого цвета в кыргызской литературе и обществе. Что наталкивает нас на мысль, что концепт «кызыл» включает в себя коннотацию «любовь» и находит подтверждение в статье К. Саматова, который также утверждает, что «Красный цвет - главная фигура любовной символики. Недаром в «Диване» говорится о том, что женщины одеваются в красное, когда они хотят быть с мужьями в интимных отношениях» [Саматов, 2000: 110]. Также и в русском языковом сознании в когнитивных моделях реализуется пропозиция «*красный - любовь*». В русском языке фразеологические выражения с элементом "*красный*" чаще всего отражают символические значения, связанные с молодостью и красотой. Например,

"*красный молодец*" описывает молодого человека, который здоров, красив и пользуется популярностью среди окружающих. "*Красная девица*" указывает на красивую, добрую и милую девушку. Красивую девушку, которая была незамужней, звали *красная девушка, красная девица*. «С 18 века выражение относится к мужчинам, но не с положительной характеристикой». [Гвоздарев, 1988:108] По сей день *красный* используется как символ красоты в русском языке. Также есть фразеологизмы, где «красный» несет квалифицирующую функцию, к примеру, «красное солнышко» используется для обозначения праздничного момента или как приветствие, выражение доброжелательного отношения к окружающим. «Красный денек» описывает солнечный день, поднимающий настроение. «Красное словцо» относится к остроте, меткой шутке или метко сказанному слову. В данных фразеологизмах «красный» принимает коннотацию позитивных эмоциональных состояний. В целом, можно говорить о доминировании субъективного фактора в кыргызских и русских когнитивных моделях с прилагательным «красный», где основное внимание уделяется оценочному критерию «хорошо», а также повышается значимость прагматического аспекта. В немецком языке красный цвет выражает радость, праздничность, жизненную силу, здоровье и молодость. Например, *Rote Rosen* - красные розы, символ любви. В немецких когнитивных моделях с цветовым компонентом *rot* наблюдается большая нейтральность в плане оценки. В тех случаях, когда в немецких моделях с *rot* присутствует оценочный критерий, он чаще всего имеет отрицательную окраску, выражая оценку «плохо». Это отражает различия и специфические особенности языковых менталитетов. Применительно к описанию человека в немецком языке в редких случаях активизируется концептуальное ядро **«красный-красивый»**.

Можно утверждать это лишь в тех случаях, когда образы, используемые в речевом высказывании, вызывают определенные ассоциации. Эти ассоциации могут основываться на зрительных впечатлениях (таких как "приятный", "красивый", "нежный") или на вкусовых качествах (например,

"сочный", "сладкий", "вкусный"). В кыргызском языковом сознании **«кызыл-красивый»** связывается с образом девушки, к примеру «кызыл кыз». Тогда как в русском языковом сознании эти образы концентрируются вокруг цветов, *цвети как мак* - о быстро похорошевшей девушке, губы как малина (малина – красная, об алых, сочных губах девушки), «покраснеть как помидор» (в значении смущаться) и т.д. Однако в большинстве случаев прилагательные с цветокомпонентом *«rot/кызыл /красный»* воссоздают образы с негативной коннотацией.

Самым частотными в структуре данных сравнительных оборотов являются названия птиц: в немецком языке, индюк (*blutrot werden* - побагроветь как индюк), петух (*rot wie ein Hahn*). Эти сравнительные обороты характеризуют обзленного, раздраженного человека (мужчину).

В кыргызском языке «кызыл» показывает печаль, к примеру, *кызылым кетти өңүмдөн* - румянец сошёл с моего лица; *ак бетимдин кызылын арман, кайгы кетирди* фольк. румянец с белого лица моего согнали печаль и горе. Чаще всего прилагательное «кызыл» выражает сильную степень чего-либо, усиливает значение, к примеру, *кызылдай мас* - пьян вдрызг, *мени кызылдай союп урду* - он меня избил всего в кровь; он меня исколошматил; *кызылдай зордук* - неслыханное насилие; *кызылдай эле жаздым* - я здорово ошибся, *кызыл камчы* - (о человеке) жестокий; *кызыл чөл* - безжизненная пустыня; *кызыл уурулар* – ворюги, *кызыл бут* – холостяк. Здесь необходимо отметить, что *«красный- красивый»* задействуется в исследуемых языках по отношению к женщинам, а по отношению к мужчинам несет негативное значение *«красный- злой, страшный»*. Также необходимо отметить, что цветокомпонент *«rot/кызыл/красный»* реализуется в когнитивных моделях с пропозицией **«красный - опасный, предостерегающий»**. В немецком языке *jmdm. den roten Hahn aufs Dach setzen* – *пустить красного петуха, поджечь дом, jmd., etw. wirkt auf jmdn. wie das rote Tuch* – *что-то либо кто-то действует на кого-то как красная тряпка на быка*. Места, где проводились суды в средние века, назывались «*Roter Graben*». Это было углубленное место,

отмеченное тремя красными крестами. Суд также мог собираться перед «Roten Turm» (красной башней) или перед «Roten Tür» (красной дверью). Эти термины также использовались для обозначения тюрьмы. В кыргызском языке *кызыл куйгөндө токтойбуз* (про красный цвет светофора). В русском языке *красная линия* - черта, которую нельзя переходить, *красный свет светофора*, *красная нить* и т.д.

В семантике некоторых фразеологических выражений кыргызского языка, красный цвет несет значения «лучший» и «качественный». Например, «кызыл мата» означает «ткани или материалы высшего качества», а «кызыл буудай» - «зерно лучшего качества», также, как и в русском языковом сознании «красный - лучший», к примеру, красное *сукно* из него раньше шили кафтаны богатые люди. В когнитивных структурах исследуемых языков реализуются также когнитивные модели с пропозицией «**красный - власть, сила, богатство**». Это выражается в фразеологической картине мира исследуемых языков.

Характеризуя когнитивные модели с цветовым прилагательным «*rot/кызыл/красный*» отметим, что:

1. В провербиальном пространстве языка общим концептуальным ядром для обоих цветовых прилагательных является пропозиция «**красный – видимый, яркий**». В кыргызском языковом сознании он отражается не только как яркий и красивый цвет, но и как символ солнца, огня и священности.

2. *Rot* в немецком языковом сознании связан с законностью, правом, а также религиозными праздниками.

3. Для кыргызского и русского языкового сознания является более существенной «**красный - красивый**».

4. Во всех трех исследуемых языках мы обнаружили, что важна пропозиция «**красный- любовь**», которая в языке передается большей частью метафорами. Красный цвет подразумевается под названиями цветов, фруктов и т.д.

5. Для кыргызского и русского языкового сознания важны пропозиции «красный – лучший, качественный», к примеру, в русск. языке «Красный угол», «Красная изба», в кырг. языке "кызыл мата" означает "ткани или материалы высшего качества", а "кызыл буудай" - "зерно лучшего качества".

6. Также в немецком, русском языковом сознании в концептуальном ядре прилагательного rot/красный широко распространена пропозиция **«красный - опасный»**.

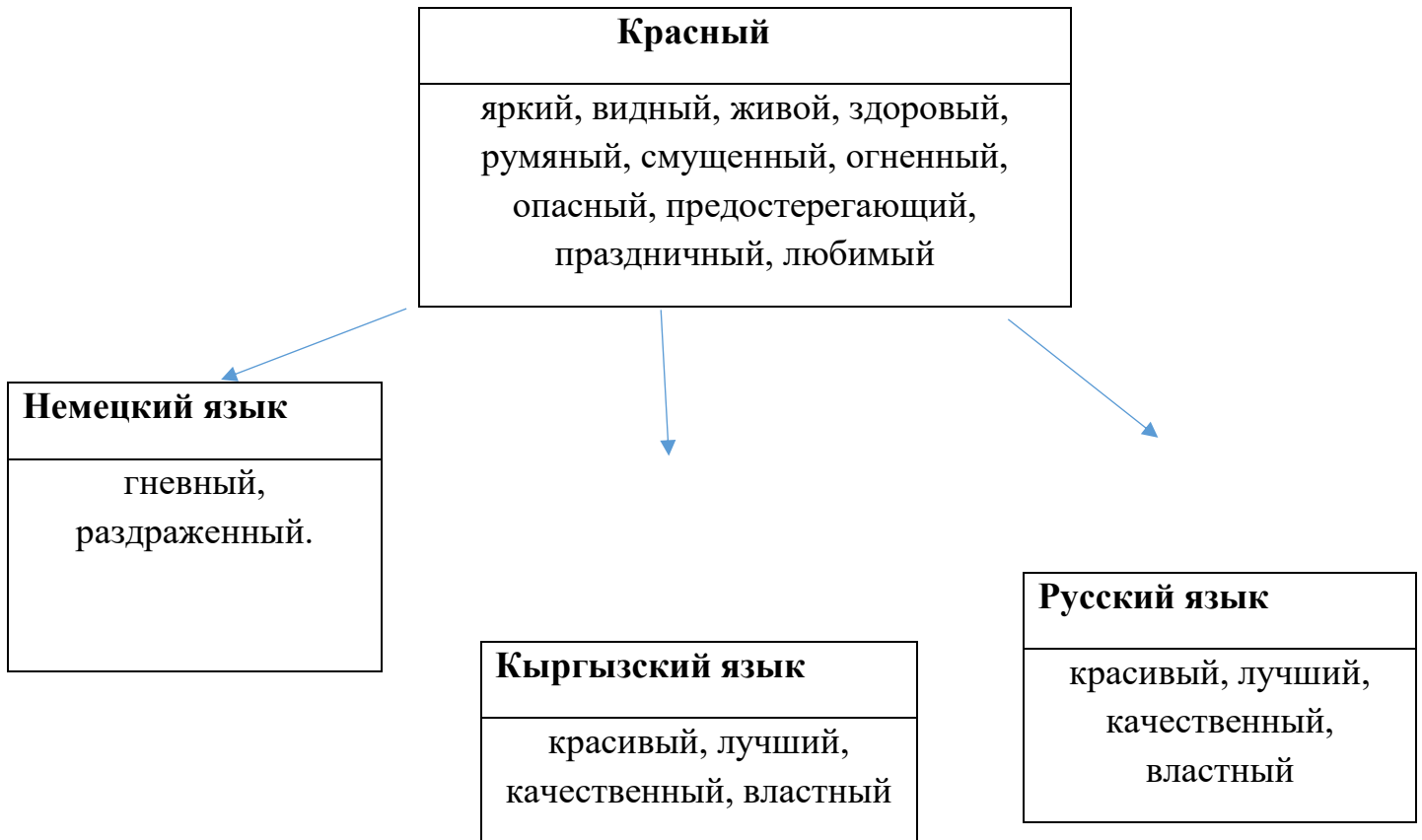
7. В кыргызском и русском языковом сознании важна пропозиция **«красный - власть, богатство»**. Ср.: в русск. языке «красная дорожка», «красный кафтан», в кырг. языке «кызыл туу», «кызыл килемче». Также в исследуемых нами языках мы нашли фразеологизмы, которые в одном языке содержат в своем составе компонент цвета, а в другом нет. *Например, 1. в русск. долг платежом красен, в нем. ein Dienst des anderen wert, в кырг. «келе» деген дооң жок болсо, кың эткен ооруң жок болот.*

И в то же время в немецком языке есть также фразеологизмы, имеющие в своем составе компоненты цвета, которые не имеют синонимичных эквивалентов в кыргызском и русском языках. *Например, в нем. es war ihm rot vor den Augen, в русск. ярость ослепила его, в кырг. каары аны сокур кылды (его ослепила злость), ачуудан карарып кетүү, кара көк болуу.*

8. В русской и кыргызской фразеологической картине мира «красный» характеризуется более широким кругом коннотативных значений, эмотивностью и оценочностью, чем в немецкой.

9. Большая часть когнитивных моделей с цветовыми прилагательными «rot/кызыл/красный» относится к культурно-специфическим показателям языкового сознания. Они отражают специфичное национальное восприятие окружающего мира.

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОЛОРОНИМА «ROT – КЫЗЫЛ
- КРАСНЫЙ» В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ**

3.7. Концепт цвета *blau* / көк/ синий

3.7.1. Этимологическая характеристика колоронима «*blau* – көк- синий»

Прилагательное "blau" (синий, голубой) происходит от верхненемецкого слова "blao", которое означает сверкающий, сияющий. Исследователи отмечают, что слово "синий" иногда могло иметь значение "черный" или "темный". Синий цвет получил свой современный смысл под влиянием морской среды, блестящей под солнечными лучами, а также цвета неба с ярким солнцем.

Слово *blau* (синий) в немецком языке происходит от старогерманского *blāo* (VIII век), которое также использовалось для обозначения различных оттенков синего цвета. В более поздние эпохи это слово стало встречаться в таких формах, как *blā* в среднегерманском и голландском языках, а также *blāo* в древнесаксонском.

Этимологически слово связано с индоевропейским корнем *bhel-*, который означает «светить, блестеть» и в дальнейшем развился в форму *bhlēuos*, что означает «синий, желтый, блондинистый». Это слово связано с латинскими терминами *flāvus* (золотисто-желтый, красно-желтый, блондинистый) и *fulvus* (красно-желтый, коричнево-желтый). Интересно, что слово *blau* в немецком языке, как и в других германских языках, восходит к этимологическому корню, который также связан с рядом других цветовых прилагательных, таких как *blond* (блондинистый) и *brünett* (брюнет), которые заимствованы в романских языках, например, во французском языке слово *bleu* (синий), откуда оно проникло в английский как *blue*. Таким образом, слово *blau* (синий) имеет древние корни, связанные с понятиями блеска и цвета, и связано с другими германскими и латинскими цветовыми терминами [DWDS]. Слово «көк» в тюркских языках, включая киргизский, казахский и узбекский, имеет несколько значений, связанных с цветом и природой. Основные значения

включают: 1. **Синий** - обозначает цвет неба или воды, **зеленый**-используется для описания растительности или свежей зелени, **серый**-применяется для описания цвета шерсти животных или определенных оттенков. Этимологически слово «көк» происходит от пратюркского *kōk*, что означает «синий» или «голубой» [<https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary>]. С течением времени значение этого слова расширилось, охватывая также зеленый и серый цвета, что отражает богатство природных оттенков, присущих тюркским народам. Интересно отметить, что в некоторых тюркских языках слово «көк» может использоваться для обозначения не только цвета, но и других понятий. Например, в кыргызском, казахском языках «көк» может означать «небо» или «голубой», или «зелень» [<https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary>]. Таким образом, слово «көк» является многозначным и отражает разнообразие природных оттенков и явлений в тюркских языках. Как отмечает К. Саматов, «в древнетюркском языке *kök* имеет семы «голубой, синий, сизый», *kök* «синий, голубой, небесного цвета, светло-зелёный, цвет молодой зелени; небо; трава, (особенно молодая трава)», а *gök* в тюркских языках 13 сем: «небо; траур (платье темно-синего или синего цвета); голубой, лазурный, лазоревый, синий; зелёный; незрелые фрукты; трава, зелень; серый» седина; багровый; чёрный; эпитет богатыря; бог; ночь». В современном кыргызском языке *kök*, по мнению К. Юдахина, имеет 6 сем: «небо; синий, голубой; синька; зелёный, незрелый (о растениях); цвет траура (синий); серый, сивый (о масти)», а составители толковых словарей выделяют семы «зелёная трава, небесный цвет», «небесный цвет, незрелый, зелёная трава». Только в работе К.К.Юдахина представлены более подробно как цветовые, так и вторичные значения, а в толковых словарях кыргызского языка обнаруживается ряд допущений, касающихся как цветовой, так и нецветовой семы *kök* «синий» [Саматов, 2021:39].

Лингвисты единодушно утверждают, что слово «синий» появилось гораздо позже, чем слово «голубой». Согласно словарю Фасмера, русское слово «синий» происходит от древнеиндийского *śuamás*, что означает «темный, черный». В ранний период развития языка понятия «черный» и «синий» не различались, и слово «синий» использовалось в ограниченном контексте, преимущественно для обозначения водоемов и некоторых природных явлений. В русской культуре синий цвет занимал особое место, а в анализе фольклорных памятников видно, что синий часто ассоциировался с магическими свойствами. В первую очередь, он связывался с водой, которая в древности считалась местом обитания враждебных человеку сил [Никулина, 1988]. Вода с древних времен воспринималась как стихия, ассоциирующаяся со смертью и загробным миром. Не случайно крещение водой стало одним из центральных обрядов в христианстве, символизируя смерть и воскресение в истинной вере. Согласно известным законам, прямое наименование вещей, связанных с мистическим злом, часто было табуировано. Это бессознательное предвзятое отношение привело к тому, что даже в 19 веке слово «синий» часто использовалось в заимствованной форме, сохраняя иноязычное произношение и написание. ...Итак, по самым разным причинам синий у русских в течение долгого времени сохранило негативный подтекст. Однако все вышесказанное относится скорее к темно-синему цвету. Светлый же оттенок синего цвета, напротив, был весьма распространен. Становилась очевидной потребность в названии светло-синего оттенка, словом, не связанным напрямую с термином синий. Вследствие чего стали появляться слова, выражающие голубые оттенки. Голубой цвет это цвет неба, поэтому коннотация была слова только положительной... » [Василевич, 2007]

В этимологическом словаре русского языка А.В. Семенова *синий* определяется следующим образом: **Синий**. *Общеславянское* — *sinjъ* (-а, -о) (*синий*). *Древнерусское* — *синий*. Слово «синий» в значении «темно-

голубой цвет» известно с древнерусской эпохи (XI в.). Со значением «отливающий голубым цветом» (как эпитет молнии) и «темный» прилагательное встречается в «Слове о полку Игореве». Существительное «синь» известно с XVI в., глагол «син(ять)ть» и существительное «синева» — с XIV в. Слово восходит к общеславянскому *sinjъ* (-а, -о), одного корня с *sjati* (сиять). Вероятно, первоначальное значение слова — «отливающий голубизной, синеваой» или «сияющий, сверкающий». [<https://lexicography.online/etymology/setuonov/>] Интересно отметить, что в других славянских языках слово «синий» также связано с понятием «сияния». Например, в украинском языке слово «синій» означает «синий» и восходит к тому же корню. Таким образом, слово «синий» отражает представление о ярком, сверкающем цвете, связанном с небом и светом.

3.7.2. Когнитемы, актуализирующие концепт «blau – көк - синий» в провербиальных единицах языка

При рассмотрении структуры и семантики фразеологизмов с компонентом «синий/голубой цвет», можно отметить значительные различия в использовании и употреблении данного колоронима в немецком, кыргызском и русском языках. В немецком языке цвету *blau* соответствует цвет «көк» в кыргызском языке и три цвета «голубой», «синий» и «зеленый» в русском языке.

Для обозначения темно-синего цвета используется *dunkelblau*, а для светло-синего - *hellblau*. В кыргызском языке слово *көк* означает синий цвет, но голубой цвет передается как оттенок синего - *көгүш*, *көгүлтүр*. В русском языке есть отдельные цветовые термины *синий* и *голубой*. Голубой цвет, в широком смысле, ассоциируется с умиротворением и расслаблением. Цветоимя «*blau/көк/синий*»

отличается низкочастотностью употребления в фразеологизмах, так как имеют прототипическую значимость и существенность. В исследуемых нами языках синий цвет ассоциируется с небом. В немецких сравнительных оборотах синий также ассоциируется с морем, водой. Ср.: *Der Blaue Peter* – «Голубой Петер», знаменитый международный сигнальный флаг, обозначающий команде вернуться на борт корабля. Этот флаг является одним из старейших сигнальных флагов и известен под именем *die blaue Flagge* с начала XVIII века. Использовался немецкими моряками до начала XIX века. В Англии уже в 1777 году моряки использовали название *blue Peter*, предположительно, происходящее от *blue repeater* - немецкого *blauer Wiederholer*, который передавал приказ: *Alle Kapitäne zum Admiral!* (Все капитаны к адмиралу!), повторяя приказ до тех пор, пока развевался на ветру. К концу XIX века *der Blaue Peter* был принят на вооружение немецким торговым флотом, и моряки начали говорить не *blue Peter*, а «*Blauer Peter*».

Фразеологизм *Blaustrumpf* (синий чулок) пришел в немецкий язык из английского. Один из литературных салонов середины 18-го века в Лондоне был назван «*собранием синих чулок*» в честь адмирала Босковена, поскольку в этом салоне появился в синих чулках известный ученый Бенджамин Спеллингфлит. Сегодня этот термин употребляется для описания женщины, которую считают сухой и педантичной, лишенной женственности. В русском языке фразеологизм *синий чулок* используется для иронической характеристики женщины, которая считается занудой, погруженной в науку и отрешенной от личной жизни [*Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1890-1907*]. Этот оборот символизирует отсутствие женственности и обаяния, характерных для настоящей женщины, а также ее преданность книжной премудрости в ущерб своей женственности. В немецком языке фразеологизм *Blaustrumpf* (синий чулок) также символизирует преданность науке с добровольным

отречением от личной жизни. В немецком языке синий цвет означает наивность, неопытность, доверчивость, например, *blauäugig sein* - быть доверчивым, наивным, невинным. В кыргызском языке голубоглазых называют – *көк көз*. В русском языке *голубоглазый* также олицетворяет наивных, доверчивых людей. Как пишет Н.С. Братчикова: «Семантика цветовых прилагательных содержит определенный набор контекстов, который трудно связать с каким-то одним конкретным объектом, явлением» [Братчикова, 2006:181]

В немецком языковом сознании «голубая кровь» также, как и в русском языковом сознании означает дворянское, аристократическое происхождение. Связанные с цветом крови выражения включают *Blaues Blut haben* (досл. иметь голубую кровь) или *blaues Blut in Adern haben* (досл. в венах течет голубая кровь), что означает иметь благородное происхождение. Это выражение происходит из испанского языка, где королевская семья и дворянство гордились своим благородством, что проявлялось в бледности кожи и выделении синих вен. В результате их аристократического происхождения и образа жизни их кровь называли *голубой*. Такое выражение распространилось во многие европейские языки, включая немецкий, и русский. В кыргызском языке это понятие передается через цветообозначение *белый* в выражении *ак сөөк* «белая кость», что также означает аристократию или голубую кровь.

В современном немецком языке употребляется выражение «*den blauen Montag machen*» (досл. устроить синий понедельник), что означает «не работать в понедельник», особенно после праздников, или прогуливать работу. Выражение *blau machen* является укороченной версией этого выражения и используется в более широком контексте: не работать в любой день, а не только в понедельник. История *голубого понедельника* уходит корнями еще в средние века, когда возникли

вопросы о продолжительности рабочего дня подмастерьев и предоставлении им лишнего выходного дня в неделю, помимо воскресенья. По одной из версий, *Blaumontag* изначально обозначал последний день карнавала, который традиционно был нерабочим. Название *голубой* связано с тем, что в последующие после праздника дни церкви украшались голубым сукном. По многим источникам, в немецком языке слово *blau* использовалось для обозначения состояния «пьяный» или «подвыпивший», особенно в контексте того, что горожане отмечали последний день карнавала весело и в пьяном виде. Например, выражение *blau sein* означает «быть пьяным», а *blau sein wie ein Veilchen* переводится как «пьяный в стельку». В кыргызском и русском языках аналогичных фразеологизмов с таким значением не обнаружено. Не имеют в своем составе цвета выражения в русском языке *vom blauen Affen gebissen sein* - быть не в своём уме, *grün und blau schlagen* - отдубасить, отколошматить кого-либо. Еще одним общим концептуальным ядром цветового прилагательного *blau/көк/синий* является пропозиция «синий - холод». Синий как цвет присутствует в выражении *blau frieren* – в русск. языке посинеть от холода, в кырг. языке *үшүгөндөн көгөрүп кетүү*.

Интересны случаи отличительного «цветового» видения одной и той же проблемы в немецком и в русском языках. Так, в русском языке доводят до «белого каления», а немцев до синего: *sich blau ärgern, sich grün und blau ärgern* - посинеть, позеленеть от злости, а в кыргызском языке *ачуудан караруу* – почернеть от злости. Речь идет об изменении цвета лица в зависимости от прилива-отлива крови. Выражение *Ein blaues Auge kassieren* - схлопотать себе синяк под глазом, в кыргызском языке - *көзү көгөрүү*, в русском языке – фингал (синяк) под глазом сходны в исследуемых языках. Фразеологизм *blauer Vogel* - синяя птица (символ счастья) встречается в немецком и русском языках.

Фразеологизм *на блюдечке с голубой каемочкой* в русском языке означает преподносить что-либо готовое, эквивалента данному выражению в немецком и кыргызском языках не нашли.

Синие цветы традиционно дарят уходящим в армию, а матросская форма обычно синего цвета. В некоторых фразеологизмах синий цвет воспринимается как тяжелый, мрачный, неустойчивый цвет, переходя либо в голубой, либо в черный. В немецком языке есть фразеологизм *blauer Brief* – «синее письмо», который имеет два значения: 1. разговорное - уведомление об увольнении, увольнительное письмо, 2. устаревшее - письмо родителям из школы о неуспеваемости ребенка. Этимология данного выражения восходит к XVIII веку, когда королевские приказы писались на бумаге, изготовленной из лохмотьев ткани униформы прусской армии (цвет которой в то время был синим). В русском и кыргызском языках эквивалента данному фразеологизму не нашли. Однако, в кыргызском языке во время Великой Отечественной войны возник фразеологизм *кара кагаз* - буквально "черная бумага", которая представляла собой письмо, извещающее с фронта о смерти человека [КТФС, 2015].

Как и все цвета, синий цвет в немецком языке несет как положительные, так и отрицательные коннотации. Среди положительных ассоциаций для немцев можно выделить связь с верностью и преданностью. Однако, в старых обычаях и верованиях жителей, и моряков северного побережья Германии голубой цвет вызывал далеко не положительные ассоциации. Ведьмы, черти, волшебники и привидения часто изображались в голубом одеянии. Повстречать женщину в голубом фартуке считалось знаком несчастья, а дом с голубыми оконными рамами считался местом обитания ведьмы. Избегали красить дома в голубой цвет, а также полагать голубые предметы одежды на супружескую кровать, так как считалось, что это

может помешать рождению детей. Голубой цвет также ассоциировался со смертью: умерших часто одевали в голубые сюртуки и клали в гроб кусок голубой ткани. В русском языке синий цвет является носителем не только положительных характеристик - «синий, как василёк»; «синий, как лён»; «синий, как небо»; «синий, как лазурь», но и отрицательных - «синий, как мертвец»; «синий, как утопленник». Но выражений значительно меньше, чем в немецком языке.

В кыргызском языке на основе анализа материалов исторических памятников тюркской письменности К. Саматов отмечает, что цвету "көк" (синий) присущи оттенки "зеленый", "голубой", "синий", "фиолетовый" и "серый". Следовательно, этот цвет включает в себя широкий спектр оттенков в солнечном спектре. В переносном значении "көк" также может означать "синька", "плесень", "упрямый", "зелень", "овощи". По мнению К. Саматова: «Синий цвет и его различные оттенки играли определенную роль в обрядах и верованиях кыргызского народа, что наглядно видно из следующих обстоятельств: В эпосе «Манас» говорится: *Көкөтөйдүн көк туусу көтөрүлдү кылкылдап* «Синее знамя Кокетая поднялось колыхаясь»; или *Көк асаба тууга кара түпөк байлансын* «Пусть привяжут к синему знамени черный тупек (пучок конского волоса)». [Саматов, 2021:38] По мнению И.В. Стеблевой «*Көк* - один из элементов религиозно-мифологической антитезы: *көк теңир* «голубое небо» - *йагыз йер* «бурая земля» [Стеблева, 1972:224].

Можно с уверенностью утверждать, что изначально вербализация понятий «зеленый», «голубой», «синий», «фиолетовый» осуществлялась с использованием лексемы *көк* в кыргызском языке. Постепенно стали выделяться отдельные оттенки, такие как *жашыл* для «зеленого», *көгүш* для «голубого» и *кызгылт көк* для "темно-синего, *сыя көк* для фиолетового". Цветовые системы различных

языков могут значительно различаться из-за того, что колористический язык отражает цветовые традиции конкретного этноса, который формировался в различных исторических и географических условиях. Культурные, исторические и географические особенности могут сказываться на способах, которыми язык описывает и интерпретирует цвета, а также на значении, которое придается определенным цветам в культуре и повседневной жизни. Ср.: в нем. *grüner Tee*, в кырг. *көк (синий) чай*, в русск. *зеленый чай*. В кыргызском языке колороним *жашыл* передается через колороним *көк-синий*. Данная замена происходит не оттого, что кыргызы физиологически не различают «зеленый» и «синий» цвет, а видимо потому, что кыргызы в древности были язычниками и поклонялись небу, а как известно, доисламское языческое мировоззрение было Тенгрианство, то есть почитание Көк - Теңир, как покровителю жизни на Земле. Возможно, с этого времени в кыргызском языке происходит в некоторых случаях замена одного колоронима другим, как например, *көк чыкты* - пробилась зеленая трава. В кочевой жизни кыргызов, которые зависели от скотоводства, наличие зеленых пастбищ было важным. Появление зеленой травы из-под земли символизировало наступление новой жизни и изобилия.

Жер жарылып *көк чыкты* (букв. В земле пробилась синь)

Желин жарылып сүт чыкты.

(«Аластоо» Умай-Эне на Нооруз)

[<https://54.edubish.kg/ky/news/prazdnik-vesny/>]

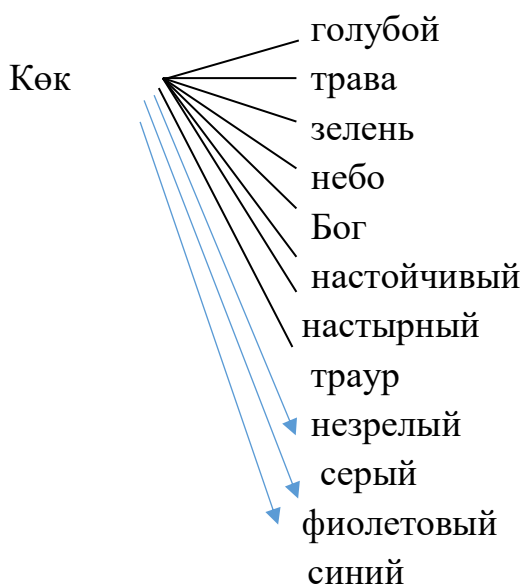
В земле пробилась зелень

В выме пробилось молоко (Перевод наш Б.Г.)

Позитивную коннотацию несет цвет *көк* в следующей пословице: *Бата менен эл көгөрөт, жамгыр менен жер көгөрөт* (Благословения помогают людям, благодаря дождям вырастает зелень) (Перевод наш

Б.Г.А.) Здесь *көгөрөт* не в смысле посинеет, а имеется ввиду, что люди станут лучше жить, начнет расти трава и т.д.

Из состава *көк* мы выделяем следующие цветовые и образованные на их основе другие вторичные значения.

В кыргызском языке, как показано на рисунке, концепт *көк* включает в себя различные цветовые аспекты: небо, Бог-Теңир, зелень травы, траур, а также ассоциируется с проявлением качества характера таким как, настойчивость, упрямство (например, выражение «көк», «көк бет», «көгөрүү» - упрямый). Отсутствие в древнетюркском языке семы «зеленый» в лексеме «көк» указывает на то, что она появилась в Средневековье. Этот процесс связан с тем, что *көк* изначально обозначал переходный цвет между синим и зеленым, то есть «сине-зеленый»: *көк карга* «зеленовато-голубой», *көк чөп* «синевато-зеленая трава». Благодаря этому промежуточному звену «көк» претерпело семантическое изменение: *көк чай* «зеленый чай», *көк чымын* «зеленая муха», *көк шал* «кожа для сапог зеленого цвета».

На основе сходства в цвете возникло метафорическое значение *незрелый*, которое проявляется в названиях плодов и фруктов,

например, *көк алма* «незрелое яблоко», *көк өрүк* «незрелый урюк» и так далее. Когда речь идет о масти животных, *көк* представляло собой переходный цвет от синего к серому, также известный как *көгүш боз* «синевато-серый», который выступал в качестве промежуточного звена между *көк* «синий» и *боз* «серый»: *көк ат* «серая лошадь», *көк эшек* «серый осел». Синонимом *боз* является «серый».

В современном кыргызском языке понятие "фиолетовый" выражается с помощью лексем различной структуры и формы. Это связано с тем, что до недавнего времени смешанный цвет между синим и красным не имел самостоятельного языкового выражения, и поэтому слово *көк* использовалось для описания фиолетового, лилового или сиреневого цвета. Например, фиолетовые чернила назывались *көк сыя*. К. К. Юдахиным отмечено, что «глаза голубые и серые у кыргызов считаются некрасивыми» [Юдахин 311, с. 418]. Хотя радужная оболочка глаза человека может иметь разные оттенки, включая зеленый, голубой и серый, она, вероятно, обозначается единым словом *көк* в кыргызском языке. Редко используется вариант *көкчө*.

Проанализировав набор смыслов, заложенных в семантику цветowych прилагательных *blau/көк/синий* можно сделать следующие выводы:

1. В немецком языке фразеологизмы, включающие семантический компонент "*синий/голубой цвет*", в большинстве случаев несут негативную коннотацию, такие как пьянство, ложь, физическая расправа. Нейтральная коннотация (неизвестность, неопределенность, решение проблем) занимает второе место, а характеристика профессии (мореплавание, военная тематика) - третье. Позитивное значение фразеологизмов (благородное происхождение человека, голубые глаза) встречается реже всего. Что касается их функционального использования в художественной литературе, они

обычно используются для подчеркивания комических ситуаций, ироничного оценивания событий, усиления порицания и подчеркивания недостижимости мечты.

2. В кыргызском языке, цветообозначение «көк» имеет больше положительную коннотацию, такие как жизнь, зелень, небо.

3. Фрагменты цветовой картины с цветоименем *blau/көк/ синий* обладают сходной информативностью.

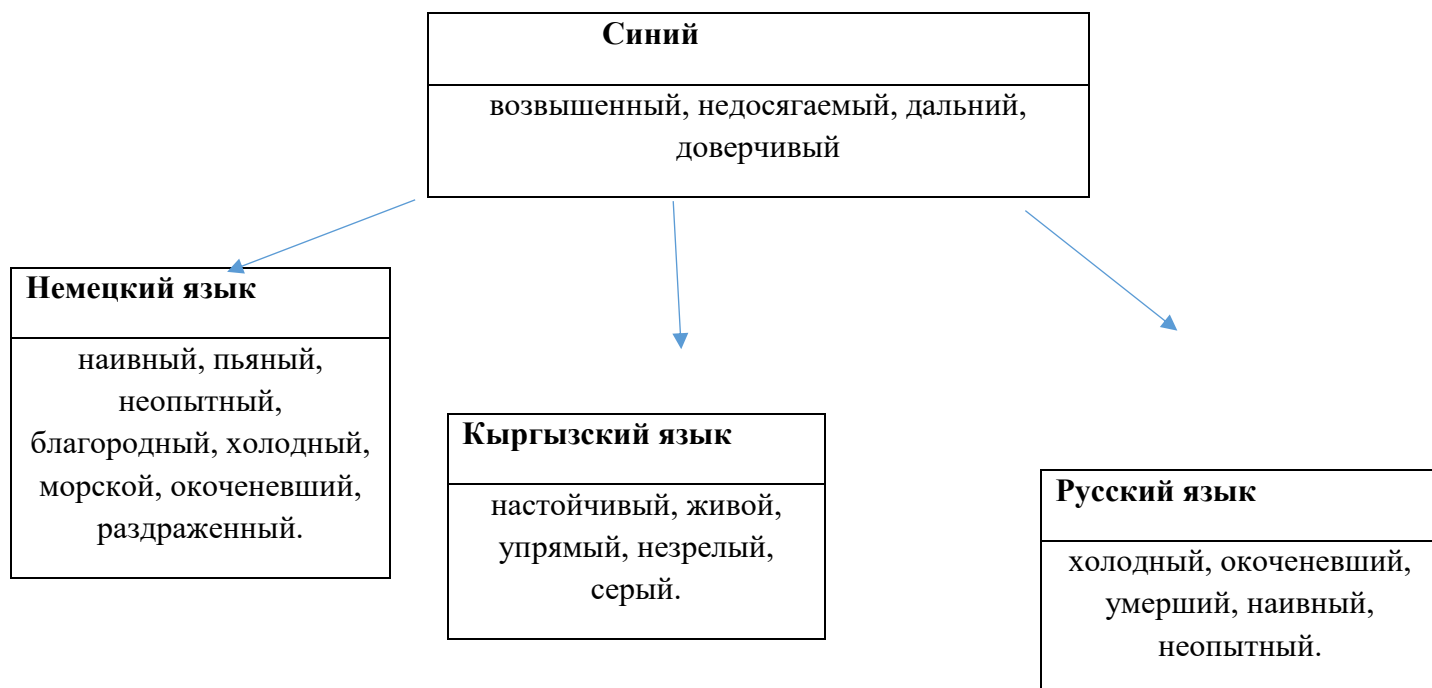
4. Прилагательные *blau/көк/ синий* обладают сходным концептуальным ядром «холод, ооченевший»

5. Можно говорить о преобладании субъективного фактора в когнитивных моделях обоих языков, о присутствии в них на первом плане оценочности. В немецком языке данный колороним обладает больше негативным оценочным характером, нежели в кыргызском и русском языках. Хотя в русском языке также «синий» имеет больше негативных значений.

6. В кыргызском языке колороним *көк* имеет более разветвленную концептуальную систему, чем в немецком и русском языках.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОЛОРОНИМА «BLAU – КӨК-СИНИЙ» В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ

3.8. Концепт цвета Grün/ жашыл / зеленый

3.8.1. Этимологическая характеристика колоронима «Grün- жашыл - зеленый»

В этимологическом словаре немецкого языка В. Пфайфера приводится следующее объяснение происхождения колоронима grün: 'gruoen' (8 в.), в средневерхнемецком grüejen со значением 'wachsen, sprießen, gedeihen' ('расти, всходить, распускаться (о цветах и т. п.), восходит к индоевропейским корням *ghrō-, *gher(ə)- со значением 'hervorstechen' ('выступать, появляться (о шипах, побегах растений) [Pfeifer, 1993].

Слово «grün» (в переводе с немецкого «зеленый») является прилагательным, которое встречается в западногерманских и

северогерманских языках. Оно происходит от древнегерманского *gruoni* (VIII век), среднего немецкого *grüene*, а также из англосаксонского *grēne*, что в переводе также означает «зеленый». В старом и средненемецком языках существовало также слово *gruoen* (VIII век), которое обозначало «расти, прорасти, развиваться». Слово *grün* связано с глаголом *gruoen* (старогерманский), *grüezen* (средненемецкий), *groeyen* (нижнегерманский) и современным голландским *groeien*, что означает «расти». Это слово имеет корни в индоевропейском языке и связано с корнем *gher(ə)*-, который означает «выступать, прорасти», что относится к росту растений, например, побегов, колючек или трав. Слово *grün* отражает это значение и первоначально означало «цвет побегов растений», то есть «зеленый». Таким образом, этимология слова *grün* указывает на его происхождение от глаголов, связанных с ростом и развитием растений, и его значение как обозначение цвета молодых побегов или растительности [DWDS]. В электронном словаре немецкого языка лексема *grün* трактуется следующим образом: «Farbe des Sonnenspektrums zwischen Gelb und Blau» (цвет из спектра между желтым и синим) [DWDS].

Слово «**жашыл**» в киргизском языке означает «зеленый» и используется для обозначения цвета травы, листвы и других зеленых объектов. Этимологически оно связано с древнетюркским словом *yāñil*, что также означает «зеленый». Это слово имеет общие корни с турецким *yeşil*, туркменским *yaşyl* и крымскотатарским *yeşil*, что подтверждает его широкое распространение в тюркских языках [<https://en.wiktionary.org/wiki/>]. Интересно отметить, что в киргизском языке слово «жашыл» может также означать «свежий» или «яркий» [http://tamgasoft.kg/dict/index.php?page=dic_info&dic_id=2]. Это отражает ассоциацию зеленого цвета с жизнью, ростом и природной свежестью. Таким образом, слово «жашыл» имеет глубокие исторические корни и широко используется в киргизском языке для описания зеленого цвета и связанных с ним понятий. В «Древнетюркском словаре» отмечено, что *yashyl* означал не

только зеленый цвет, но и сине-зеленый, голубой. Др. тюрк. *йаш* «зеленый, молодой», «свежий», «зелень» [Древнетюркский словарь, 1969:245 ДТС – деп кыскартылат], *йашыл* «зеленый, голубой», *йашыл бурчак* «зелёный горошек», *йашыл үгүз* «Хуанке» [Древнетюркский словарь, 1969:246]. В немецко-кыргызском словаре *grün* переводится как *жашыл*(зеленый), *көк* (синий); (*unreif*) *чийки* (незрелый), *быша элек*; (*frisch*) *жаңы*(новый), *жаш* (молодой), *бузулбаган* (неиспорченный); *-er Junge оозунан эне сүтү кете элек бала* (молокосос), *жаш бала, кагылбаган бала*; *grün werden көгөрүү* (посинеть). И второе значение дается *көк* (синий) (чөп, шибер) – «зеленая трава» [Deutsch-kirgisisches Wörterbuch, 2009: 254].

Согласно этимологическому словарю русского языка А. В. Семенова, колороним зеленый образовался «на базе общеславянского *zelenъ* и является родственным прилагательному желтый» [Семенов, 2003]. В словаре М. Фасмера колороним трактуется следующим образом: в старославянском языке – *zelenъ*, сербохорватском – *zelen*, чешском – *zelený*, польском – *zielony*, верхнелужицком языке, нижнелужицком – *zeleny*; родственно лит. *žalias*, лтш. *zaļš* «зеленый», др.-прусс. *saligan* – то же, лит. *želiù*, *žėliau*, *žėlti* «зарастать»; авестийском – «желтый, золотистый», латинском – *helvus* «желтоватый» [Фасмер, 2008]. Слово «зелёный» в русском языке обозначает цвет травы, листы и других зеленых объектов. Этимологически оно восходит к праславянскому слову *zelenъ*, которое также дало начало словам «зелёный» в других славянских языках, таких как украинский *зелений*, белорусский *зялёны*, польский *zielony* и чешский *zelený* [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>]. Интересно отметить, что слово *zelenъ* связано с праиндоевропейским корнем *ghel-*, который означал «светиться» или «блестеть». Этот же корень лежит в основе латышского слова *zelt* («зеленеть»), немецкого *gelb* («жёлтый») и английского *yellow* («жёлтый») [<https://etymological.academic.ru/>]. Таким образом, слово «зелёный» имеет глубокие исторические корни и широко используется в русском языке для описания цвета растительности и свежести.

3.8.2. Когнитемы, актуализирующие концепт «grün – жашыл- зеленый» в провербиальных единицах языка

Смысл прилагательных *grün/жашыл/зеленый* связан с жизнью, с цветом растений, поэтому эта зона считается прототипической для этих прилагательных. Мы выдвигаем гипотезу, что концептуальное ядро цветоимени в исследуемых нами языках *grün/жашыл/зеленый* заключается в том, что «зеленый как прилагательное означает **начало новой жизни, пробуждение, молодость**». Ср.: В немецком языковом сознании само слово Grün (ins Grüne) означает «природа», к примеру, выражение "eine grüne Lunge" (дословно: "зеленое легкое") означает "зеленые насаждения", а также упоминается "шлем зеленый" (или "мочь зеленая", о листве на деревьях). Природа персонифицируется и олицетворяется образом матери, а колоронимы указывают на лоно природы, где можно отдохнуть душой и телом, набраться сил и энергии. Цветообозначение *grün* развивает свое значение, связанное с природой, и образует новые термины, связанные с земледелием, например, *die Grüne Woche* – «зеленая неделя» со значением «интернациональная выставка сельского хозяйства и продовольственной промышленности в Берлине»; *der Grüne Bericht* – «зеленый отчет», т.е. годовой отчет Министерства земледелия ФРГ. В выражении "bei Mutter Grün schlafen" (спать у зеленой матушки) или в выражениях "ins Grüne gehen" (делать прогулку за город) и "eine Fahrt ins Grüne" (экскурсия за город), где зеленый цвет ассоциируется с природой, окружающей нас. В кыргызском языке так как мы выше отметили, *көк* «синий» покрывает диапазон цвета «жашыл», с зеленью связывается именно колороним *көк*, к примеру, *көк чөп* «зеленая трава» и т.д. Но есть выражения, *жашыл талаа* «зеленые поля», *жашылдар кыймылы* – «движение зеленых», за сохранение природы. Также отмечается выражение *жашыл адыр* «зеленый горный хребет». По-русски лес также называют "зелёным золотом", а словосочетание *зелёный шум* используется для обозначения весеннего пробуждения природы, *зелёный шум* – «шум зеленых лес, деревьев». Это

явление синестезии о котором мы упоминали выше. Также в русском языке: *зеленый шум, изумрудные звуки*. [Синестезия феномени (жалпы сереп салуу), Вестник КРСУ. 2019. Том 19. № 2. – С. 82-88].

Хотя, кыргызские лексикографы описывают семантику «зеленая трава, зеленая растительность» для слова «жашыл», ни обычные говорящие, ни художники слова не используют это слово в указанном значении. *Жашыл* происходит от корня *жаши*, означающего «зелень», и аффикса - *ыл*, указывающего на сходство или цвет зелени, так что его значение – «похожий на зелень, зеленый по цвету». Как отмечает К. Саматов: «...в определенных обстоятельствах *көк* покрывает широкий диапазон «синий - голубой - зеленый», в связи с чем, семантическое поле *жашыл* стало уже» [Саматов, 1999:117]. К.К.Юдахин наряду с «зеленый» дает значения «зелень, яркий и свежий», которые носят субъективный характер [Юдахин, 1965:241]. К. Саматов также отмечает, что «*жашыл* не имеет фразеологию, но в художественной литературе *жашыл* имея сему «радостный», выступает как синоним молодости: *жашыл айлар, жашыл жылдар* «молодые месяцы, годы». По его мнению, в кыргызском языке под воздействием русского языка происходит расширение использования определенной лексемы. Например, выражения «зеленый массив», «зелёное поле», «зелёные глаза» и подобные фразы переводятся с использованием лексемы *жашыл*. Эта тенденция наблюдается как в художественной, так и в устной речи. Ранее цвет зеленой растительности и зелёные глаза выражались с помощью лексемы *көк* [Саматов 1999:118].

Смысловое значение «зеленый – жизненная сила» также реализуется в ряде фразеологизмов. К примеру, в немецком языке, если присутствует любовь к природе, талант к выращиванию цветов и растений, то используют фразеологизм *eine grüne Hand haben* (досл.: иметь зеленую руку). Данный смысл реализуется только в немецких фразеологизмах. В русском языке

эквивалентом является выражение «*иметь легкую руку*», в кыргызском языке – «*колу жеңил*», не используются в паре с цветоименем.

Пропозиция «*зеленый – молодость, неопытность*» также реализуется в ряде фразеологизмов. Ср.: в немецком языке в романе «*Der grüne Heinrich*», написанном Гоффридом Келлером в 1854-1855 годах, слово *grün* служит символом внутреннего поиска самого себя, обусловленного молодостью и незрелостью главного героя. Зеленая одежда героя становится внешним проявлением его стремлений между искусством, природой и обществом. *Ein Greenhorn sein* – это точное обозначение неопытного человека было заимствовано из английского языка, *grün um die Nase sein* – быть молодым, неопытным. Тот, кто «зелёный» (*grün ist*) по-немецки или «ещё зелён за ушами» (*noch Grün hinter den Ohren hat*), молод и неопытен. *Der grüne Junge* (зелёный мальчик) также обозначает мальчика без опыта, характеризующегося незрелостью. Колороним *grün* в сочетании с *grünes Holz* приобретает символическое значение молодости и энергии. В немецком языке пара «*trocken – grün*» имеет антонимическое значение, где *grünes Holz* изначально означает сырую, необработанную древесину [Белов, 1988:255]. Например, выражение «*grünes Holz, große Hitze*» (букв. «зеленая древесина, большое тепло») может символизировать молодость и энергию, возможно, ассоциируясь с живостью и свежестью. В русском языке это значение эволюционирует: «зелёная голова» относится не только к молодому человеку, но и к тугодуму. В русском языке выражение *молодо-зелено* часто употребляется для обозначения неопытного человека, часто с ноткой шутки или иронии. Этот оборот входит в поговорку «*молодо-зелено – гулять велено*» [Бедоидзе, 1997: 384].

«Зеленый» может также иметь и негативные значения, например, «*зеленый - незрелый*». В немецком языке по отношению к человеку применяется «зеленый» как к незрелому человеку - *ein grüner Junge* – зеленый юнец, желторотый птенец, молокосос. «Ассоциация сходства у подобных фразеологических единиц очевидна: большинство различных плодов, фруктов, овощей, лишь в стадии созревания, но еще не созревшие, имеют временно

зеленый цвет» [Гете, 2015: 110]. В русском языке фразеологизмы «желторотый птенец», «молоко на губах не обсохло», «не выдавший лиха» [Белов, 1988: 332]. В кыргызском языке незрелость человека передается через цветоимя *сары- желтый - сары ооз балапан* «желторотый птенец».

Применительно к человеку центральным является цвет лица, которое может быть зеленым от болезни или усталости. Зеленый цвет лица является проявлением негативных эмоций - зависти, злости: выражение «*sich grün und gelb ärgern*» на немецком языке означает «позеленеть от злости», *grün vor Neid wird* - «зелёный от зависти», когда человек становится очень завистливым. В тексте DWDS, по данным корпуса, фразеологизм с колоронимом *blau* чаще используется вместо *gelb* в выражении «*sich grün und gelb ärgern*» (*sich grün und gelb ärgern* – вхождения, *sich grün und blau ärgern*). В кыргызском языке для выражения злости употребляется оборот «ачуудан карарып кетүү», то есть злость в кыргызском языковом сознании имеет черный цвет.

Сочетание *grünes Kleid* в пословице *Stiefmütter sind am besten im grünen Kleide* (досл.: мачехи лучше в зеленом платье) метафорически означает могилу. Негативная коннотация, которую приобрел колороним «*grün*» в данной пословице, можно объяснить тем, что в устном народном творчестве образ мачехи часто ассоциируется с негативными характеристиками. Такие образы, как правило, создаются в контексте стереотипов и предрассудков, что отражается и в данной пословице. Так, например, в словаре Даля мы находим подтверждение этому: *в лесу медведь, а в дому мачеха* [Даль, 1995]. Мачеха часто предстает перед нами в образе злого, бессердечного и неприветливого человека, который плохо обращается с приемными детьми. Поэтому возникает ассоциация с «*зеленой одеждой*».

В немецком и русском фразеологизмах *зеленый* имеет общность цветовой картины в когнитивных моделях с пропозицией «**зеленый-открытая дорога, свобода, беспрепятственное движение**». Так в немецком «*jemandem grünes Licht geben*» и «*grünes Licht haben*» (дословно: дать зеленый

свет). В русском языке фразеологизм «зеленая улица» с значением «свободный прямой путь, беспрепятственное продвижение» действительно является исконно русским. Его источником послужила профессиональная речь железнодорожников, где «зеленая улица» названа по цвету сигнала светофора, который указывает на безопасное движение поезда. Изначально в значении «свободный проезд» употребляется фразеологизм «зелёный свет». На основе этого фразеологического выражения возник оборот «зелёная волна», который означает «свободный проезд на всём протяжении пути, под зелёным сигналом светофора». Этот оборот недавно стал термином в службе автоинспекции. При этом он сохраняет свою фразеобразовательную базу от выражения «зелёная улица». В кыргызском языке фразеологизм «беспрепятственное движение» передается через фразеологизм «ак жол – белая дорога».

Также в немецком языковом сознании *grün* имеет символическое значение «надежды». К примеру, «mein Herz wird grün, wenn man wieder hoffen durfte» (дословно: «мое сердце станет зеленым, когда снова можно будет надеяться»), материального достатка, процветания, к примеру, выражении «auf einen grünen Zweig kommen» (сесть на зеленую ветку) зеленый цвет символизирует успешное развитие, преуспевание или карьерный рост. В выражении «vom grünen Tisch aus entscheiden» (решать с зеленого стола) зеленый цвет ассоциируется с бюрократическим процессом, так как столы чиновников в Германии были обиты зеленым сукном, означает бюрократию.

Кроме того, зеленый цвет может символизировать лезть в выражении «*j-n, etw. über den grünen Klee loben*» (превозносить до небес). Эти значения компонента *grün/жашыл/зеленый* являются особенностью немецкого языка и не имеют прямых параллелей в кыргызском и русском языках.

В русском языке часто используется выражение «тоска зеленая», где зеленый цвет ассоциируется с сильной тоской, возможно, из-за его ассоциаций с плесенью и болотом, что также не имеет параллелей в немецком и кыргызском языках.

С конца 1990-х годов в связи с озабоченностью человечества экологией, возникают очень много выражений связанных с цветоименованием *grün/жашыл/зеленый*. Данные выражения начали появляться повсеместно и в исследуемых нами языках, к примеру, в немец. языке «grüne Ökonomik», в русск. языке «зеленая экономика», в кырг. языке «жашыл экономика». Данные выражения означают безопасную экономику. Точно так же фраза «alles liegt im grünen Bereich» - «всё находится в зелёной области» означает, что всё в порядке, хорошо и находится под контролем. «*Diese Redensart geht auf die Anzeige von Kontroll- oder Regelautomaten zurück, die mit roten Feldern den Gefahrenbereich, mit grünen Feldern den normalen Arbeitsbereich markieren*» [Duden, 317: 294] (Эта поговорка восходит к отображению управляющих или регулирующих машин, которые отмечают опасную зону красными полями, а нормальную рабочую зону — зелеными полями). [Перевод наш Б.Г.]

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Анализ фразеологических единиц показал, что зеленый цвет обладает амбивалентным характером, включая как положительные, так и отрицательные символические значения. В системе цветообозначений существуют универсальные черты. Во всех трех языках мы обнаружили значения, связанные с "природой", "молодостью, неопытностью". Однако в немецком языке связь зеленого цвета с растительным миром прослеживается более широко, включая не только леса и деревья, но и весь природный ландшафт.

2. Языковое поведение слов *grün/жашыл/зеленый* объясняется заложенной в его семантику пропозицией «зеленый - это жизнь, молодость»

3. Концептуальное ядро «надежды» и «могилы» присутствуют только в немецком языке. Некоторые значения пересекаются в немецком и русском языках, например, оба языка используют зеленый цвет для обозначения «красивого, хорошего» и «неприятного».

4. В немецком языковом сознании представлена пропозиция «зеленый - это процветание, успех», которая применима к концепту «Человек». Когнитивные модели с цветовым прилагательным *зеленый*, реализующие данное концептуальное ядро, полностью отсутствуют в кыргызском и русском языках.

5. При выражении эмоций человека *grün/жашыл/зеленый* обладает отрицательной оценкой.

6. Большинство когнитивных моделей с *grün/жашыл/зеленый* в исследуемых языках имеют общую цветовую картину, так как большие участки видения мира совпадают.

7. Обнаруженные особенности восприятия цвета различными национальными культурами обусловлены социокультурными особенностями каждого народа.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОЛОРОНИМА «GRÜN – ЖАШЫЛ - ЗЕЛЕНый» В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ

3.9. Концепт цвета *gelb* / сары/ желтый

3.9.1. Этимологическая характеристика колоронима «*gelb* - сары - желтый»

Слово *gelb* (нем. «жёлтый») относится к германским прилагательным, обозначающим цвет. Оно имеет давнюю историю, уходящую к индоевропейской основе. В древневерхненемецком языке (8 век) оно существовало в форме *gelo*, в средневерхненемецком — *gel*, в древнесаксонском — *gelo*, в средненижненемецком — *gēl*, в средненидерландском — *ghēle*, а в современном нидерландском — *geel*, в древнеанглийском языке существовали формы *geolu* и *geolo*, что привело к современному английскому слову *yellow*, в древнескандинавском — *gulr*, а в современных скандинавских языках, таких как норвежский, шведский и датский, это слово сохранилось как *gul*. Это слово также имеет связь с санскритским *háriḥ*, что означает «бледный, желтоватый или зеленоватый», а авестийском языке — *zara-* («жёлтый, золотистый»), в древнегреческом — *chlōrós* (χλωρός), переводится как «бледно-зелёный, зеленовато-жёлтый». Латинское слово *helvus* означает «медово-жёлтый». В старославянском языке *zelenъ* и в русском зелёный также прослеживаются корни этого слова. Все эти слова восходят к корню *ghel(ə)-*, который обозначает «сиять, блестеть» и используется в значениях, связанных с цветами, особенно жёлтым и зелёным. Вариации этого корня — *ghel(ə)-* или *ghel(ə)-*. Таким образом, слово *gelb* связано с идеями блеска, яркости и окраски, отражая общее для многих языков представление о жёлтом цвете как о чём-то сияющем и выделяющемся [DWDS].

Слово «*сары*», означающее «жёлтый» в тюркских языках (например, в казахском, кыргызском, татарском), имеет древние корни. Оно восходит к пратюркскому корню *siarig*, который имел значения "жёлтый" и "белый". Этот корень дал начало множеству схожих слов в различных тюркских

языках, таких как древнетюркское *šariγ*, османское *sari*, азербайджанское *sari*, турецкое *sari*, башкирское *һары*, татарское *сары* и другие. Оно также ассоциируется с природными элементами, такими как степь, солнце или песок. В монгольском языке слово *шар* означает «жёлтый», что указывает на возможное взаимодействие языков, в древнетюркских памятниках слово *sari* употреблялось в значении «золотистый» или «светлый». В тюркской культуре жёлтый цвет часто ассоциируется с землёй, осенью и зрелостью. Может также символизировать богатство и свет (как золотистый оттенок) [<https://ru.wiktionary.org/wiki>].

В древнетюркском словаре указывается, что желтый цвет *сары* произошел от древнетюркского языка *сарык* - «желтый, бледный, соловый (о масти)» [ДТС, с.488]. К. Саматов отмечает, что об этимологии лексемы *сары* нет единого мнения. В этимологическом словаре тюркских языков мы насчитываем около 13 сем различного характера слова *сары*: «жёлтый; русый; рыжий; соловый; саврасый; сивый; седой, белый, светлый; бледный; яркий, красный; светлый, красивый; наливной, спелый; масло. [Саматов, 1997: 220-222]. Таким образом, слово «сары» имеет глубокие корни в тюркских языках и связано с обозначением светлых оттенков, таких как жёлтый и белый.

Слово «жёлтый» в русском языке восходит к праславянскому *žьltъ*, которое, в свою очередь, происходит от праиндоевропейского корня *ghel-* со значениями "сиять", "светлый", "жёлтый", "золотистый". Этот корень также дал начало словам в других индоевропейских языках, например, английскому *yellow* и латинскому *helvus*. В старославянском языке использовалось слово *жлъть* со схожим значением, от которого произошли формы в различных славянских языках: *жóвтий* (укр.), *жълт* (болг.), *жуѣт* (сербхор.), *žlutý* (чеш.), *żółty* (польск.) [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>].

В этимологическом словаре русского языка Г.А. Крылова желтый цвет определяется следующим образом:

*Общеславянское слово, образованное от основы *gīl* (кстати, к этой же основе восходят и такие слова, как *зеленый* и *золото*, образование которых не потребовало суффикса «т»). Обратим внимание, что родственные слова находятся в ряде других языков, например, в английском (*yellow*) или в немецком (*gelb*) [<https://lexicography.online/etymology/krylov/>].*

В.А. Семенов дает следующее определение:

*Древнерусское — *жълтый*. Старославянское — *жлъть*. Употребляется со значением цвета, который представляет собой нечто среднее между оранжевым и зеленым. Слово общеславянского происхождения. На Руси известно с XIII в. как прозвище. В письменных источниках в качестве прилагательного встречается с XIV в. Глагольные образования появились гораздо позже (только в начале XVIII в.). Похожим по значению и графическому оформлению является английское *gold* — «золото» [<https://lexicography.online/etymology/semyonov/>]. Таким образом, слово "жёлтый" имеет глубокие корни в славянских и индоевропейских языках, обозначая цвет, ассоциирующийся с сиянием и светом.*

3.9.2. Когнитивные, актуализирующие концепт «*gelb*– *сары* - желтый» в проverbsиальных единицах языка

Рассмотрим какой набор концептуальных ядер кроется за когнитивными моделями с цветовым компонентом *gelb/сары/ желтый*. В различных национально-культурных контекстах существуют уникальные подходы к анализу психологического и символического значения цвета. Роль определенного цвета для данной этнической группы в определенной степени отражается в эволюции названий оттенков этого цвета. В раннем христианстве, например, желтый цвет чаще всего имел положительное

значение, поскольку его связывали с Святым Духом, божественным откровением и просветлением. Изначально прототипом желтого цвета являлось солнце, который придавал яркость всему окружающему при каждом восходе солнца. Однако позже желтый цвет приобрел негативные оттенки, которые иногда сохраняются и в наши дни. Например, в искусстве Иуды (в роли предателя Христа) часто изображают в желтом, подчеркивая тем самым ассоциации с изменой. В эпоху расцвета готики желтый цвет стал ассоциироваться с изменой и разлукой, что подтверждается итальянской пословицей: "Chi porta il giallo, vagheggia in fallo" (букв. "Тот, кто носит желтое, блуждает в забвении" - желтый цвет - цвет разлуки), а также стал символизировать ложь, вероломство, бесстыдство и плохие намерения. В те времена, когда распространялась чума, в домах, где обнаруживалась болезнь, ставили желтый крест, что, возможно, также способствовало тому, что этот цвет стал символом болезни. В переносном смысле, психиатрические больницы стали называть "желтыми домами"³. Желтый цвет имеет негативный оттенок и как цвет умирающих листьев и переспелых плодов. Это объясняет, почему его повсеместно связывают с приближением срока смерти и загробной жизнью» [Трессидер, 1999: 44 - 45]. Символика желтого цвета определяется двумя полюсами его оттенков. С одной стороны, это теплый красно-золотой желтый цвет жизни. С другой, это холодный и резкий, или же блеклый и грязный желтый цвет болезни и смерти. «... Эмоциональное воздействие желтого, а, следовательно, и его символика зависят от его цветового тона, чистоты, фактуры» [Рогулина, 2006:118].

Иногда даже в рамках одной лингвокультуры очень тяжело однозначно определить символическое значение одного колоронима. Это различие ярко проявляется в когнитивах проverbsиальной системы языка.

---

³ www.zipsites.ru/books/simvolika tsveta

Так, в русском языке желтый цвет является цветом солнца, а значит, становится символом ясности, вечности. Солнце, счастье, яркая жизнь связаны именно с желтым цветом. В старинных обычаях, девушки желали друг другу «златокудрого жениха», наличие которого означало счастливую жизнь. В фундаментальной работе «*Farben: in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie*» И.Ридель [Riedel, 1999] проводит комплексный анализ цветов, приводит их архетипы, символику в разных культурах, в том числе и в немецкой. Как мы указывали ранее, практически во всех культурах цвета имеют положительную и отрицательную коннотацию. Положительное значение «gelb/сары/ желтый» имеет в том смысле, что желтый цвет связан с символикой солнца, света. В германской мифологии первые цветы, появляющиеся весной, посвящались богине весны Фрейе, и обычно эти цветы имели желтый цвет, такие как желтые звезды мать-и-мачехи, желтые нарциссы, тюльпаны, крокусы, первоцветы (примулы). Во многих сказках изображается герой или героиня с золотыми волосами, такой образ считается счастливчиком или баловнем судьбы, который находит свое счастье в любви. Волосы золотистого цвета обладают такой силой, что могут исправлять в сказках допущенные ошибки. Во многих культурах золотое кольцо считается символом обручения и верности в браке.

В отрицательном значении «gelb/сары/ желтый» связывают с какой-либо болезнью. Также, считается, что человеку, которого любишь, нельзя дарить ничего желтого, а желтые цветы на свадьбу приносят несчастье [Шмелев, 2002]. В Германии существует поверье о «желтом вдовце», который из-за недоброжелательства и зависти ворует маленьких детей. Духи умерших могут являться в образе желтых собак, считается, что тем самым они выражают зависть к живым. В народных поверьях от желтого призрака спасает палка, в которую вбиты желтые гвозди. Во многих мифах, легендах, сказках проявляется связь желтого цвета и золота. Считается

также, что в местах, где расцветают желтые цветы, следует искать зарытые в земле сокровища и клад. В старину считалось, что желтые цветы могут отворять запоры заколдованных замков, к примеру, первоцвет (примула, *Schlosselblume* – «замковый цветок»). Желтые цветы, а также желтый горох могут указывать путь к закопанному золоту, или они сами могут превращаться в золото [Riedel, 1999]. И.В. Гете в монументальном труде «Учение о цвете» отмечает, что при сдвиге в сторону холодных тонов желтый символизирует должников, рогоносцев и принадлежность к еврейской нации [Гете, 2015].

Концептуальное ядро данного колоронима в изучаемых нами языках связано с осенью - увяданием природы, со старостью и т.д. Хотя прототипом данного цвета вслед теории А. Вежбицкой, является солнце, оно не оправдывает своего языкового поведения, так как в результате наших исследований мы обнаружили, что желтый цвет ассоциируется скорее с болезнью, разлукой, тоской, увяданием.

Наиболее частотными в реализации значения концептуального ядра данных прилагательных являются когнитивные модели смысловых групп **«старость/ ветхость, болезнь»**.

В немецком языке *Gelb wie Wachs sein* – *жёлтый как воск* – означает "скверно, плохо выглядеть, болеть". В Европе жёлтый флаг означал карантин, а жёлтый крест – чуму.

В кыргызском языке *сары оору* «желтуха, глубокая печаль, большая забота». К примеру, во фразеологизме “сары ооруу” - *Түрмөдө журдүм зар болуп, сары оору кесел дал болуп (Токтогул)*, действительно, лицо человека, переживающего такие физические и психологические состояния, наверняка, приобретает желтый, желтоватый, бледно-желтый вид. Глагол саргаруу 1. «желтеть», «бледнеть». 2. «Бледный». *Саргайган өңү кубарып (фольк)* «Побледнев лицом». *Саргайган куба чөл менен* «По бледно-желтой степи». В основном, эта сема актуализируется в сочетании с *талаа* «поле», *чөл*

«пустыня» и өң «лицо». В русском языке есть болезнь – *желтая лихорадка*, *чума*, *желтый*, *как воск* - о желтоватом, болезненного цвета лице, коже; *желтый*, *как лимон* - о человеке с нездоровым, желтоватым цветом лица; *желтый*, *как шафран*, *желтый*, *как масленок* - о желтоватом цвете лица больного человека.

Концептуальным ядром для когнитивных моделей с желтым цветом является пропозиция «**желтый – неопытность, предупреждение**». *Er hat noch das Gelbe am Schnabel; er ist ein Gelbschnabel* – он ещё молод и неопытен. Эти выражения основываются на том, что клювы птенцов обтянуты светло-жёлтой кожей. К этому семантическому полю относится выражение *einem den Gelbschnabel zeigen* – «указывать кому-либо на его неопытность» [Фрумкина, 1984:176]. Из спорта пришло выражение *jmdm. die gelbe Karte zeigen* – «предупредить кого-либо». В футболе судья показывает жёлтую карточку игроку, нарушившему правила. В кыргызском языке *сары ооз балапан* – неопытный, молодой юнец. *Сен уядан жаңы чыккан сары ооз балапансың, такыр курсаксың (Сасыкбаев)*. В русском языке – желторотый птенец.

Во всех трех языках желтый цвет связан с негативным оценочным контекстом. Он задействуется при описании негативных эмоций, хотя сами когнитивные модели при этом различны. Отрицательная оценка присутствует в немецком фразеологическом обороте *vor Neid, Ärger gelb (und grün) werden* (букв, пожелтеть (позеленеть) от зависти и злости) «горькая досада, горечь, злость, зависть», *sich gelb und grün ärgern* «пожелтеть и позеленеть от злости». *Der gelbe Neid* - черная зависть (у немцев - жёлтая). В кыргызском языке *сары санаа* «сильное беспокойство, тревога» [Юдахин, 1965: 632], *сары убайым* «большая забота, большая печаль» [Юдахин, 1965: 797]. *Сары* выступает и как цвет злости, вспыльчивости. Кыргызская народная пословица гласит: *Кара кишинин ачуусу келгиче, сары кишинин жаны чыгат* «пока смуглый разозлится,

рыжий весь испепелится». В прикладном искусстве кыргызского народа *сары* олицетворяет пустыню, *сары чөл*, *сары талаа*. В русском языковом сознании злость ассоциируется с зеленым цветом, ср. *позеленеть от злости*. Также *ненависть*, *злоба* в русском языковом сознании ассоциируется с желтым цветом, ср. *желтый как ненависть* (о чем-либо болезненно-желтом, злобном лице). Также есть следующие кальки, *gelbe Presse* – русск. *жёлтая пресса*, в кырг. *сары пресса*, *gelbe Rasse* – *сары раса* «желтая раса» (обозначение монголоидной расы). В них предметно-номинативное значение трансформируется в символическое. Кроме того, объединяющим эти кальки (кроме *gelbe Rasse* – *сары раса* «желтая раса») компонентом является оценка. В них прагматический подуровень оценки выдвинут на первый план. Оценка не бывает однозначной, в одних случаях она бывает позитивной (*ein gelbes Wunder!* – *Невероятно!* в кырг. *сары таман, полная сил лошадь, вол*), в других негативной (*gelbe Presse*- *сары пресса*).

Ср.: *Асыйдан ашкан, күчкө толуп турган жылкы же өгүзгө карата айтылат. Эл чогулуп сойгонку, Сары таман бээ болгон (Казыбек). Бул жолку мингени ылоо эмес, бардар адамдын калаада окуган баласы сатып керегине жумшасын деген сары таман ат (Сыдыкбеков).*

Концептуальным ядром для когнитивных моделей с желтым цветом является пропозиция «**желтый – осень, увядание**». В немецком языке *goldener Herbst* - *алтын күз – золотая осень*. В кыргызском языке *сары талаа* «пожелтевшая степь, осенняя степь», *сары журт// короо* «место, где раньше стоял аул». Нельзя не отметить связь между названиями металлов и цветов. Конечно, что было первичным, металл или цвет, сказать очень трудно. Во многих языках существуют цвета, связанные с названиями металлов. В индоевропейском языке анализ названий «металлов» позволяет сделать вывод о тесной связи их с названиями «цветовых признаков». Каждый металл называется по его характерному цвету, к примеру, в нем. языке: *gold* (золотой, желтый цвет), в русск. яз: *золотой*, *златокудрий*

жених, парень с желтыми волосами, в кырг. языке: *зер - сары*, связано с золотом, алтындай сары (сравнение с золотом). С другой стороны, не исключено, что названия самих цветовых признаков возникли в соответствии с именами металлов, которые воспринимались по свойственным им цветовым признакам. Жёлтый цвет — это также цвет золота и осенней поры. В исследуемых нами языках золото и все золотистые оттенки имеют положительные коннотации, являются символом богатства, достатка. *Goldene Berge versprechen* обещать золотые горы, *sich eine goldene Nase verdienen* - быть богатым, грести деньги лопатой, *mit einem goldenen Löffel im Mund geboren sein* - родиться с золотой ложкой во рту, происходить из обеспеченной семьи. Выражения *es ist nicht alles Gold, was glänzt* - не все то золото, что блестит и *Morgenstunde hat Gold im Munde* - утренний час дарит золотом нас полностью совпадает с русскими значениями, в русск.яз. -золотая молодежь (дети из богатых семей). А вот выражение *dem Feinde goldene Brücken bauen* - облегчить противнику путь к отступлению, великодушно идти навстречу кому-либо - встречается только в немецком.

Зависть в немецком языковом сознании проявляется через желтый цвет, тогда как в кыргызском *зависть* не имеет цвета, в русском – зависть черная или белая. В кыргызском языке жадного человека называют *сары эсен* «жадный человек, считающий каждую копейку». *Сарамжалы сары эсен, Казына кедей мүлкү деп* (“*Жазгыч акындар*”). В немецком и русском языковом сознании желтый цвет не связан с жадностью. В немецком языке злость имеет как желтый, так и зеленый цвет, тогда как в кыргызском языковом сознании имеет *черный* цвет, *сары* «желтый» ассоциируется больше со вспыльчивостью, в русском языковом сознании злость ассоциируется с *зеленым цветом*. Данные когнитивные модели характеризуют различия в языковых картинах мира рассматриваемых языков. Нельзя не отметить и то, что желтый цвет в кыргызском языковом

сознании в какой-то мере несет в себе сему «грязный» (например, *сары тиштер* -грязные зубы), которая возможно была опорой в семантической инновации: *сары* «желтый» - «грязный» - «старый». А также *сары* используется в значениях «сухой», «высохший»: *сары талаа* – «сухая степь», *сары өзөн* «высохшее русло реки», *сары кар* «весенний, последний снег». Переосмысление, замеченное В. Радловым, желтая степь - сухая степь является логичным и закономерным, считает О. Молчанова [Молчанова, 2010:194]. Этимологический и семантический анализ показывают, что *сары* в составе ряда топонимов и устойчивых словосочетаний представляет также семы «главный, верхний, большой, много», а в обыденном сознании рядового носителя языка - семы различной иерархии цветового, и связанные с ними метафорического характера. Исходя из этого, ученые полагали, что в тюркских языках филиация произошла прежде всего на основе того экстралингвистического фактора, что бледное и желтоватое лицо человека является симптомом как физического, так и психического страдания, т.е. бледный и желтоватый цвет лица как признак страдания служил промежуточным звеном в переходе семы «желтый» в «большой». На примере следующих примеров можно найти подтверждение данному факту: *сары санаа* «сильное беспокойство, тревога», *сары убайым* «большая забота, печаль», *сары ооруу* «затяжная болезнь, желтуха».

Таким образом, рассмотрев колороним «желтый» в структурах когнитивной проverbsиальной системы немецкого, кыргызского, русского языков мы можем сделать следующие выводы.

1. Сочетаемость слов *Gelb/сары/ желтый* с именами, обозначающими явления окружающего мира, показала, что у всех этих прилагательных есть доминирующее концептуальное ядро, характерное для каждого из них и отраженное в большинстве когнитивных моделей, связанных с данными цветоименами: «желтый, ассоциируется с увяданием и болезнью».

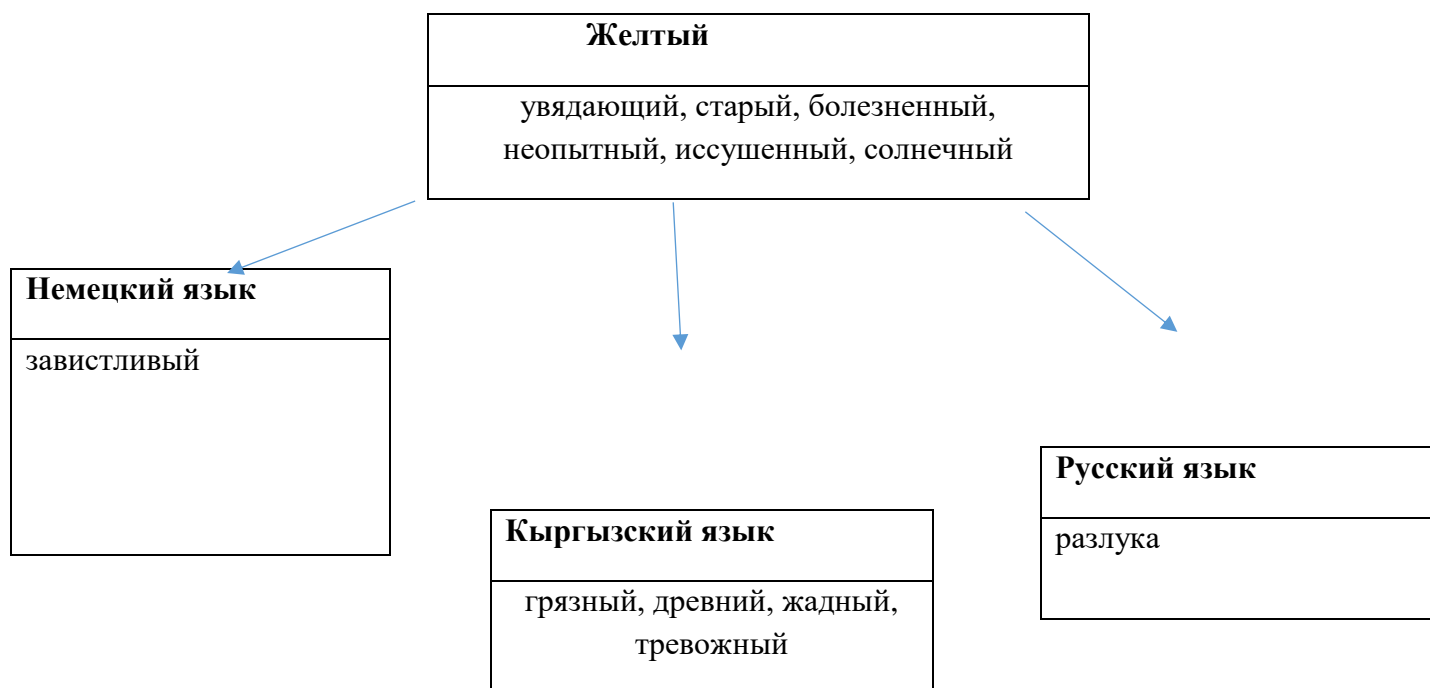
2. Во всех трех исследуемых нами языках когнитивные модели преимущественно опираются на прагматический уровень оценки несмотря на то, что сами когнитивные модели могут различаться.

3. *Сары* в кыргызском языковом сознании, как абстрактный колороним, покрывает в солнечном спектре определенную часть оранжевого и область желтого.

4. Колороним *желтый* в когнитивной структуре обладает как положительной, так и отрицательной коннотацией во всех трех языках. Положительное значение связано с ассоциациями со светом, солнцем и яркой жизнью, в то время как отрицательное связано с болезнью, так как считается, что больной человек приобретает нездоровый желтый оттенок кожи.

Колоронимы являются своеобразной лакмусовой бумагой, которые впитывают в себя все культурные и национально-специфические особенности народа, отражают его мировоззрение. Большинство колоронимов этнокультурно заряжены, так как они произошли из культурных особенностей, и сами являются культуuroобразующими элементами. Возможно, колоронимы, больше, чем другие аспекты языка, ориентированы на человека и культуру.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОЛОРОНИМА «GELB – САРЫ- ЖЕЛТЫЙ» В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ

3.10. О происхождении некоторых колоронимов в языковых семьях Евразии

Все известные нам колоронимы межъязыковые и встречаются в двух и более языках. Изучение их происхождения требует использования методов и приемов ностратики – одного из перспективных направлений компаративистики, предполагающей генетическое родство ряда языковых семей Евразии. Мы ограничимся рассмотрением этимологии только трех колоронимов.

Хорошо известно, что пракорень *kar «черный» в ностратических языках приобрело разные трансформы (kar/qir/kor/har/hor/kir/kur/čor/čer / kara/hara/kars/ke/kë и т.д.) и значения («черный», «темный», «грязный», «слепой», «глухой», «ночь», «могила», «грязь», «грех» и т.д.):

а) в монгольских языках: бур. хара, дагур. хар/хара, дунс., калм. хар, монгор. хара «черный»;

б) в тунгусо-маньчжурских языках: маньч. кара «черный», орок. кари «галка», сол. хара/харā «черный», эвен. кара «глухарь, глухой, тупой»;

в) в тюркских языках: аз., алт., баш., гаг., каз. и др. қара, узб. қора, як. хара, чув. хира «черный»; кырг., узб. кир «грязный»;

г) в афразийских языках: буддита karei «черный», жанжеро kaḡā «черный», герка kurgum «черный, темный, темнота» и др.;

д) в дагестанских языках: лезг. квару, цахур. к/арна, табасар. к/ару/к/еру/к/ара (в говорах) «черный», табасар. кьар, лезг. квар «ночь, грязь» и др.;

е) в дравидских языках: каннада kār «черный, чернота; сезон дождей», кодагу kara- «чернеть», там. kaḡu, куви kaḡia «черный», кота kār «черный» и т.д.;

ж) в корейском языке: кора-/кара- «черный», карамар/корамар «черная лошадь»; в японском языке: кара- «черный», др.-япон. куруу-/куро- «черный»;

з) в китайском языке: hē/hei «черный, темный, тупой»; ср. лобнор. қай/қайа «черный», уйг. қаа «черный», кирг. көө; бур., х.-монг. хөө, калм. кө/көө, дагур. хӯе «сажа, (бур.) черный уголь», саам. (уральск.семья языков) hi «черный» в последних примерах выпал звук -р;

и) в индоевропейских языках: др.-инд. kṛsna «черный, темный», греч. Karumon «черный», др.-в.-нем. horo «грязь, грязный», швед. qra «черный», рус. черный и т.д. [Зулпукаров, 2021а: 310-314; Зулпукаров, 2021б : 314-318]. Эти примеры убедительно подтверждают идею о единстве происхождения колоронимов ее значением «черный» в языках евразийского лингвоэтнокультурного пространства.

С данной точки зрения кратко рассмотрим номинанты значений «красный» и «желтый» в ряде языковых семей. При этом названия цвета «красный» мы можем возвести к пракорню *kus, рефлекс которого могли иметь разные трансформы: kus/kis/kys/kuz/kiz/kyz/kuž/kiž/kyž/krs/krus (с

инфиксом) и т.д. и значения: «красный», «темно-красный», «красно-желтый», «мак», «свекла», «кровь», «огонь», «красивый», «прекрасный», «краснеть», «багроветь» и т.д. В тюркских языках реконструируемый пракорень *kus «красный» представлено в трансформе *kuz и ее производных. Корневая морфема кыз в чистом виде не выражает семы цвета, а является номинантом значений «жара, огонь» (тур., чаг.) и «усердие, возбуждение» (др.-тюрк., чаг.). Корень кыз- имеет глагольные трансформы: 1) кыз-, кыз-, гыз-, қиз-, хыз-, қыс-, қыыс- (як.), хёр- (чув.); 2) қызы-, қизи-, которые имеют значения: 1) «накаляться, краснеть», «гореть, запылать, загораться, разгораться», «согреваться, делаться/быть горячим», «сделаться красным», «(по)краснеть», «пламенеть, багроветь», «воспламеняться», «оживляться», «стараться, стремиться», «возбуждаться», «входить в азарт», «нервничать», «горячиться», «сердиться», «раздражаться», «разъяриться», «температурить», «пьянеть, быть под хмельком» и др. [ЭСТЯ, 2000 : 189]. Как видим, в системе сем субстантивной и глагольных форм корня цветозначение расположено на периферии. Сема «красный» явно присутствует в дериватах этих корней: кырг. кызгалдак «мак», кызыл «красный», кызылча «свекла», кызамык «(мед.) краснуха», кызар- «краснеть» и др. Самым продуктивным номинантом красного цвета в тюркских языках является слово кызыл «красный» (алт., бал., баш., бар., гаг., каз., к.-калп., кар.т.г., кум., кырг., ног., лоб., сал., с.-юг., узб.диал., уйг.диал., халадж., чаг.) и его соответствия кызыл (аз., турк.), кызыл/гэзэл (сал.), қизил (лоб., узб., уйг.), хызыл (кр.-тат., хак.), хёрлё (чув.). Чувашское *p* всегда соответствует звуку *z* в других тюркских языках (чув. кёр «осень» - кырг. күз «осень», чув. ёбир «мы» - кырг. биз «мы», чув. тир- «нанизывать» - кырг. тиз- «нанизывать» и др.). Эти колоронимы образованы с помощью суффикса -ыл и передают значения: «красный» (почти во всех языках), «румяный» (алт., баш., каз., к.-калп., кум., кырг., ног., тат., турк., хак., чув.), «рыжий» (кар. т.г., тат., тоф., с.-юг., хак.), «рыжовато-светло-серый» (о масти животных, каз.), «бурый, сиреневый, рыжий» (хак.), «сивый» (о масти лошади, кырг.), «красивый» (уйг.диал., чув.), «яркий, солнечный» (чув.),

«умолот» (турк.), «чистое зерно; обмолоченные и отвеянные хлебные злаки» (к.-калп., кырг.), «зерно» (пшеница, каз.), «мясо» (кырг.), «золото» (аз., кырг., тур.диал., туркм.), «золотая монета» (в.-тюрк., тур.диал., чаг.); «скарлатина» (аз., тур.), «оспа» (уйг.диал.), «ржавчина» (баш.диал.).

Первичное значение общетюркского корня *кыз связано со светом огня. Об этом свидетельствуют вышеприведенные факты и аналог в славянских языках – корень куз-, связанный с процессомковки металла. Ср. болг. кузня «мастерская или цех для обработки металла ковкой», с.-хорв. кузница, рус. кузница, кузня; рус. кузло «кузнечная работа,ковка, кузнечный горн». И название горн «плавильная печь» напоминает др.-инд. ghrnas «жара, жар», польск. garnek «горшок» и др. слова.

С этой точки зрения общетюркское кыз- и славянское куз- могут быть сближены в плане происхождения. Если принять во внимание распространенность инфиксальной вставки звука р в корневую морфему, то к названиям семы «красный» могут быть отнесены слова красный, краснеть, краска, красить. Ср. аналогичные примеры: кырг. тескей/терскей «несолнечная, теневая сторона; северная сторона горы», бек/берк «правитель, феодальный властитель», в дагест. языках: бежит. сойа «лошадь» - хварш. сайро «лошадь», бежит. бохъ «солнце» - арч. бархъ «солнце», цахур., рут., агул., таб. ваз «луна» - лез., таб. варз «луна», бежит. бос «соха», глядаль.говор борос «соха», гипух. це «имя» - гунзиб. цару «имя» и др. На этом основании можно признать этимологическую идентичность русских корней куз- и крас- и вставленность инфикса р в название колоронима. Значение «печь» выражают слова с инфиксом р: литов. krosnis, лат. krāsns «печь», ср.-литов. grōžis «красота» [Фасмер III: 367]. В этом случае мы вправе привести для сравнения с этими корнями (kras-, grož-) примеры из других славянских языков: бел., рус., укр. краса, красота, украшение, красавица, болг., с.-хорв. краса «змея» (эвфемизм), словац., польск., чеш. krasa «красота», в.-луж., н.-луж. krasa «великолепие», которые сравниваются с др.-исл. hrosa «хвалиться», н.-исл. hros «слава», с.-хорв. красан «красивый, великолепный», польск. krasny

«прекрасный, пригожий», в.-луж. *krasny* «красивый» [Фасмер III: 367-368]. М.Фасмер видит развитие семантики в этих примерах так: «красивый» > «красный». Инфикс *r*, по-видимому, имеется и в паре кыргызских слов: кооз «прекрасный, великолепный» и короз «петух».

Приведенные выше сравнения дополняются и некоторыми другими фактами:

1) в алтайских языках: аз., др.-тюрк., каз., к.калп., коман., кр.тат. *қыза* «горн (о кузнице); печь для накаливания и переплавки металла или для обжига керамических изделий», п.-монг. *киса*, бур. *хяһа* «горн, оборудование кузницы», х.-монг. *хяс* «горн кузнечный, горнило», маньч. *хи́за* «горн (с мехом для плавки металла)» и др.; наличие морфемы чок (кырг. чок «горящие угли») в корейских названиях (чоксэк «краснота», чоксэгы «красный», чогын пуль «огонек») дополнительно поддерживает наши сближения;

2) в семито-хамитских языках: аккад. *hurāsk*, угар. *hrs*, др.-евр. *hārus* «золото» [Гамкр., Иванов II, с.174]; в некоторых тюркских языках золото называется, словом, *кызыл* «красный», см. выше;

3) в иранских языках: тадж. корни *хус-*, *хуш-* в словах *хусн* «краса», *хушрӯ* «красиво, красный, красавец» [РТС, 1985: 418];

4) в дагестанских языках: рут. *гъири* «красный», крыз. *ири* «гъири «красный» и т.д. [Хайд., с.104].

С общетюркским словом *кызыл* «красный», вероятно, этимологически связано слово *гөзел* «красивый». Ср. например, кар.т.к., кум., тур., турк. *гөзел*, аз., гаг., узб. *гөзэл*, в.-тюрк., ног. *козел*, кырг. *көзөл/көсөл* (диал.) *гөзэл*, тур.диал. *гузел/гузал/гузэл*, кар.к. *гузал* выражают значение:

1) «красивый, прекрасный, прелестный, очаровательный» во всех языках; «хорошенький, миловидный» (аз., тур.диал.), «кокетливый» (тур.диал.), «прелесть» (аз.), «красиво, прекрасно, прелестно, очаровательно» (гаг., кум., узб.), «роскошный, блестящий, великолепный» (аз.), «хорошо/хороший, прекрасно/прекрасный» (тур.), «видный» (гаг.), «нарядный» (каз.);

2) «красавица» (аз., гаг., кум., кырг., тур., турк.), «красавец» (гаг., кырг., тур.); «красота» (в.-тюрк.);

3) «любимая» (кырг., ног.), «возлюбленная» (ног.);

4) женский антропоним (тат., турк., узб.) [ЭСТЯ, 1980: 63].

Мы считаем слово гөзел фонетической трансформой общетюркского слова кызыл «красный», хотя существуют и другие предположения. Оно считается отглагольным образованием с аффиксом –л (ср. тур. *güzēm, güzüm* «милый, симпатичный, кокетливый», *gözçek* «красивый») или же связывается со словом *köz/göz* «глаз» (М.Рясенен) [ЭСТЯ, 1980: 63]. Есть основание сблизить это слово с араб. газель, фран. *gazelle*, рус. газель со значениями «горная коза из породы антилоп, отличающаяся стройностью и быстротой бега» и «стихотворная форма в восточной поэзии из рифмованных двустиший». Эти факты свидетельствуют о межкультурном и межэтническом характере приведенных названий.

С пракорнем *kuz «огонь, красный», по-видимому, связано также название этнонима кыргыз.

Известно множество гипотез о происхождении этнонима кыргыз. Ученые В.В.Бартольд, Н.А.Баскаков, А.Н.Кононов, К.И.Петров, Б.А.Орузбаева связывают название этноса с колоронимом со значением «красный»:

1) кырыг «красный» + -ыз (аффикс мн. числа); ср. слова эгиз «двойня, двойняшка», биз «мы» и др.; первоначально слово кыргыз имело значение «люди красных земель» (К.И.Петров);

2) кырыг «красный» + -ыз <-үз <-гүз <өгүз «племя», т.е. «красные огузы» (Н.А.Баскаков);

3) кыр/кыз «раскаленный, краснеющий» + аффиксы –кы//–гу с уменьшительно-множественным значением + -ыз с собирательно-множественным значением (В.В.Бартольд). [Орусбаева Б.Ө. Кыргыз тилинин этимологиялык сөздүгүнө материалдар. – Б., 2010. – 147 с. 109-110].

Этимологию немецкого *rot* «красный» тоже можно рассмотреть в аспекте ностратики и в связи с одним из эмотивов радости, предполагая, что красный цвет всегда вызывает радостное состояние духа и приподнимает настроение человека. Известно, что в древних индоевропейских языках корень *rud выступал в качестве названия металла, руды красного цвета. Приведем примеры из этимологического словаря М.Фасмера: лат. *raudus* «кусочек меди, медяк», ст.-слав. *ruda* «металл», в.-луж. *ruda* «железняк; красная земля», др.-сак. *arut* «руда», др.-норв. *ørtoq* «третья часть медной монеты», тох. В *ratre* «красный», тох. А *rtär* «красный», хотано-сакс. *rrusta-* «красный», греч. гом. *erudros* «красный», др.-ирл. *ruad* «краса», др.-исл. *rjódr, raudr*, гот. *rauds* «красный», др.-в.-нем. *rōt* (нем. *rot*), др.-англ. *reād* (англ. *red*), лит. *raūdas* «красный», др.-рус. *рудь* «красный» (Фасмер III : 711-712). Эти примеры сходны с шумер. *urudu* «медь», аккад. *Puratti* «Эвфрат» (топоним), где *-rat-*, вероятно, имеет значение «медь», поскольку название реки расшифровывается и понималось как река, по которой сплавляли «медную руду» (Дьяконов: с. 714). Известно, что пракорень *rad в древности был носителем не только «физических» и «химических» значений, он функционировал и как эмотив позитивного настроения. Ср. др.-инд. *rādhyati* «удаётся, справляется», авест. *rādaiti* «исправляет», др.-сакс. *radan* «советовать, замышлять», литов. *rodyti* «показывать», ирл. *imm-rādim* «обдумываю», а также с русским предлогом-послелогом *ради* (*ради матери – матери ради*), др.-перс. *rādiy* «ради», н.-перс. *rai* «ради» (см. значения слова *рай* в языках Евразии), др.-инд. *rādhas* «милость, благословение» (Фасмер III: 429-430). Рефлексы древнего корня мы находим и в других случаях: осетин. *rād* «ряд, порядок», болг. *ред* «ряд, порядок, строка», кырг. *ирет* «ряд, порядок, черед, очередь, удобный момент, удобный случай; раз», *раат/ыраат/ыракат/ырахат* «порядок, установление, обычай, блаженство, наслаждение, услада» [Арсланбекова, 2022 :242-250].

Теперь кратко рассмотрим межъязыковые номинанты цвета «желтый» с позиции этимологии. В языках Евразии немало корней, имеющих сходное или близкое звучание и значение. Их можно возвести к пракорню *sar «желтый» и

рассмотреть, как его современные рефлексы. Пракорень *sar мог трансформироваться фонологически в виде sar/zar/sor/zor/žor/sol/zol/zel/žol / šol/šar/šor/šyr/sara/sary (эпитеза)/jar/jer/ar/er (афереза) и т.д. и участвовать в выражении значений: 1) «желтый», «рыжий», «белокурый», «русый», «саврасый», «соловый», «оранжевый», «красный»; 2) «яркий», «светлый», «сияющий», «блестящий», «бледный»; 3) «охра», «золото», «железо», «серьга», «краска», «эмаль», «лак», «отрава»; 4) «топленое коровье масло», «желток», «желчь», «желтуха», «пепел», «зола»; «жар, жара»; 5) «солнце», «звезда», «заря», «сияние», «блеск», «осень», «август», «сентябрь»; 6) «желтеть», «бледнеть», «выцветать», «выгорать», «увядать», «блекнуть», «мертветь» и др. Номинанты цвета «желтый» и их трансформы представлены в различных языковых семьях Евразии. В тюркских языках сары (аз., алт., бал., гаг., каз., к.калп., кар., кум., кырг., ног., сал., тат., тур.), саары (турк., узб.диал.), сарă (чув.), сари (кум.диал.), хары (баш.), сару (тат.диал., тур.диал.), sārux (халадж.), сарығ/сериг/сариг, сайығ/сайық/саиқ (уйг.диал.), сариг, сарик, сајиг, сыйығ (узб.диал.), шарығ (хак.диал.), шура (чув.), арыы (як.). Л.С.Левитская реконструирует праформу в виде *саарығ, хотя с учетом многочисленности формы сары можно было принять ее за прототип. В двух языках (хак. и чув.) начальное с- чередуется с ш-, в одном языке (баш.), - с звуком х-. Эти соответствия не противоречат звуковым закономерностям тюркских языков и объясняют многие аналогичные факты. Приведенные выше слова тюркских языков передают значения: 1) «желтый» во всех языках, кроме якутского; 2) «русый» (к.калп., кырг., хак., чув.), «белокурый» (кум., тат.), «блондин» (алт., ног., узб., уйг., хак., чув.); «рыжий» (алт., бал., кырг., ног., тат., тоф., тур., турк., узб., уйг.), «светло-рыжий» (о лошади, кырг.), «оранжевый» (халадж.), «золотистый» (к.калп.), «соловый/желтоватый со светлым хвостом и гривой» (чув. сарă), «сивый, седой, белый, светлый» (чув. шура), «бледный» (алт., др.-тюрк., др.-уйг., каз., коман., тел., тур.диал.), «яркий, красный, светлый, красивый (о дереве), наливной, спелый» (чув. сарă), «желток» (баш., ног., тат., тур., турк.), «желтуха» (кырг., тат., узб., чув. сарă), «масло» (як.). Якутское

арыы < *сары появилось в результате афезы – падения начального с- (кырг. сүт / як. үт «молоко», кырг. суу / як. уу «вода», кырг. сен / як. эн «ты»), а его значение – в результате свертывания, компрессии словосочетания: определяемое существительное перестало употребляться, а его значение «субстантивировало» определение: сарыы май «желтое (топленое коровье) масло» > арыы «желтое (топленое коровье) масло». Ср. рус. передняя комната > передняя, столовая комната > столовая, где определение приобрело значение выпавшего определяемого существительного [ЭСТЯ, 2003: 206-207].

Общетюркское слово сары «желтый» имеет соответствия:

1) в тунгусо-маньчжурских языках (преимущественно в названиях масти животных): а) маньч., сол., эвенк. ʒэрдэ «рыжий (о масти лошади)», маньч. ʒархо/ʒарху/ʒархун «шакал, гиена», орок. ʒалгури «красный волк», ульч., эвенк. ʒаргул «шакал», уд. ʒагу < ʒагу «красный волк»; б) эвенк. сирга «соловый», маньч. сирға «желтовато-белая кабарга; соловая лошадь» (корни ʒар-, ʒэр-, сир-);

2) в монгольских языках: а) монг. сира «желтый», п.-монг. зэгэрдэ «рыжий», бур. зээрдэ, монг. зээрд «рыжий»; б) х.-монг., калм. шар, бур., даг. шара, монгор. шіра, дунс. шыра «желтый, рыжий, русский, желток»; х.-монг., калм. шар-, бур., дунс. шара-, монгор. шіра «жарить (мясо); греться, загорать; (х.-монг., бур.) золотить, серебрить», бур. шаралдай «желтая полынь, осот»; х.-монг., бур. шарга, калм. шарh «соловый, палевый; (бур.) ласковый (о солнце)»; бур. шураг «бусы, ожерелье» (кырг. шуру «коралл, коралловое ожерелье»).

Приведенные здесь материалы позволяют связать происхождение номинантов краски в алтайских языках от колоронима со значением «желтый» (*sar > шар/сыр):

1) в монгольских языках: п.-монг. сир «лак», х.-монг. шир «натуральная краска», бур. шэрэ, калм. шире «краска»;

2) в тюркских языках: алт., баш.диал., гаг., каз., к.калп., койб., кум., кырг., саг., тат., тел., тур., турк.диал., узб.диал., уйг.диал. сыр, тур.диал., узб., уйг.,

чаг. сир, чув. сӑрӑ, уйг.диал. сий, баш. хыр со значениями: 1) «краска» (во всех языках, кроме алт., баш., гаг., койб., тат., тел., тур., уйг.); «киноварь» (алт., др.-уйг., каз., койб., саг., узб., чаг.), «охра» (каз.); 2) «цвет» (алт., гаг., тел., турк.диал.), «глазурь» (тур., узб., уйг.), «облицовка на глиняной посуде» (тур.диал.), «полировка» (алт., кырг., уйг.), «лак» (тур.диал., уйг.), «окраска, покрывание глазурью» (уйг.диал.), «эмаль» (к.калп., кум., узб.), «палитра» (к.калп.), «амальгама для зеркал» (гаг., тур., узб.), «резьба, нарезка» (тат.), «резной узор» (баш.); 3) «красный, пестрый» (алт., койб., саг., тел.). Как видим, межтюркское слово сыр «краска» имеет множество семантических дериватов, связанных с развитием технологии ремесленного производства, и возникло, вероятно, на почве китайского языка (М.Рясенен, Г.Дёрфер, Г.Рамстедт, К.Зулпукаров и др.) и восходит к общеевразийскому протокорню *sar «желтый». Древнекитайское слово *qir [цыр] «желтый, краска» под действием закона открытого слога потеряло конечный звук –р и получило благозвучие, рифмуемое с, другими словами, с конечными гласными (С.Е. Яхонтов), и семы искусства и технологии [Введ, с.496-512, 671]. В тюркских языках имеются и такие рефлексы пракорня *sar «желтый», как йар-/жар-/сар-/чар-, встречающиеся в словах со значениями «утро», «завтра», «свет», «светить», «сиять», «светится», «блестеть», «сверкать», «озарятся светом, рассветать», «освещать(ся)», «радоваться» и др. Ср., например, др.-тюрк. йарқын «свет», як. сарсын «завтра», чув. сурам «заря», кырг. жарқын «светлый», узб. йорқин «ясный, яркий» и др. [ЭСТЯж., 1989 : 147, 134-135). Эти корни сравниваются с монгольскими корнями, восходящими к протокорню *sar «желтый»: йар-/жар-/жир-/зер-/зул-/джил- и другими с семантикой света: 1) калм. йар- «мерцать», зервк- «мерцать (при ярком солнечном свете), жиргл- «мерцать, блестеть, промелькнуть», бур., х.-монг. жарга-, калм. жирh-, даг. джарга-, ордос. джирга- «наслаждаться, блаженствовать, быть счастливым; ложиться ночевать, засыпать; закатываться, гаснуть (о небесных светилах)»; 2) калм., х.-монг. зул, бур. зула, бао. джила, дунс. джула, монгор. джілӑ «ломпада, жировая лампа; свечка» [ЭСМЯ, 2016 : 78, 89 III 2018, с.222]. В чувашском языке

значение пракорня *sar «желтый» получило обширное множество сем (см. выше), среди которых особо выделяется сема «красный» (сар̄ х̄ер «красная девица»), сравнимая с бурятским шара «красный» (бур. шара наран «красное солнце» - чув. сар̄ х̄вел «красное солнце»). И глагольная основа в нем соответствует корню, имеет безаффиксальную форму: шур- «выцветать, выгорать, увядать, блекнуть, бледнеть, мертветь». В других языках основа глагола включает в себя аффиксы: куман., кырг., тат. сарғар- «желтеть, бледнеть», сарғай- «желтеть, увядать...».

Рефлексы евразийского пракорня *sar «желтый» имеют место и в других языковых семьях:

1) в славянских языках: 1) рус. заря, зоря, зори (мн.), зарево, озарить, болг. зоре «утренняя звезда, утренняя заря», заря «луч, свет, утренняя заря», чеш. zare «сияние, блеск, свет», укр. зоря «звезда, заря», в.-луж. zora «заревое»; др.-рус. жератькъ «пепел, зола», рус. жар, жара, жерев «горящий, раскаленный», чеш. žeravу «раскаленный, полный жара»;

2) в балтийских языках: др.-прусс. sari «жар», литов. žarija, (мн.) žaryjos «раскаленные уголья», žara «заря», žeretі «сверкать, блестеть», žeruoti «тлеть, светиться»;

3) в иранских языках: перс. zar, тадж. зар «золото», перс. zarbat «золототканая ткань, парча», где zar «золото» и bāften «ткать»; финальное чередование z/ž/h/q позволяют отнести к данной группе примеры из других индоевропейских языков: рус. гореть, гарь, греч. haronos «лучезарный», др.-инд. hargas «жар, пламя»;

4) в уральских языках: венг. sarga «желтый», мар. sare «желтый», самод. sār «сероватый, желтый», saug «золотисто-желтый»;

5) в семитских языках: араб. шарк «восток»; К.К.Юдахин считает кырг. саар/заар/зоор «раннее утро, предрассветное время» арабским заимствованием [I, С.286, 292].

6) в дагестанских языках: рут. ч/урды, цах. ч/орка, крыз. ч/аьрыд «желтый» [Хайд., с.104].

Понятно, не все примеры возводимы к пракорню прямо, непосредственно. Некоторые из них возникли в языках как заимствования. В этом случае мы вправе говорить о межкультурных лексических общностях.

Выводы по 3 главе

В третьей главе нашего исследования мы провели исследование когнитивных моделей в привлеченных к исследованию нами языках, для определения концептуального ядра цветоимен. В частности, мы определили научный аппарат исследования, на основе которого мы рассмотрели

когнитивно – семантическое разнообразие колоронимов в языке. Также на примере трех колоронимов мы рассмотрели их происхождение в языковых семьях Евразии с использованием методов и приемов ностратики. Колоронимы, связанные с цветами, встречаются в разных языках и имеют общие корни. Например, пракорень *kaŋ обозначает "черный" и встречается в разных языках Евразии с различными значениями, такими как "грязный", "темный" или "ночь". Аналогично, корень *kus, означающий "красный", встречается в тюркских языках и связан с понятием огня, жара и других ярких ассоциаций. Колоронимы, такие как "красный", "черный", имеют глубокие исторические и культурные корни, что подтверждается их распространением в разных языковых семьях и значениями, связанными с природными явлениями и эмоциями. К исследованию было привлечен солидный фразеологический материал в исследуемых языках.

В результате мы пришли к следующим выводам.

1. Было выявлено, что концепт цвета связан с ассоциативным пространством. Ассоциативная организация связей является одной из моделей хранения информации в человеческой памяти. Каждое слово запускает сложный механизм ассоциативных связей, формируя его образ в лексической памяти носителей языка. Понимание слов осуществляется через осознание ассоциаций и связывание смыслов.

2. Основной единицей цветовой картины мира является языковой знак. Цветовая когнитивная модель формирует словосочетания с цветовым компонентом, опираясь на концептуальное ядро семантики цветообозначений. Это ядро включает прагматический уровень, охватывающий оценочные и эмоциональные аспекты. Когнитивные модели объединяют два типа знаний: образное, связанное с внутренней формой, и рациональное, отражающее значения. Внешний семантический уровень фиксирует общие представления о цветообозначениях и стереотипные ситуации, тогда как концептуальное ядро хранит знания о конкретных, но обобщённых и переосмысленных ситуациях, связанных с восприятием мира. Цветовые когнитивные модели

также учитывают культурные, социальные и географические особенности окружающей среды, формируя второй уровень описания цветовой картины мира после референтного.

3. Реконструкция цветовой картины мира производится на основе когнитивных моделей, которые разделены на тематические группы на основе анализа цветowych прототипов.

4. Семантика цветowych прилагательных связана с основной идеей или так называемым концептуальным ядром. Исследование концептуального ядра позволяет глубже понять ее природу через сочетаемостные особенности прилагательных. Концептуальное ядро в семантике прилагательного влияет на его коннотативное значение.

5. Проведенное исследование и анализ цветowych прилагательных демонстрирует значительное сходство в цветовом представлении о мире у немецкого, кыргызского и русского народов. Рассмотренные фрагменты цветowych картин формируются преимущественно из схожих когнитивных моделей, что подтверждается едиными концептуальными ядрами для соответствующих цветообозначений. В цветowych фрагментах белого тона во всех трех исследуемых нами языках актуально коцептуальное ядро «белый - свет», «белый – яркий, видный, заметный, чистый». Белый всегда ассоциируется со светом, чистотой, идеалом, мудростью, невинностью и скромностью. Тогда как в фрагментах красного тона объединяющей является пропозиция «красный- заметный, видимый». Для фрагментов черного тона характерна пропозиция «черный- темный, невидимый», поэтому цвет «черный» несет в себе чаще отрицательную оценку – «черный» - плохой, коннотации печали, горя, скрытности, тайны. В кыргызском, в русском, и в немецком языках *черный* и *белый* цвета достаточно активно используются при описании волос и бороды человека. При этом черный цвет более естествен при описании данных частей тела человека. Он может иметь как прямое, так и метафорическое значение. *Белый цвет* в исследуемых нами языках нередко ассоциируется со значением «красивый» при описании внешности женщин.

Но чаще всего во всех исследуемых языках белый цвет употребляется в значении «седой» при описании волос и бороды человека.

Фрагменты синего цвета в немецком и русском языках несут в себе семантику холода, имеют также больше отрицательную оценку, в то время как в кыргызском языковом сознании «көк» имеет больше положительную оценку, связано с небом, так как данный цвет покрывает широкий диапазон цветов от синего-фиолетового – зеленого цветов. *Желтый цвет* – в исследуемых языках имеет концептуальное ядро «желтый – цвет старости, увядания, болезни» и несет в себе также отрицательную коннотацию. В когнитивных моделях с цветом «зеленый» актуальна пропозиция «зеленый – молодой, цвет жизни и растительности». Смысл когнитивных моделей с серым цветом заключается в идее «незаметности, безликости» в немецком и русском языках. В кыргызском языке «серый цвет – печаль, болезнь». Большинство когнитивных моделей указывают на общность цветового менталитета.

6. Но, несмотря на некоторую общность цветовой картины мира в исследуемых языках, мы выявили также национальную специфику. Так, например, в кыргызском языке *ак* обладает концептуальным ядром «красивый», русский *белый* обладает концептуальным ядром «святой», кыргызский *кара* несет в себе концептуальное ядро «сильный», русский *серый* – «невежество», немецкий *rot* – «опасный», «угрожающий», *grün* – «символ процветания, успеха», *боз* – «молодость, неопытность», *сары* – болезнь, тревога..

7. Также необходимо отметить тот факт, что на значения цветовых прилагательных влияет соотношение концептуальных ядер «яркий» и «тусклый». В исследуемых нами языках мы отметили, как цветовые ассоциации развиваются в зависимости от контекста и культурных факторов. Например, при усилении цвета *серый* развивает значение «больной, невежественный», *желтый* развивает значение «старый» и чем ярче синий, тем больше он развивает значение «холода и ооченение». Цвета могут

передавать не только визуальные характеристики, но и более глубокие смыслы, связанные с состоянием человека или его эмоциональным состоянием.

В немецкой, кыргызской и русской языковой картинах можно проследить, как тусклые оттенки часто ассоциируются с негативными аспектами, такими как болезнь или старость, тогда как яркие цвета могут символизировать жизнь и здоровье. Это может быть связано с культурными стереотипами и историческими контекстами, которые влияют на восприятие цвета.

Заключение

Цвет, как важный элемент визуального восприятия, играет ключевую роль в фразеологизации языка. Интеллектуальные процессы формируют первичное восприятие мира, которое затем структурируется языком, отражающим особенности конкретной культурной группы. Изучение языковой фразеологии, особенно с элементами цветообозначения, подчеркивает культурные и социальные аспекты значений. Цветовые компоненты фразеологизмов представляют собой высокую образность и подвергаются переосмыслению. В нашем исследовании проанализированы характеристики цветowych картин мира и реконструированы фрагменты немецкой, кыргызской и русской цветowych систем, которые отражают знания народа о природе, культуре и географии, а также его цветовой менталитет. Реконструкция цветовой картины мира производилась нами на основе анализа когнитивных моделей фразеологических средств языка, и на основе анализа прототипов и концептов. В зависимости от сходства и различий в когнитивных моделях немецкого, кыргызского и русского языков были выделены модели, которые характеризуют общий цветовой менталитет, а также модели, отражающие уникальные аспекты восприятия цвета в каждом языке. Кроме того, были выявлены структуры, относящиеся к универсальным характеристикам.

Основные результаты проведенного когнитивного сопоставительного исследования фрагментов немецкой, кыргызской и русской цветowych картин мира на основе концепта «*цвет*» следующие:

1. Семантика большинства цветowych прилагательных связана с определёнными идеями и значениями. Истоки этих идей можно выявить через этимологию, анализируя, как слова использовались в различных контекстах, а также через их сочетания. Смысл этих слов оказывает влияние на их коннотативные значения.

2. Исследование категоризации цветового пространства в немецком, кыргызском и русском языках не выявило значительных различий на уровне базовых цветоимен. Категоризация цветов в этих языках во многом схожа, что, вероятно, связано с универсальными принципами наименования, присущими языку как результату психической деятельности. Также, по нашему мнению, на кыргызский язык оказал влияние русский язык, поскольку в период существования СССР кыргызы были билингвами, и русский язык сыграл роль в развитии кыргызского, в том числе в образовании фразеологизмов.

3. Метафорическое насыщение в большей степени присуща кыргызской и русской системе цветообозначений. Сходство в цветопонимании немецкого, кыргызского и русского языкового сознания заключается в их одинаковом прочтении в онтологическом регистре при описании предметов окружающей действительности. Коммуникативный регистр характерен только для немецких и русских цветоимен, в кыргызском языковом сознании это представлено наименьшем количестве. Большую смысловую нагрузку в коммуникативном регистре несет *белый, голубой, ак, кара*. В немецком языке нет мотивационных оснований для образования на основе цветовой системы слов, адресованных человеку. Цветообозначения в немецком и русском языках задействованы в образовании кличек животных.

4. На основе проведенного анализа можно сказать, что в смысловом членении цветового пространства у немецкого, кыргызского и русского народов наблюдается значительное сходство. Фрагменты цветowych картин мира слагаются из сходных когнитивных моделей. В них выделяются одинаковые основные концептуальные ядра. Так, например, в цветowych фрагментах белого тона устойчивая ассоциативная связь («свет - огонь») образует концептуальное ядро «белый — это различимый», «белый — это чистый»; во фрагментах красного тона объединяющей является пропозиция «красный — видимый, яркий». Когнитивные модели с цветовым компонентом черного тона связаны с идеей «черный - опасный», из этого следует ярко выраженная отрицательная оценка (черный цвет - «плохой»), коннотации

незаметности, скрытности, мрачности, печали. Фрагменты цветовой картины мира желтого тона связаны с объемом смысла «желтый — это болезнь, тревога, разлука». Цветоимена зеленого тона связаны с идеей «жизни», «растительности». Для кыргызского языка характерно выражение зеленого тона в языковом сознании через цветоименование *синий* – *көк*. Исследования показали, что в немецком языке фразеологические выражения, в которых присутствует семантический компонент "синий/голубой цвет", в большинстве случаев несут негативную коннотацию, связанную с пьянством, ложью, физической расправой. Нейтральная коннотация, такая как неизвестность, неопределенность или решение проблем, занимает второе место. Третье место занимают характеристики профессий, такие как мореплавание или военная тематика, а позитивное значение фразеологизмов, указывающее на благородное происхождение человека, встречается редко. В кыргызском языке цветоименование *көк* покрывает широкий диапазон от голубого – зеленого- фиолетового - синего. Серый цвет в изучаемых языках связан с идеей «серый - незаметный». Когнитивные модели с указанным компонентом обладают отрицательной оценкой и имеют коннотации близости, незаметности. Сходство когнитивных моделей цветоимен связано с общими социально-историческими условиями жизни народов и опытом поколений. Многие когнитивные модели подчеркивают единство цветового менталитета. Различия в смысловых ядрах этих моделей можно объяснить уникальными культурно-историческими условиями, в которых существует тот или иной этнос. Концептуальное ядро прилагательного «кызыл- красный» имеет большое разнообразие значений: «яркий», «видный», «красивый», «лучший», «хороший», «любимый». Немецкое прилагательное «rot» лишь двумя смыслами: «яркий», «опасный». На более глубоком категориальном уровне когнитивных моделей с цветоименами можно наблюдать сходство, которое отражает универсальность менталитета. При анализе фразеологических выражений с компонентом "красный" мы обнаружили, что в кыргызском и русском языках эти выражения могут относиться к здоровью

человека, в отличие от немецкого языка. Например, в Древней Руси человек с красным лицом считался здоровым, в то время как бледный человек считался больным. Например, фразеологизм "кровь с молоком" используется для описания людей с хорошим, здоровым цветом лица. Здесь стоит отметить, что в данном случае семантику отсутствующего прилагательного "красный" несет слово "кровь". В кыргызском языке также людей с красным лицом, описывают как здорового человека. К примеру, «Көгала чокчо сакалдуу, маңдайы жарык, эки көзү жаштыкындай балбалдаган, жүзү кызылдуу адам экен...» (Т.Касымбеков, “Сынган кылыч”).

5. Надо отметить, что при описании человека доминантными являются смысловые ядра «светлый- темный, тусклый». Также в языковом сознании изучаемых языков существует особая группа слов в системе цветообозначений для обозначения масти животных. Когнитивные модели данной смысловой группы показывают характер цветового менталитета.

6. Существует функционально-семантическое пересечение когнитивных структур, связанных с названиями некоторых цветовых обозначений. Речь идет о фразеологизмах с компонентом цвета, значения которых совпадают во всех трех исследуемых языках. Например, в немецком языке: «Rotes Buch», в кыргызском: «Кызыл китеп», в русском: «Красная книга». В немецком языке: «einen roten Kopf bekommen», в кыргызском: «уялгандан кызаруу» (покраснеть от стыда), в русском: «покраснеть» и т.д. Эти синонимичные фразеологизмы подчеркивают общие культурные и языковые темы, которые перекликаются между разными языками, и демонстрируют, как разнообразные культурные контексты могут выражаться в цветовой картине разных народов.

7. Основные различия между фрагментами цветовых картин мира в исследуемых языках в основном количественные, а не качественные. Они проявляются в степени значимости тех или иных когнитивных структур в соответствующих фрагментах, что существенно влияет на строение исследуемого цветового фрагмента. Например, в арсенале немецких когнитивных моделей цветообозначений красного тона его объем значительно

меньше, чем в кыргызском и русском. Различия в количественном представлении когнитивных структур и акцент на определенных аспектах мира указывают на избирательность цветового менталитета. Таким образом, количественные различия могут приобретать качественный характер, отражая национальный менталитет в цветовых когнитивных структурах.

8. Эмотивный и оценочный факторы по-разному представлены в рассматриваемых когнитивных структурах. Например, для немецких и русских фразеологических единиц с компонентом синего тона характерен в основном негативный оценочный уровень, тогда как в кыргызских структурах этот цветовой оттенок все больше приобретает положительную оценку. В целом можно говорить о преобладании позитивной оценки в немецких когнитивных структурах с компонентом grün «зеленый» и weiss «белый». В русских когнитивных структурах с компонентом *зеленый* на первом плане присутствует оценка «плохо».

9. Цветовые термины, отражают особенности культуры и национального менталитета народа, являясь своеобразным отражением его мировоззрения. Так, например, в структуре когнитива колороним «желтый» включает как положительные, так и отрицательные коннотации во всех трех языках. Положительная коннотация связана с ассоциациями со светом, солнцем и яркой жизнью, в то время как негативные ассоциации могут быть связаны с болезнью, так как бледный или желтый цвет лица ассоциируется с нездоровьем.

10. Цветоимена, главным образом, обладают этнокультурными оттенками и являются продуктом культурного влияния, формируя культурные стандарты и ценности. Они играют ключевую роль в формировании культуры и, возможно, даже более существенную, чем любая другая лингвистическая область, отражая антропоцентричные и этноцентричные черты общества. Несмотря на изменения в интерпретации цветовых символов в течение истории, их основной смысл остается неизменным. Желтый цвет, например, сохраняет первоначальный символический смысл, даже если лишится

внешних ассоциаций, так как его значения определяются культурными традициями и опытом.

11. Основными антонимичными цветообозначениями в кыргызском языке, как и в других языках, являются *ак* и *кара*. Например, *ак жүрөк - кара жүрөк*; *ак ниет - кара ниет*; *ак сөөк - кара таман* и т.д. В процессе исторического развития любого языка под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов в большинстве слов происходят изменения в семантическом отношении, в результате которых появляются переносное (коннотативное) значение. Переносное /коннотативное/ значение обычно мотивируется через прямое. Это происходит на основе сходства предметов по форме, по цвету, по характеру движения и т.д. Согласно довольно распространенному взгляду во всех языках существует общая тенденция движения от конкретного к абстрактному. Это касается и прилагательных цвета. Доля денотативного содержания в лексическом значении слова зависит от характера наглядно-чувственного представления. Чем обобщеннее, абстрактнее наглядно - чувственное представление, тем меньше доля денотативного содержания.

Семантический потенциал фразеологических сочетаний исключительно велик при употреблении их в переносном значении. Особенно это касается слов, обозначающих цвет в разносистемных языках. Наличие у них переносных значений, выходящих далеко за пределы собственно цвета, дают возможность для образного и колоритного восприятия окружающей действительности. В кыргызском языке слова *ак чач - кара чач*, *ак сакал - кара сакал* являются цветовым семантическим переосмыслением противопоставленных понятий «старость - молодость». И слово *ак* как определение старости имеет несколько негативное значение, а слово *кара*, наоборот, позитивное. Таким образом, мы приблизились к содержательным характеристикам концепта "цвет". Информация о самом цветовом признаке в концепте относительна. Колорит идиом связан с индивидуальными ассоциациями, народными верованиями и представлениями, историко-

культурным опытом. Сопоставление анализируемых единиц показало этноспецифичность колористических предпочтений носителей разных лингвокультур. Цвет представляет собой сложную, часто противоречивую совокупность положительных и отрицательных оценок и эмоций, отражающих национально-культурную специфику этнической среды.

В заключение мы можем подвести итог проведенному исследованию цветообозначающей лексики в трех языках — немецком, киргызском и русском. Положения, выдвинутые на защиту, нашли свое подтверждение. В ходе работы были выявлены как универсальные, так и национально-специфические черты концепта «цвет», что позволило лучше понять механизмы функционирования языковой картины мира в контексте межкультурной коммуникации.

Во-первых, подтверждена асимметричность семантической структуры слов, обозначающих цвета в разных языках. Несмотря на их общий базовый набор, смысловые и когнитивные различия проявляются на уровне как бытового, так и культурного восприятия. Это подчеркивает уникальность каждой языковой системы в отражении и классификации мира через цвета.

Во-вторых, были выделены универсальные компоненты концепта «цвет», включающие зрительные, тактильные и другие образы, общие для всех трех исследуемых языков. Однако культурная специфика ярко выражена в паремиологических и социально-культурных зонах, где национальные традиции и менталитет оказывают значительное влияние на восприятие цвета.

Третье важное заключение состоит в том, что колоронимы носят межъязыковой и межкультурный характер, что подтверждает важность сравнительного анализа этимологии как родственных, так и неродственных языков. Это открывает перспективы для дальнейшего изучения межкультурных взаимодействий через призму лингвистических символов.

Кроме того, исследование показало, что восприятие и упорядочивание доминантных цветов различается в сознании носителей разных языков. Это подчеркивает сложность концепта «цвет» и его многослойную структуру,

которая в каждом языке образует микроконцептосферу, отражающую как общие, так и уникальные признаки национальной языковой картины мира.

Таким образом, концепт «цвет» не только выражает универсальные принципы восприятия, но и является отражением культурных, социально-исторических и когнитивных особенностей этносов. Он характеризуется многоуровневой организацией и дихотомичностью, что подчеркивает его гибкость и неоднородность в языковом пространстве. Данное исследование способствует лучшему пониманию взаимодействия универсального и специфического в языках, а также открывает новые возможности для анализа культурных различий через лингвистические концепты.

Полученные результаты основаны на анализе довольно существенного и показательного материала с цветовым компонентом. Исследование позволило определить значимость и определить роль цветового восприятия окружающего мира в языковом сознании немецкого, кыргызского и русского народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абишева, С. И. Цветоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / С. И. Абишева. – М.: Павлодар, 2009. – 116 с.
2. Абдраева, А. Т. Кыргыз жана англис тилдеринде адамдын жүрүм – турумун мүнөздөөгө байланыштуу паремиялар [Текст] / А. Т. Абдраева. – М.: 2022. – 243 с.
3. Азнаурова, Э. С. Стилистический аспект номинации словом, как единицей речи [Текст] / Э. С. Азнаурова, Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – С. 86-128.
4. Агостон, Ж. А. Теория цвета и её применение в искусстве и дизайне [Текст] / Ж. А. Агостон. – М.: Мир, 1982.
5. Алимпиева, Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексикосемантической группы (На материале прилагательных-цветообозначений русского языка) [Текст] / Р. В. Алимпиева. – Л.: ЛГУ, 1986. – 184 с.
6. Алымова, Е. Н. Ассоциативная лингвоцветовая картина мира [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9 Филология, востоковедение, журналистика. – 2007. – Вып. 2, ч. 2. – С. 74-77.
7. Алпатов, В. М. Семантика цвета в японском языке [Текст] / В. М. Алпатов. // Слово в языке. «Языки славянских культур». – М.: РАН, 2011. – С. 21-26.
8. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – ISBN 978-5-9765-0813-2, 978-5-02-034839-4.
9. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н. Н. Амосова. – Л.: ЛГУ, 1963. – 208 с.
10. Аминова, Л. В. Структурно-семантические особенности молодежного сленга в английском и французском языках [Текст] / Л. В. Аминова. – Дис... канд. филолог. наук. – Уфа, 2004. – 197 с.

11. Антипов, А. Г. Факторы фразеологизации значения производного слова [Текст] / А.Г. Антипов, О.В. Стрыгина // Наука и образование: материалы конференции / Отв. ред. Е. Е. Адакин. – Белово: БФ КемГУ, 2000. – С. 17-20.
12. Апресян, Ю. Д. Избр. труды. Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) [Текст] / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1995. – Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 464 с.
13. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) [Текст] / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
14. Арнольд, Г. И. Становление системы цветообозначений в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Г. И. Арнольд. – Минск, 1977. – 20 с.
15. Артемова, А. Цвет в английских идиомах [Текст] / А. Артемова, О. Леонович, Г. Томахин. – М.: АСТ Восток-Запад, 2008. – 64 с.
16. Арутюнова, Н. Д. Языковые метафоры [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1979. – С. 147-173.
17. Арапова, Г. У. Цветовая картина мира в кыргызском языке [Текст] / Г.У. Арапова// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1-4. – С. 594-597. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8613> (дата обращения: 23.11.2018).
18. Астахова, Я. Цветообозначения в русской языковой картине мира: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 [Текст] / Я. Астахова. – Москва, 2014. – 234 с.
19. Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово [Текст] // С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская речь. Новая серия. Вып. II. – Л., 1928.

20. Атакулова, М. А. Константы и переменные в лингвистических знаках [Текст] / М. А. Атакулова, Д. Т. Айылчиева. // ОшМУ жарчысы. – 2015. – № 4. – С. 26-28.
21. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.
22. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А. П. Бабушкин / Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Отв. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 52-57.
23. Байрамова, Л. Социально-языковая номинация с цветолексемами [Текст] / Л. Байрамова / Слово. Текст. Время. Новые средства языковой номинации в новой Европе: Материалы VII междунар. научн. конф. / Под. ред. М. Алексеенко, М. Кучинска. – Щецин, 2004. – 478 с.
24. Балмагамбетова, Ж. Т. Понятие концепта в лингвокогнитологии и лингвокультурологии [Текст] / Ж. Т. Балмагамбетова, А. А. Нургалиева. // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар: Новация, 2016. – С. 83-87. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9592/> (дата обращения: 15.02.2024).
25. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке [Текст] / Н. Б. Бахилина. – М.: Наука, 1976. – 292 с.
26. Язык как зеркало культуры: сборник научных статей. [Текст] / А. А. Бакирова, Ф. Ш., Бекмурзаева, Ю. А. Брунева, Е. А. Мошина. К юбилею доктора филологических наук, профессора М. В. Пименовой–СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 334 с. (Серия “Концептуальные исследования”, Вып. 24).

27. Баксанский, О. Е. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» [Текст] / Е. Н. Кучер, / Вопр. философии. – 2002. – № 8. – С. 52–69.
28. Братчикова, Н. С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.20 [Текст]. – Москва, 2006. – 349 с.
29. Бедоидзе, Л. Г. Фразеологические единицы с компонентом цвета в немецком, русском и осетинском языках [Текст] // Дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1997.
30. Белов, А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики [Текст] // Этнопсихолингвистика / Отв. ред. Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – С. 49-58.
31. Белова, Н. В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и ее семантико-коммуникативный потенциал (на материале прилагательных со значением цвета и интенсивности): дис. ... д-ра филол. наук [Текст]. – М., 2007. – 320 с.
32. Беляева, Т. М. Нестандартная лексика английского языка [Текст] / В.А. Хомяков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 138 с.
33. Бельчиков, Ю. А. Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского [Текст]. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 132 с.
34. Беккер, Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении [Текст] / Г. Беккер, А. Босков. – М.: Наука, 1961. – 896 с.
35. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика [Текст]. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2002. – 123 с.
36. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика [Текст]. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
37. Борисова-Лукашанец, Е. Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материалах молодежного жаргона 60-70 годов): автореф. дис. ... канд. филолог. наук [Текст]. – М., 1982. – 21 с.

38. Бочкарева, Т. В. Система цветообозначений в древнеанглийском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ [Текст] / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 112-125.
39. Бреслав, Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех [Текст]. – СПб.: Б.&К., 2000. – 212 с.
40. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1 [Текст] / Отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 16-32.
41. Бутина, А. А. Концепты CAT и DOG в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]. – СПб, 2012. – 22 с.
42. Бычков, В. В. Эстетика [Текст]. – М.: Гардарики, 2002. – 556 с.
43. Вардзелашвили, Ж. А. Концепт как лингвистическая категория – «конструктивная сущность» // Тбилисский государственный университет. Филологический факультет. Сборник научных трудов [Текст] / Отв. ред. Ж. А. Вардзелашвили. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 2004. – С. 39-45.
44. Василевич, А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначения в языках разных систем [Текст]. – М.: Наука, 1987. – 138 с.
45. Василевич, А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ [Текст] / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 9-28.
46. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. – М.: КомКнига, 2008. – 218 с.
47. Варганов, А. В. Семантическое пространство цветовых названий: опыт межъязыкового исследования. [Текст] / Е.Н. Соколов / Психологический журнал. — 1994. № 5. т. 15. С. 56–67.

48. Василевич, А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. [Текст] – М.: Наука, 1987. — 141 с.
49. Васильева, И. Л. Семантическая характеристика фразеологических единиц с компонентом «синий цвет» в немецком языке. [Текст] Вестник Запорожского национального университета. Филологические науки. № 1, 2010. – С. 142–146.
50. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
51. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. [Текст] / А. Вежбицкая / Отв. ред. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – С. 231–290.
52. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
53. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). [Текст] / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
54. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1986. – 318 с.
55. Витгенштейн, Л. (1889–1951). Философские работы [Текст] / Л. Витгенштейн [в 2 ч.] / Людвиг Витгенштейн; [пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева; вступ. ст. М. С. Козловой]. – Москва: Гнозис, 1994. – 22 с. – (Феноменология. Герменевтика. Философия языка).
56. Власова, Е. А. Символика цветообозначений в британском и американском вариантах английского языка. [Текст] / Е.А. Власова. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М.: 2008. – 24 с.
57. Власов, В. Г. Тон, тональность, тональные отношения [Текст] / В.Г. Власов. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. – СПб.: Азбука-Классика. – Т. IX, 2008. – С. 547–548.

58. Власов, В. Г. Насыщенность цвета [Текст] / В.Г. Власов. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. – СПб.: Азбука-Классика. – Т. VI, 2007. – С. 68–69.
59. Волошин, Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект) [Текст] / Ю.К. Волошин. Автореф. дис... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000. – 43 с.
60. Волошина, К. С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер» [Текст] / К.С. Волошина. – Нальчик, 2010. – 24 с.
61. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография. [Текст]/ С.Г. Воркачев. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. – 142 с.
62. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. [Текст] / С.Г. Воркачев. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
63. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // НДВШ. Филологические науки. 2001. № 1. – 64 с.
64. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. [Текст] / Е.М. Вольф – М.: «Наука», 1978. – 200 с.
65. Воробьев, Г. Г. Информатика цвета [Текст] / Г.Г. Воробьев // НТИ: Серия 2. Информационные процессы и системы. — 1998. — № 12. — С. 1–14.
66. Воробьев, Г. Г. Цвет и характер // Цвет в нашей жизни: Хрестоматия по психологии (из серии «Познать человека»). [Текст] / Г.Г. Воробьев. - Курск, 1993. - С. 120–126.
67. Волкова, Т. В. Универсальный фразеологический словарь русского языка. [Текст] / Т.В. Волкова. – М.: Вече, 2000. – 247 с.
68. Гак, В. Г. Метафора в языке и тексте. [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

69. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. [Текст] / В.Г. Гак. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. - 264 с.
70. Гайдукова, Т.М. О первичной и вторичной номинации человека посредством цветообозначений (на материале немецкого языка) [Текст] / Т.М. Гайдукова // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. Т. 7.
71. Гайдукова, Т.М. Фразеологизмы с цветовым компонентом как средство характеристики человека в немецком языке. [Текст] / Т.М. Гайдукова // Вестник ЧГПУ №11, 2012г.- с. 247-264.
72. Гайдукова, Т. М. Цветообозначения антропоцентрической сферы в произведениях немецких поэтов. [Текст]/ Т.М. Гайдукова. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32 (286). Филология. Искусствоведение. Вып. 71. - С. 29–35.
73. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. [Текст] / Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Том II. / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов – Тбилиси, 1984. – 1328 с.
74. Гете И.В. Учение о цвете // Термины по цвету и не только. Кн. 2. [Текст] / И.В. Гете. – М.: Репроцентр, 2003. – С. 159-216.
75. Гёте И.В. (1749-1832). Учение о цвете. Теория познания = Zur Farbenlehre; пер. с нем. В. О. Лихтенштадта. [Текст] / И. В. Гете - Издательство 6-е. - Москва: Л Е Н А Н Д, 2015. - 195 с.; 22 см. - (Из наследия мировой философской мысли: эстетика). I S B N 978-5-9710-1369-3
76. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. [Текст] / Ю.А. Гвоздарев. - М.: Просвещение, 1988. - 192 с.
77. Гнедаш, С.И. Провербиальные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики: на материале немецкоязычной печати ФРГ [Текст] / С.И. Гнедаш. – М.: Наука, 2005. - 189 с.

- 78.Голикова, Ж. А. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом, обозначающим понятие цвета в английском и русском языках. [Текст] / Ж. А. Голикова // Романское и германское языкознание. № 3. Минск, 1983. с. 86-92.
- 79.Горн, Е.А. Цветообозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале современной английской литературы) [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / Е.А. Горн. – СПб, 2015. – 18 с.
- 80.Гофман, О.В. К вопросу о методе концептуального анализа // Картина мира: модели, методы, концепты [Текст] / О.В. Гофман. Отв. ред. З.З. Рязанова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 213-217.
- 81.Григорьева, Т. В. Роль оппозиции белый-чёрный в оценивании мира. [Текст] /Т.В. Григорьева / Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: Материалы междунар. науч. конф. г. Волгоград, 18 окт. 2013 г.– Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 332-336.
- 82.Гуз, Ю.В. Эспериментальное исследование базовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков). [Текст] / Ю.В. Гуз. - Автореф. дис... канд. филолог. наук. Барнаул. 2010 г. -22 с.
- 83.Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. –350 с.
- 84.Гуревич, П. С. Ментальность, менталитет // Культурология, XX век: энциклопедия: в 2 т. [Текст] / Главный редактор, составитель и автор проекта С. Я. Левит. / П.С. Гуревич, О.И. Шульман — СПб.: Университетская книга, 1998. — Т. 2. М—Я. — 445 с. — ISBN 5-7914-0028-4.
- 85.Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. [Текст]/ В. Гумбольдт - М.: Прогресс, 1985. - 451с
- 86.Давидян, З. О. Семантика цветообозначения bleu/azul во французском и испанском языках (универсальное и национальное) [Текст]// З. О.

- Давидян. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. — 2009. — № 1. С. 185–188.
87. Данилова, В.С. Картины мира и методы их исследования. [Текст] Вестник ЯГУ. / В.С. Данилова, Н.Н. Кожевников. 2007. Том 4, № 3.
88. Джахит, Х. Семантика цвета в тюркской топонимике. [Текст] Фундаментальная наука вузам. / Х. Джахит. 2013.
89. Дербешева, З.К. Этноязыковое своеобразие концепта “движение” в русском и кыргызском языках [Текст] / З.К. Дербешева. // Русский язык за рубежом / ЗАО “Отраслевые ведомости”. 2009 - № 4.
90. Дербешева, З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры [Текст] / З.К. Дербешева. - Бишкек, 2012. - 176 с.
91. Дербешева З.К. Когнитивно – концептуальный подход к изучению кыргызского языка. [Текст] / З.К. Дербешева. Вестник КРСУ. 2017. Том 17. № 9. - С. 111-115.
92. Дюпина, Ю. В. Цвет как объект междисциплинарных исследований [Текст] / Ю. В. Дюпина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2013. — № 9 (56). — С. 441-443. — URL: <https://moluch.ru/archive/56/7750/> (дата обращения: 06.02.2023).
93. Дьяконов, И.М. Языки древней Передней Азии. [Текст] / И.М. Дьяконов. – М.: Наука, 1967. – 492 с.
94. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Зарубежная лингвистика в 3 т.-М.: Прогресс, 1999. - Т.1. - 131-256с.
95. Жаркынбекова, Ш.К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание [Текст] / Ш.К. Жаркынбекова / Вестник МГУ. Филология. — 2003. — № 1. — С. 109-116.
96. Жаркынбекова, Ш.К. Языковая концептуализация цвета в культуре и языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. [Текст] / Ш.К. Жаркынбекова. — Алматы, 2004. — С. 11.

97. Жаркынбекова, Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики [Текст] / Ш.К. Жаркынбекова // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. - С.107-112.
98. Жаркынбекова, Ш. К. Концепты цвета в казахской и русской лингвокультурах. [Текст] / Ш.К. Жаркынбекова. Алматы: КазНУ, 2004. - 227 с.
99. Жешко, В. П. Прилагательные цветообозначения в современном немецком языке. [Текст] / В. П. Жешко // Наука - 2012: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1 / Учреждение образования "Гродненский государственный университет имени Янки Купалы"; Ред. коллегия: Г. А. Хацкевич [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 173-176.
100. Журавлев, М. В. Роль колоронимов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / М. В. Журавлев, О. В. Борзенко. - Текст: непосредственный // Юный ученый. — 2021. — № 4 (45). — С. 83-87. — URL: <https://moluch.ru/young/archive/45/2391/> (дата обращения: 02.01.2024).
101. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. [Текст] / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 206 с.
102. Зандкюлер, Х. Й. Репрезентация, или как реальность может быть понята философски. [Текст] / Х. Й. Зандкюлер // Вопр. философии. 2002. № 9. - С. 81–89.
103. Зайцев, А. С. Наука о цвете и живопись [Текст] / А. Зайцев. – М.: Искусство, 1986. - 159 с.
104. Земская, Е. А. Проблемы словообразования на современном этапе [Текст] / Е.С. Кубрякова / Вопросы языкознания / Отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: АН СССР, 1978, № 6. – С. 112-123.
105. Зольникова, Ю.В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков [Текст] / Ю.В. Зольникова

- / Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.35. - № 30 (168), 2009. - С. 88-93.
106. Зольникова, Ю.В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков (на материале лексикографических источников). [Текст] / Ю.В. Зольникова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Тюмень, 2010. - 26 с.
107. Зулпукаров, К.К. О предмете лингвопаремиологии [Текст]: сб. науч. Тр. Фак. Рус. Филол. Ошск. Гос. Ун-та / К.К. Зулпукаров. – Ош: Диполиграфия. – 2011. Вып. 3. - С. 3-12.
108. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка. [Текст] / [К.З. Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева и др.] - Б., 2017. -728 с.
109. Зулпукаров, К.З. Менталитет жана паремиялык дүйнө сүрөтү жөнүндө [Текст] /К.З.Зулпукаров, С.Б.Эргешова // Ош мамл. ун–тинин жарчысы. – Ош, 2009. - № 6. – С. 42-46.
110. Пракорень *kar «черный» и его рефлексy в языках Евразии // Евразийское Научное Объединение. [Текст] / [К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, А.К. Зулпукарова, Ч.Р. Шарипова]. - №4 (74). - 2021. – С. 310-314.
111. Некоторые трансформы пракорня *kar «черный» в киргизском языке с точки зрения ностратики. [Текст] / [К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, А.К. Зулпукарова, Ч.Р. Шарипова] // Евразийское Научное Объединение. - №4 (74). - 2021. – С. 314-318.
112. Зулпукаров, К.З. О происхождении эмотивов радости в языках Евразии [Текст] /Н.Э. Арсланбекова / Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2022. – С. 242-250.
113. Зулпукаров, К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание [Текст] /К.З. Зулпукаров. – Бишкек, 2016. – 748 с.

114. Иванова Е.В. Сопоставительный анализ моделей словосложения в стандартной и нестандартной лексике современного английского языка [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / Е.В. Иванова. – Л., 1983. – 16 с.
115. Иванова, Е.В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) [Текст]: дис... д-ра филолог. наук. / Е.В. Иванова. – СПб, 2003. – 415 с.
116. Иванова, Е.В. Какого цвета пословичная картина мира? [Текст] // Вестник СПбГУ. Сер. 9, вып. 2. / Е.В. Иванова. – СПб: изд-во СПбГУ, 2005. – С. 31-43.
117. Иванова, Е.В. Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики [Текст] // Вестник СПбГУ. Сер.9, вып.3. / Е.В. Иванова – СПб: изд-во СПбГУ, 2006. – С. 40-48.
118. Иванова, Е.В. Об определении понятия «концепт» в современной лингвистике [Текст] //Материалы XXXV Международной филологической конференции 13-18 марта 2006 г. Вып. №2. Лексикология и лексикография (романо-германский цикл). Ч.1. / Е.В. Иванова – СПб: изд-во СПбГУ, 2006а. – С. 36-40.
119. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах [Текст] / Е.В. Иванова. – СПб: изд-во СПбГУ, 2006 б. – 280 с.
120. Иванова, Е.В. Концепт – цель и средство когнитивного анализа [Текст] // Избранные труды XLI Международной филологической конференции 26-31 марта 2012 /Отв. ред. А.С. Асиновский, С.И. Богданов. / Е.В. Иванова – СПб: изд-во СПбГУ, 2013. – С. 71-75.
121. Иванова, Ю.В. Роль цветообозначений в англоязычном стихотворном тексте [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / Ю.В. Иванова – М., 2008. –18 с.
122. Исаев, А.А. Феномен цвета в контексте бытия человека: Опыт философского анализа [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филос. Наук / А.А. Исаев. -Магнитогорск, 2006. - 20 с.

123. Калмурзаева, А.А. Теологические концепты в провербиально-языковой картине мира [Текст] / А.А. Калмурзаева. - Жалал-Абад, 2015 - 114с.
124. Камбаралиева, У. Д. Концепт как основа языковой картины мира. [Текст] / У.Камбаралиева. Известия вузов, №7, 2012. - С. 293-295.
125. Камбаралиева, У. Д., Даба Э. Этнокультурные особенности репрезентации концепта "конок" ("гость") в киргизском языке [Текст] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. / У. Д. Камбаралиева, Э. Даба – 2018. – № 7. – С. 189-193.
126. Капнина Г. И. Концепт «цвет» в языковой картине мира [Текст] // Филология и лингвистика. / Г. И. Капнина, И. Б. Коротяева — 2016. — № 1 (3). — С. 20-23. — URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/23/505/> (дата обращения: 02.01.2024).
127. Капнина, Г.И. Устойчивые единицы с колоронимом rot во фразеологической картине мира немецкого языка [Текст] // Филология и литературоведение. / Г.И. Капнина 2015. №2 [Электронный ресурс]. URL:<http://philology.snauka.ru/2015/02/1209> (дата обращения: 14.03.2024)
128. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр/ В.И. Карасик.. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3-16.
129. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
130. Карасик, В.И. Антология концептов [Текст] Том 1. / В.И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2005. –352 с.
131. Карасик, В.И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт[Текст] // Концептуальное пространство языка/ Отв. ред. Е.С.

- Кубрякова. / В.И. Карасик. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005а – С. 184-203.
132. Карасик, В.И. Культурные концепты: проблема ценностей [Текст// Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр.]/ В.И. Карасик. - Волгоград, «Перемена», 1996. - С. 3-16.
133. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. [Текст]/ В.И. Карасик. - М., 2004.
134. Касымбеков, Т. Сынган кылыч: Тарыхый роман [Текст // кайрадан иштелип, 5-бас.]/ Т. Касымбекова.— Б.: Кыргызстан, 1998. - 712 б.
135. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: УРСС Эдиториал, 2000. – 352 с.
136. Кобрина, Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации //Концептуальное пространство языка [Текст // Сб. науч. тр. / Отв.ред. Е.С. Кубрякова.]/ Н.А. Кобрина – Тамбов: изд-во ТГУ, 2005. – С. 77-94.
137. Козак, Т. Б. Лексико-семантична група слів, які позначають колір у німецькій мові: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04. «Германські мови» [Текст] / Т. Б. Козак. – Одесса, 2002. – 18 с.
138. Копачева, А.Р Концепт "белый цвет" в художественной картине мира (на материале поэтических текстов французских и русских символистов). Автореф. дис... канд. филолог. Наук [Текст]/ А.Р. Копачева. – Челябинск, 2013. – 22 с.
139. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. [Текст]/ О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
140. Корф, Е.Н. Концепт причины в аспектах лингвистической и культурологической значимости. Автореф. дис... канд. филолог. наук. [Текст] / Е.Н. Корф. – СПб., 1996. – 16 с.

141. Колесов, В.В. О логике логоса в сфере ментальности [Текст]/ В.В.Колесов // Мир русского слова. - 2000. - №2. - 52-59с.
142. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. [Текст] / Г.В. Колшанский. - М.: Наука, 1990. - 262 с.
143. Кондратьева, З.И. Семантика цветообозначений в современном немецком языке // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. [Текст]/ З.И. Кондратьева. – Сыктывкар, 1994. – С. 23-24.
144. Корсунская, Т.Г. О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках [Текст] / [Т.Г. Корсунская, Х.Х. Фридман, М.И. Черемсина]// Учен. зап. Горьковск. пед. ин-та иностр. яз. – 1963. – Вып. 25. – С. 103.
145. Кошарная, С.А. Миф и язык [Текст] / С.А.Кошарная – Белгород, 2002. - 287с.
146. Кравков, С. В. Цветовое зрение / С. В. Кравков. — Москва : Академия наук СССР, 1951.
147. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецких и русских лингвокультурах. [Текст] Монография. Научный редактор: доктор филологических наук, профессор В. И. Карасик / Н.А. Красавский. Волгоград: Перемена, 2001. - 495 с
148. Красавский, Н.А. Цветовая номинация эмоций в русском и немецких языках [Текст] // Языковая личность: проблемы значения и смысла. / Н.А. Красавский – Волгоград, 1994. – С. 53-60.
149. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
150. Кубрякова, Е.С. Актуальные проблемы современной семантики. [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1984. – 129 с.
151. Кубрякова, Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира [Текст] // Филология и культура / Ред. Н.Н. Болдырев. / Е.С. Кубрякова. Тамбов: изд-во ТГУ, 2003. – С. 31-40.

152. Кубрякова, Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие [Текст] // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 65, №2. / Е.С. Кубрякова – М.: ИАН СЛЯ, 2006. – С. 3-13.
153. Кузьмина, С.Е. Концептуальная метафора и метафорический синтаксический концепт (на материале английского языка) [Текст] // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. №3 / Отв. ред. З.А.Заврумов / С.Е.Кузьмина – Пятигорск: изд-во ПЛГУ, 2010. – С. 74-77.
154. Кульпина, В.Г. Лингвистика цвета [Текст] / В.Г. Кульпина. – М.: Моск. лицей, 2001. – 470 с.
155. Кульпина, В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания. [Текст] Автореф. дис... д-ра филолог. наук. / В.Г. Кульпина. – М., 2002. – 31 с.
156. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках [Текст] / фак. иностр. яз. МГУ им. М. В. Ломоносова. / В.Г. Кульпина. - М.: Моск. Лицей, 2001. 470 с.
157. Кульпина, В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер [Текст] / отв. ред. В. А. Татаринов. / В.Г. Кульпина - М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
158. Кюрегян, А.П. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского провербиального кода [Текст]: автореф. Дис. ...канд. филол. наук / А.П. Кюрегян. – Самара, 2008. – 22 с.
159. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем //Язык и моделирование социального взаимодействия. [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. - М., 1987.
160. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты [Текст] // НЗЛ. Выпуск Х. Лингвистическая семантика. Выпуск XXIII. / Дж. Лакофф. М., 1981.- С. 350-368.

161. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание. [Текст] / Б.А.Ларин. – М., 1977. – 224 с.
162. Лапшина, М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка). [Текст]: дис... д-ра филолог. наук. / М.Н. Лапшина. – СПб, 1996. – 330 с.
163. Левин, Ю.И. Провербиальное пространство [Текст] / Ю.И. Левин// Паремииологические исследования: сб. ст. – М., 1984. - С.108-126
164. Липатов, А.Т. Сленг как проблема социолектики: монография. [Текст]/ А.Т. Липатов. – М., 2010. – 318 с.
165. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С.Лихачев // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П.Нерознака. - М.: Academia, 1997.
166. Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: сборник научных статей. [Текст] Вып. 16 / под ред. М.В. Пименовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018.- 247 с. (Сер. “Концептуальный и лингвальный миры”).
167. Ломов, С.П. Цветоведение: Учебн. пособие для вузов, по спец. «Изобразит. искусство», «Декоративно-прикладное искусство» и «Дизайн» [Текст] / С.П. Ломов, С.А. Аманжолов. — М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2015. — 144 с.
168. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. [Текст] / А.Ф. Лосев. - М.: Искусство, 1976. - 367 с.
169. Лютянская, М.М. Языковая реализация концептосферы "родственные отношения" в английской языковой картине мира новоанглийского периода. [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / М.М. Лютянская. - СПб, 2009. – 20 с.
170. Люшер, М. Цвет вашего характера. [Текст] / М. Люшер. - М., 1996. — 396 с.

171. Макеенко, И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках (национальное и универсальное). [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / И.В. Макеенко. - Саратов, 1999. – 27 с.
172. Макеенко, И.В. Лексико-семантическая структура систем цветообозначения в русском и английском языках. [Текст] / И.В. Макеенко. - Саратов: изд-во СГУ, 2001. – 52 с.
173. Мальцева, Д. Г. Немецкий язык. Страноведение через фразеологизмы [Текст] / Д.Г. Мальцева. - М.: Высшая Школа, 1991.
174. Маслова, В.А. Лингвокультурология. [Текст] / В.А. Маслова. - М.: Академия, 2001. — 183 с.
175. Маслова, В.А. Коды лингвокультуры: учеб.пособие [Текст] / В.А. Маслова, М.В. Пименова.– М.: Флинта: Наука, 2016.- 180 с.
176. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. - Москва: Флинта, 2007. - 296 с. - ISBN 978-5-89349-748-9.
177. Матисаева, Б.А. Провербиальные единицы как оценочные средства языка. [Текст] Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Вып. 2. // Материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» 22-23 апреля 2016 / Гл. ред. Т.А. Гридина. / Б.А. Матисаева. – Екатеринбург, 2016. – 336 с. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 2(25))
178. Мамытов, Ж. Кыргыз тилиин фразеологиясы. [Текст] / Ж. Мамытов / Мугалимдер газетасы. 1969.- 5- декабрь
179. Милн, Л. Дж. Чувства животных и человека [Текст] под редакцией Н. П. Наумова. / Л. Дж. Милн, М. Милн. - Москва: Мир, 1966.
180. Милославский, И.Г. О регулярном приращении значения при словообразовании [Текст] // Вопросы языкознания. № 6 / Отв. ред. Ф.П. Филин. / И.Г. Милославский – М.: АН СССР, 1975. С. 67-78.

181. Миронова, Л. Н. Учение о цвете [Текст]/ Л.Н. Миронова. - Минск: Высш. шк., 1993. - 463 с.: ил.; 20 см.; ISBN 5-339-00696-4
182. Миронова, Л.Н. Цветоведение [Текст] / Л.Н. Миронова. - Минск: Вышэйшая школа, 1984.
183. Маркелова, Е.В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук /Е.В. Маркелова. - Новосибирск, 2004. 22 с.
184. Мужикова, О.Н. Концепты цвета в картине мира английского сленга. [Текст]: автореф. дис...канд. филолог. наук / О.Н. Мужикова. - Санкт-Петербург, 2016г.
185. Мукамбаев, Ж. Идиомалар, учкул сөздөр. [Текст] / Ж. Мукамбаев. // Мугалимдер газетасы. 1974. – 9- январь.
186. Нарынбаева, Б.Б. Фразеологическая картина мира французского и кыргызского языков. [Текст] Автореф.дис...д-ра. филолог. наук / Б.Б. Нарынбаева. - Бишкек, 2017г.
187. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма [Текст] // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков / Отв. ред. Л.Н. Шелонцева. / В.П. Нерознак – Омск: изд-во ОмГПУ, 1998. – С. 80-85.
188. Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. [Текст] / М.В. Никитин. – Владимир: изд-во ВГПИ, 1974. – 222 с.
189. Никулина Т. Е. Прилагательное «синий» в языке русских волшебных сказок (по сборникам и записям XIX в. // История слова в текстах и словарях. Ставрополь, 1988.
190. Норманская, Ю.В. Историко-типологический анализ цветообозначений в древних индоевропейских языках. [Текст] Автореф. дис... канд. филолог. наук. / Ю.В. Норманская– М., 2002. – 22 с.

191. Ньюберг, Н. Д. Курс цветоведения. [Текст] / Н.Д. Ньюберг. - М.: 1932. — 191 с.
192. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Электронный ресурс)
193. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора [Текст] // Метафора в языке и тексте / Отв.ред. В.Н. Телия, В.Г. Гак. / Е.О. Опарина – М: АН СССР, 1988. – С. 65-77.
194. Осмонова, Ж. Идиомалардын лексикалык варианттары [Текст] / Ж. Осмонова // Мугалимдер газетасы, 1970, № 8, 4 б.
195. Осмонова, Ж. Идиомалардын синонимдери жөнүндө [Текст] / Ж. Осмонова // Кыргызстан маданияты, 1970, № 5, 10 б.
196. Осмонова Ж. Кыргыз тилиндеги идиомалар. [Текст] / Ж. Осмонова - Фрунзе: Мектеп, 1972. – 161 б.
197. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-функциональный анализ языка. [Текст] / Р.И. Павиленис. - М.: Мысль, 1983. – 509 с.
198. Панюков, А. И. Образ пространственно-предметной среды как компонент образа мира [Текст] / А. И. Панюков, Ю. Г. Панюкова // Теория и история. 2003. № 3. - С. 106–114.
199. Пашутина, Т.А. Ключевые концепты американской культуры “Privacy” и “Patriotism” и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук./ Т.А. Пашутина. – Белгород, 2009. – 23 с.
200. Передриенко, Т.Ю. Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультуре (на материале паремий и афоризмов). [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / Т.Ю. Передриенко. – Челябинск, 2006. – 22 с.
201. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 236 с.

202. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики. [Текст] / В.Ф. Петренко. - М., 1997. - 340 с.
203. Петренко, В.Ф. Взаимосвязь эмоций и цвета. [Текст] // Вестник Московского ун -та. Сер. 14, Психология. / В.Ф. Петренко, В.В. Кучеренко. 1988 / 3. - с. 70-82.
204. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК Графика, 2004. – 386 с.
205. Пименова, М.В., Языковая картина мира: учеб.пособие / М.В. Пименова. [Текст] / М.В. Пименова. - 3-е изд., доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. - 112 с.
206. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования [Текст] / М.В. Пименова. // Вестник КемГУ №2 (54) Т.2. - 2013г, - С. 127-131/
207. Помыкалова, Т.Е. Цветообозначение в номинациях лексического и фразеологического признака: монография [Текст] / Т.Е. Помыкалова. - Челябинск: ООО «Изд-во Рекпол», 2007. - 102с.
208. Помыкалова, Т.Е. Значение «черный цвет» в номинациях фразеологических единиц признака [Текст] // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. Филология: науч. журн. / Т.Е. Помыкалова - Челябинск, 2006. - № 1. - С. 102-116.
209. Помыкалова, Т.Е. Значение «сложный красный цвет» в номинациях фразеологических единиц признака [Текст] // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. Филология: науч. журн. / Т.Е. Помыкалова - Челябинск, 2006. -№ 2. - С.100-109.
210. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 189 с.
211. Попова, З.Д. Язык и национальное сознание. [Текст] // Вопросы теории и методологии: монография. / З.Д. Попова, И.А. Стернин – Воронеж: Воронежский МИОН, 2002. – 151 с.

212. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д.Попова, И.А. Стернин. - Воронеж, 1999. - 30с.
213. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика. [Текст] / З.Д.Попова, И.А. Стернин. - М. АСТ: «Восток-Запад». 2007г. - 226 с.
214. Позднякова, С.Ю. К проблеме исследования лингвоцветовой картины мира. [Текст] // Вестник ИрГТУ №4 (99), ISSN 1814 – 3520 / С.Ю. Позднякова - 2015. - С. 426-430.
215. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] //Отв. ред. Б.А.Серебренников. / В.И. Постовалова – М.: Наука, 1988. – С.18-27.
216. Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] // Вопросы языкознания. № 6 / Отв. ред. Т.В. Гамкрелидзе. / О.Г. Почепцов – М.: Наука, 1990. – С. 110-122.
217. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта, 2008. – 170 с.
218. Прохорова, С.М. Моделирование концептов. [Текст] // IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова. / С.М. Прохорова. Минск, 19-20 марта 2010 г. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/50869> (дата обращения: 18.03.2024)
219. Попова, З.Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. [Текст] / З.Д.Попова, И.А. Стернин. - Воронеж, 2001. Вып. 8. С. 27—30.
220. Рахилина, Е.В. О концептуальном анализе // Язык и когнитивная деятельность. [Текст] / Е.В. Рахилина. - М., 1989. – 142 с.
221. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] // Семиотика и информатика, вып. 36. / Е.В. Рахилина, 1998. – с.274 – 324.

222. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике. [Текст]: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. 10.02.19 / Е.В. Рахилина. - М.: Ин-т языкознания, 1999. - 40 с
223. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. [Текст] / Е.В. Рахилина. - М.: Русские словари, 2000. - 416 с.
224. Рогулина, Е.Э. Национально-культурная семантика цвета в испанской фразеологии: на материале пиренейского национального варианта испанского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05/ Е.Э. Рогулина. - М.: РУДН, 2006. - 226 с.
225. Романович, Г. А. К вопросу о специфике цветообозначений во французских и российских журналах мод [Текст] / Г. А. Романович // Молодой ученый. - 2015. - № 21 (101). - С. 87-91. — URL: <https://moluch.ru/archive/101/22876/> (дата обращения: 29.05.2024).
226. Саматов, К. Цветообозначающая лексика в кыргызском языке: [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / К. Саматов. - Бишкек, 1997. - 24 с.
227. Саматов, К. Кыргыз тилиндеги өң-түс сөздөрүнүн лексика-семантикалык жана стилистикалык мүнөздөмөлөрү (диахрондук жана синхрондук аспекти) [Текст]: филол. илим-н д-ру илимий даражасы үчүн жазылган диссертация: 10.02.02 / К. Саматов. - Бишкек, 2003. - 287 б.
228. Саматов, К. Кызыл лексемасынын символикалык мааниси. [Текст] / К. Саматов // Кыргыз илиминин башаты. – Бишкек, 2000.
229. Саматов, К. Семантика цветообозначения *кара* в кыргызском языке. [Текст] / К. Саматов // Вестник КГНУ. Филолог. науки. 1998. ч. 1.
230. Саматов, К. Жашыл, көк лексемаларынын маанилери. [Текст] / К. Саматов // Вестник КГНУ. Филолог. науки. 1999. ч. 2.

231. Саматов, К. Цветообозначающая лексика в кыргызском языке: - [Текст] / К. Саматов // Бишкек, “Улуу тоолор”, 2017. - 168 с.
232. Саматов, К. Илимий эмгектер: I – том. Түс лексикасы: семантика, стилистика, статистика. [Текст] / К. Саматов. - Б.: Улуу тоолор, 2021. – 280 б.
233. Саматов, К. Илимий эмгектер: II – том. Түс лексикасы: семантика, стилистика, статистика. [Текст] / К. Саматов. – Б.: Улуу тоолор, 2021. – 240 б.
234. Саматов, К. Феномен синестезии (общий обзор). [Текст] / К. Саматов // Вестник КРСУ. 2019. Том 19 № 2. – С. 82-88;
235. Саматов, К. Синестетические метафоры в художественные произведения. [Текст] / К. Саматов // Вестник КРСУ. 2019. Том 19 № 2. – С. 89 - 92;
236. Саматов, К. Когнициялык лингвистика (лекциялар курсу). [Текст] / К. Саматов. - Б., 2021.
237. Саматов, К. Лексемы, выражающие ахроматические цвета ак "белый", кара "черный" и боз "серый" в кыргызском языке. [Текст] / К. Саматов // Проблемы современной науки. – 2012. №3 (13). С. 97-107.
238. Саматов, К. Когнитивная лингвистика в Кыргызстане. [Текст] / К. Саматов // Вестник КРСУ. 2021. Том 21. № 2; 112-125
239. Сапарбаев, А. Метафора менен фразеологизмдин катышы [Текст] /А. Сапарбаев // Мугалимдер газетасы. – 1973. - 13июнь.
240. Суранчиева, Б. Фразеологиялык синонимдер. Известия АН Киргизской ССР. [Текст] / Б. Суранчиева. – 1978. - № 2. – 81-87-б.
241. Светличная, Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообразования и цветовосприятия в английском и русском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / Т.Ю. Светличная. – Пятигорск, 2003. – 17 с.

242. Семенова, Н.В. Фразеология молодежного сленга (на материале немецкого языка) [Текст]: дис... канд. филолог. наук. / Н.В. Семенова. – Владимир, 2006. – 194 с.
243. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. - М.: Прогресс, изд. группа «Универс», 1993. - 654 с.
244. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
245. Серов, Н.В. Хроматизм мифа. [Текст] / Н.В. Серов. – Л.: Всесоюзный молодежный книжный центр, филиал «Васильевский остров», 1990. – 352 с.
246. Серов, Н.В. Светоцветовая терапия. [Текст] / Н.В. Серов. – СПб: Речь, 2002. – 256 с.
247. Серов, Н.В. Символика цвета. [Текст] / Н.В. Серов. – Страта, СПб; 2015 - 126 с.
248. Силинская, Н.П. Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук. / Н.П. Силинская. – СПб, 2008. – 22 с.
249. Синельников, В. В. Таинственная сила слова. Формула любви. Как слова воздействуют на нашу жизнь. [Текст] / В.В. Синельников. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. - С. 57.
250. Смирнова, О.М. К вопросу о методологии описания концептов [Текст] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №3. / О.М. Смирнова. – Н. Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009. – С. 247-253.
251. Стеблева, И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы [Текст] // Тюркологический сборник. 1971. / И.В. Стеблева. - М.: Наука, 1972. С. 213 – 226.
252. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 400 с.

253. Степанова, М.Д. О компонентном анализе в словообразовании // Лингвистика и методика в высшей школе. [Текст] / М.Д. Степанова. - М., 1974.
254. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта [Текст] /Методологические проблемы когнитивной лингвистики / И.А.Стернин. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 58-65.
255. Стернин, И.А. Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике [Текст] / И.А. Стернин, М. Дж. Тагаев, У.Д. Камбаралиева // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 2.
256. Сыдыков, А. Н. Функционально-семантические особенности лексемы «кара - черный» (на материале эпоса «Манас») [Текст] / А.Н. Сыдыков // Проблемы современной науки и образования № 33 (75), 2016. <https://ipi1.ru/s/10-00-00-filologicheskie-nauki/1182-funktsionalno-semanticheskie-osobennosti-leksemy-kara-chnyj.html>
257. Сурина, В. Н. Понятие концепта и концептосферы [Электронный ресурс] [Текст] / В. Н. Сурина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2010. — № 5 (16). — Т. 2. — С. 43-46. — URL: <https://moluch.ru/archive/16/1517/> (дата обращения: 07.03.2023).
258. Суздальцева, С.С. Цвет как эстетический феномен в эпоху Средневековья. [Текст] / С.С. Суздальцева // Омский научный Вестник. №3 (155) май-июнь. 2007 г. С.163-165.
259. Судаков, Г.В. Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси [Текст] // Вопросы языкознания. / Г.В. Судаков. – 1985. – № 5. – С. 83-94.
260. Тагаев, М.Д. Полипарадигмальное описание этнолингвокультурных концептов в русском и кыргызском языках. [Текст]: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.20/ М.Д. Тагаев.- Бишкек, 2005. - 40 с.

261. Тагаев, М.Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). [Текст] / М.Д. Тагаев. - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. – 240 с.
262. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. –288 с.
263. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Слово/ Slovo [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. - Москва, 2000 г.- 146 с.
264. Токарев, Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере «трудовая деятельность») [Текст] / Г.В.Токарев. - Тула, 2000. - 92с.
265. Улуханов,И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. [Текст] / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
266. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. [Текст] / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
267. Уфимцева, Н.В. Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность [Текст] / Н.В. Уфимцева / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Институт русского языка,1995. – С. 242-249.
268. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. [Текст] / А.А. Уфимцева. - М.: Наука, 1968. 272 с
269. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы. [Текст] / А.А. Уфимцева. 1962. - 288с.
270. Фетисова, С.А. Концептуализация имени цвета «красный» [Текст]: автореф. дис...канд. филолог. наук. / С.А. Фетисова. – Иркутск, 2005. – 20 с.
271. Фомина, В.С. Семантика цветообозначений как объект исследования и изучения [Текст] // IV международный симпозиум по

- лингвострановедению: Тез. докл. и сообщ. / Институт русского языка им. А.С. Пушкина. / В.С. Фомина. – М., 1994. – С. 230-231.
272. Фрумкина, Р.М. Экспериментальное изучение семантических отношений в группе слов [Текст] // Институт русского языка АН СССР: Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 143 / Р.М. Фрумкина. – М.: АН СССР, 1982. – С. 3-37.
273. Фрумкина, Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
274. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация, 1992. Серия 2, №3. - С.3-29.
275. Хасанова, Е.В. Об источниках и способах образования школьного и студенческого сленга (на материале английского языка) [Текст] // Материалы итоговой научной конференции «Русская и сопоставительная филология: концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты» / Отв.ред. Н.А.Андромонова. / Е.В. Хасанова. – Казань: Унипресс, 2002. – С. 59-60.
276. Хомяков, В.А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. [Текст] / В.А. Хомяков. – Вологда: Вологодский пед. ин-т, 1974. – 104 с.
277. Хомяков, В.А. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков [Текст] // Вопросы языкознания. № 3 / Отв. ред. Т.В. Гамкрелидзе. / В.А. Хомяков. – М.: Наука, 1992. – С. 94-105.
278. Хомяков, В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. [Текст] / В.А. Хомяков. – М.: Либроком, 2009. – 104 с.

279. Хаув, Н. Значение цвета для пола. [Текст] / Н. Хаув. - L Morton
Графика и текст Веб-сайт Color
Matters <http://www.colormatters.com>. 15 марта 2003 г. (Дата доступа)
280. Чесноков, П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления.
[Текст] / П.В. Чесноков. - М., 1967.
281. Чекалина, Е.М. Историко-семасиологическое исследование
прилагательных цвета во французском языке XI-XVI вв. Автореф.
дисс. ... канд. филол. наук. [Текст] / Е.М. Чекалина. - Л., 1972. - 22 с
282. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка. /
И.И. Чернышева. - М., 1970.
283. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической
метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. / А.П. Чудинов. -
Екатеринбург, 2013. - 176 с.
284. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. [Текст]
/ Н.М. Шанский. - М.: Высшая школа, 1985
285. Шаров, В. Академическое обучение изобразительному
искусству. / В. Шаров. - М., Эксмо, 2018. С. 332.
286. Шемякин, Ф.Н. К вопросу об историческом развитии названий
цвета (названия цвета в ненецком (юрако-самоедском) языке //
Вопросы психологии. / Ф.Н. Шемякин. - 1959. - № 4.
287. Шерцль, В.И. Названия цветов и символическое значение их. / В.И.
Шерцль. - Воронеж, 1884. - 318 с.
288. Шведова, Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. [Текст] / Н.Ю.
Шведова. - М.: Языки славянской культуры, 2005. - 640 с.
289. Шведова, Н.Ю. К определению концепта как предмета
языкознания [Текст] // Языковая личность: текст, словарь, образ мира /
Отв. ред. Ю.Н. Караулов. / Н.Ю. Шведова - М.: РУДН, 2006. - С. 506-
510.
290. Швейцер, А.Д. Очерк современного английского языка в США.
[Текст] / А.Д. Швейцер. - М.: Высшая школа, 1963. - 216 с.

291. Швейцер, А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
292. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. [Текст] / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
293. Шишкина, И.П. Крылатые слова, их происхождение и значение: Учеб, пособие. [Текст] / И.П. Шишкина, Р.В. Финкельштейн. – Л.: Просвещение, 1972. – с. 168.
294. Шхвацабая, Т.И. Цветообозначения в языке и речи (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Т.И. Шхвацабая. - М., 1985. - 24 с.
295. Эргешова, С.Б. «Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши» [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук /С. Б. Эргешова. – Бишкек, 2010. – 19 б.
296. Эгембердиев Р. Фразеология - тил илиминин бир бөлүгү. // Мугалимдер газетасы. / Р. Эгембердиев. -1974. -9-январь
297. Эгербердиев Р. Өнөр алды - кызыл тил. // Кыргызстан пионери. / Р. Эгембердиев. – 1977 - 25- март
298. Эгембердиев Р. «Манас» эпосундагы фразеологизмдер. // Кыргызстан маданияты. / Р. Эгембердиев. - 1976. - 29 апрель
299. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). [Текст] / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
300. Яковлева С. Л. Категория цветообозначения во фразеологии немецкого языка [Текст] // Фундаментальные исследования. / С.Л. Яковлева, Д.С. Калашникова. 2014. № 6. Ч. 6. С. 1320-1323.
301. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. [Текст] / В.Н. Ярцева.- М., 1968.

302. Яньшин П. В. Эмоциональный цвет: эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. [Текст] / П.В. Яньшин. — Самара, 1996. — 218 с.
303. Яньшин П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта [Текст]: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01/ П.В. Яньшин. - Москва, 2001. - 394 с.
304. Цветообозначения в немецком языке // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// 2002/vernadsky.info/raboty/h5/w02105.htm](http://2002/vernadsky.info/raboty/h5/w02105.htm). – Дата доступа: 11.04.2023.
305. Цан Кай Си Ф. В. Исторические формы бытия в философии/ Ф. В. Цан Кай Си. – Владимир, 2003. – 364с.

Иностранная литература:

306. Agricola, E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. [Текст] / E. Agricola, H. Gorner, R. Kufner. - Leipzig, 1972 – 996 s.
307. Berlin, B. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution [Текст] / B. Berlin, P. Kay. – SCLI Publications Center for the Study of Language and Information Leland Stanford Junior University, 1999. – 196 p.
308. Braem, H. Die Macht der Farben, Langen/Müller / H. Braem.- München 2003, ISBN 3-7844-7156-0.
309. Brown, [A study in language and cognition. Journal of Abnormal and Social Psychology Текст] / Brown, W. Roger, Lenneberg, H. Erich. – 1954. – S. 49:454 – 462.
310. Burger, H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. [Текст] / H/ Burger. - Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003. 240 S.
311. Brusatin, M. Historia de los colores. (trad. del italiano R. Premat). / M. Brusatin. - Barcelona. 2006. - 367 p

312. Eismann, W. Zum Problem der Äquivalenz von Phraseologismen.
[Текст] In: Greciano G. (ed.): EUROPHRAS 88. Phraséologie Contrastive /
W. Eismann. - Strassbourg, 1989. S. 83-93.
313. Eysenck, H. J. Dimensions of Personality. / H. J. Eysenck. — London,
1947.
314. Fan, Yanqian. Farbnomenklatur im Deutschen und im Chinesischen.
Eine kontrastive Analyse unter psycholinguistischen, semantischen und
kulturellen Aspekten. Frankfurt am Main: Peter Lang. 1996.
315. Fleischer, W (a). Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache.
[Текст] / W. Fleischer. - Leipzig: 1982. - 308 S.
316. Fleischer, W (b). Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache.
[Текст] / W. Fleischer. - Tübingen, 1997. - 299 S.
317. Földes, Cs. (a): Farbbezeichnungen als phraseologische
Strukturkomponente im Deutschen, Russischen und Ungarischen. In:
Europhras '90: Akten der internationalen Tagung zur germanistischen
Phraseologieforschung: Aske/Schweden 12.-15. Juni 1990 (Acta
Universitatis Upsaliensis) (German Edition) Paperback[Текст] / Cs. Földes.
– 1991. by Christine Palm. S. 77-88.
318. Földes, Cs. (b): Deutsche Phraseologismen kontrastiv: intra- und
interlinguale Zugänge. [Текст] / Cs. Földes. - Heidelberg: Gross, 1996. -
223 S.
319. Földes, Cs. Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und
Sprachverwendung. [Текст] / Cs. Földes. - Wien, 1992. – 172 S.
320. Földes, Cs. Farbbezeichnungen als phraseologische
Strukturkomponenten im Deutschen, Russischen und Ungarischen.
Europhras 90. Akten der internationalen Phraseologieforschung. Aske/
Schweden 12-15. Juni 1990. Hrs. von Christine Palm. Acta Universitatis
Upsaliensis. Studia Germanistica Upsaliensie 32, [Текст] / Cs. Földes. –
Uppsala, 1991.

321. Gipper, H. Die Bedeutung der Sprache beim Umgang mit Farben (Die Bedeutung der Sprache beim Umgang mit Farben - Gipper - 1956 - Physikalische Blätter [Текст] / H. Gipper. - Wiley Online Library abgerufen am 11.7.2023.) 540 – 548.
322. Heller, E. Wie Farben wirken: Farbpsychologie – Farbsymbolik – Kreative Farbgestaltung. [Текст] / E. Heller. - Hamburg: Rowohlt-Taschenbuch-Verlag, 2004. 296. - S.44.
323. Heider, E. R., Olivier, C. C. (1972). The Structure of the Color Space in Naming and Memory for Two Languages. [Электронный ресурс] [Текст] / E.R. Heider, C.C. Olivier. Cognitive Psychology, 3, 337-354. - [http://dx.doi.org/10.1016/0010-0285\(72\)90011-4](http://dx.doi.org/10.1016/0010-0285(72)90011-4).
324. Jones, William. German Colour Terms. A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 2013.
325. Klappenbach, R. Feste Verbindungen in der deutschen Gegenwartssprache. [Текст] / R. Klappenbach. - Halle, 1971 – 300 S.
326. Klaus, Hilde. „Beobachtungen zu den Modefarbenwörtern in der deutschen Gegenwartssprache“. In: Zeitschrift für Germanistische Linguistik 17. 1989. 22-57 S.
327. Koutny, I. In welchen Farben sehen die Ungarn die Welt? Kontrastivphraseologische Untersuchung. 18 – 185. [Текст]/ I. Koutny. (*Microsoft Word - bbh16_text_0117.docx (hu-berlin.de). (дата обращения: 15.10.2023.)
328. Korhonen, J. Probleme der kontrastiven Phraseologie. In: Burger/Dobrovolskij/ D./Kühn Peter/Norrick Neal R.: Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin/NY: Walter de Gruyter [Текст] / J. Korhonen.- Gruyter, 2007. - S. 574-590.
329. Lakoff, J. Language and Woman’s Place. Harper & Row, 1975. 83 p.46. Palm, Christine: Phraseologie. Eine Einführung. [Текст] / J. Lakoff. - Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1995. 130 S.

330. Laurence, S. and Margolis, E. (1999). "Concepts and Cognitive Science." In E. Margolis and S. Laurence (eds.), *Concepts: Core Readings*. Cambridge, MA: MIT Press. — (2002). "Radical Concept Nativism." *Cognition*, 86 (1): 22–55. — (in preparation). *The Building Blocks of Thought*.
331. Ludwig, K. D. Zur begrifflichen und sogenannten nichtbegrifflichen Komponente der Wortbedeutung / [Текст] / DaF: - 1978, № 5. - S. 257-261.
332. Liebsch, Burkhard / RÜSEN, Jörn (Hrsg.) (2001): *Trauer und Geschichte*. [Текст] / K.D. Ludwig. - Böhlau Verlag, Köln.
333. McManus, Ian. A Monochrome View of Colour. In: *Behavioral and Brain Sciences* 20(2). 1997a. 204 S.
334. McManus, Ian. Note: Half-a-million Basic Colour Words. Berlin and Kay and the Usage of Colour Words in Literature and Science. In: *Perception* 26(3). 1997b. 367-370 S.
335. Mieder, W. Sprichwort – Wahrwort: Studien zur Geschichte, Bedeutung und Funktion deutscher Sprichwörter. [Текст] / W. Mieder.- Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. 1992. – 288 S.
336. Oksaar, Els. Über die Farbenbezeichnungen im Deutsch der Gegenwart. In: *Fachsprachliche Dimensionen*. Tübingen: 1988. Narr. 7-24. (zuerst veröffentlicht 1961 in: *Muttersprache* 71, 207-220.)
337. Pagani, C. Le variazioni antropologico-culturali dei significati simbolici dei colori. [Текст] / C. Pagani. - 2001. [<http://www.ledonline.it/leitmotiv/>]
338. Płomińska, M. Farben und Sprache. Deutsche und polnische Farbbezeichnungen aus kontrastiver Sicht. [Текст] / M. Plomska. - Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2003. 209 S.
339. Rosch, E. Cognitive Psychology 7. [Текст] In: Rosch, Eleanor Heider: *Natural Categories* 4. Berkeley: University of California Press, / E. Rosch. -1975. - S. 328-350.

340. Riedel, I. Farben: in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie. [Текст] / I. Riedel. - Kreuz, 1999.- 286 c.
341. Schemann, H. Deutsche Idiomatik. Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. [Текст] / H. Schemann. - Berlin/Boston: De Gruyter, 2011. - 1038 S.
342. Suntrup, R. Liturgische Farbenbedeutung im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. [Текст] In: Symbole des Alltags – Alltag der Symbole. Festschrift für Harry Kühnel zum 65. Geburtstag. Hrsg. von Gertrud Blaschitz, Helmut Hundsbichler u.a. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt. / R. Suntrup. - 1992.- S. 445-467.
343. Seale, C. Constructing Death. The Sociology of Dying and Bereavement. [Текст] / C. Seale. - Cambridge, University Press. 1998.
344. Stoeva-Holm, Dessislava. Farbbezeichnungen in deutschen Modetexten. Eine morphologisch-semantische Untersuchung. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis. 1996.
345. Taylor, L. Mourning Dress. A Costume and Social History. [Текст] / L. Taylor. - London: George Allen & Unwin Ltd. 1983.
346. Tomkova, M. Die emotionale Bedeutung der grünen Farbe in den Liedern der Sammlung „Des Knaben Wunderhorn“. [Текст] Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Ostraviensis / Studia Germanistica. / M. Tomkova. - 2011. – С. 105-112. <http://periodika.osu.cz/studiagermanistica/> (дата обращения: 13.09.2023)
347. Usunier, J. Interkulturelles Marketing: mehr Erfolg im internationalen Geschäft. [Текст] / J. Usunier, B. Walliser. - Wiesbaden: Gabler. 1993.
348. Varela, F. J. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. [Текст] / F.J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. - Cambridge: The MIT Press. 1993. - 157 – 171.
349. Wanzeck, Ch. Zur Etymologie lexikalisierte Farbwortverbindungen. Untersuchungen anhand der Farben Rot, Gelb, Grün und Blau. [Текст]/ Ch. Wanzeck. - Amsterdam: Rodopi, 2003. - 428 S.

350. Wittmers, E. Probleme der Textlinguistik. Studia Grammatica II, [Текст] / E. Wittmers. - Berlin; Akademie-Verlag: - 1981, №6. - S. 766-768
351. Wanzeck, Ch. Zur Etymologie lexikalisierte Farbwortverbindungen. Untersuchungen anhand der Farben Rot, Gelb, Grün und Blau. [Текст] / Ch. Wanzeck. - Amsterdam: Rodopi, 2003. - 428 S.
352. Žilavec, J. Analyse der Farbbegriffe bei Sprechern des Deutschen als Fremdsprache. Master- Arbeit. [Текст] / J. Žilavec, 2023. <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:812258> [дата обращения: 17.05.2024]

Словари:

353. Абакирова, Э.Ш. Русско-киргизский синонимический словарь фразеологизмов, «психическое состояние лица». – Кыргызча-орусча фразеологиялык синонимдик сөздүк, «адамдын психикалык абалы». – Изд. 2, дополн., исправ. [Текст] / Э.Ш. Абакирова. – Бишкек, 2009 – 220 с.
354. Абдулдаев, Э. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. [Текст] / Э. Абдулдаев, К. Сейдакматов. - Ф.: «Мектеп» 1990г.
355. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү [Текст] / Э. Абдулдаев, Д. Исаев, Б. Орузбаева, Ж. Осмонова, К. Сартбаев, А. Турсунов, К.К. Юдахин. - Изд. “Илим”, 1980г. - 323с.
356. Афонькин, Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: Ок. 1200 единиц. [Текст] / Ю.Н. Афонькин. - М.: Рус. Яз., 1985- 287 с.
357. Ахманова, О. С. Деривация (аффиксальное словообразование). Словарь лингвистических терминов. — второе изд. [Текст] / О.С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — С. 129. — 608 с.
358. Байер, Х. Немецкие пословицы и поговорки [Текст] / Х. Байер, А. Байер. – М.: Высшая школа, 1989. – 256с

359. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. [Текст] / Л.Э. Бинович. - М.: Аквариум, 1995г. - 768 с.
360. Бинович, Л.Э. Немецко - русский фразеологический словарь. [Текст] / Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. - М. Русский язык 1975г. - 656с.
361. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. - СПб.: Фолио – Пресс, 1999. – 704 с.
362. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов [Текст] / А.К. Бирих. – СПбГУ, 2007. – 926 с.
363. Большой немецко-русский словарь. в 3 т. / под рук. О. И. Маскальской. [Текст]. - М.: Рус. яз., 1999. - 988 с.
364. Большой англо-русский словарь [Текст] / в 2 т. / под общ. рук. И.Р. Гальперина.- М.: Ренессанс, 1992.- Т.2. – 863 с.
365. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Текст] / В.И. Даль. - М.: ТЕРРА, 1995. Т. 4.
366. Древнетюркский словарь. [Текст]. - Л.: Наука, 1969. 676 с.
367. Девкин, В.Л. Немецко – русский словарь разговорной лексики. [Текст] / В.Л. Девкин. – М.: Рус. яз., 1994. – с. 654.
368. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
369. Ибрагимов, С. Popularis. Русско-киргизский словарь наиболее употребительных слов Кенири колдонулган сөздөрдүн орусча- кыргызча сөздүгү [Текст] / С. Ибрагимов. – Б.: - 224 б.
370. Ивин А. А. Словарь по логике. [Текст] / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. - М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 384 с.
371. Карасаев, Х. Накыл сөздөр: Тил казынасынан баян / Сүрөтчүсү С. Аильчиева. [Текст] / Х. Карасаев. - Ф.: Кыргызстан, 1987. 2-китеп.- 1987.- 344 б.

372. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. [Текст]. - М., 1996. - 275 с. [КСКТ]
373. Керлот, Х. Э. Словарь символов: [Мифология. Магия. Психоанализ: Перевод] [Текст] / Х. Э. Керлот. - Москва: REFL-book, 1994. - 601, [2] с.: ил.; 21 см.; ISBN 5-87983-014-4 (В пер.): Б. ц.
374. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Т.Лузина. – М.: Изд-во Моск.госу. ун-та, 1996. - 245с.
375. Крысина, Л.П. Толковый словарь иностранных слов [Текст] / Л.П. Крысина. - М: Русский язык, 1998.
376. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. [Текст].- Ф.: Мектеп, 1969. Б. 775.
377. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. [Текст] 1-том. - Ф.: Мектеп, 1984. Б. 622.
378. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү, 2015. [Текст]: [Электронный ресурс].
379. Мальцева, Д. Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов, [Текст] / Д.Г. Мальцева.- М.: Русский язык – Медиа, 2003 г. – 506 с. ISBN: 5-9576-0018-0.
380. Макалдар жана лакаптар. [Текст] / Жыйнап түз. А. Садыкулова. - Б.: 2013.- 414 б.
381. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка. [Текст]/ А.И. Молотков.- М.: Рус. яз., 1978. 543 с.
382. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Российский фонд культуры. 3-е изд., испр. и доп. [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М.: АЗЪ, 1995.
383. Орузбаева Б.Ө. Кыргыз тилинин этимологиялык сөздөрүнө материалдар. [Текст] / Б.Ө. Орузбаева. – Б., 2010. – 147 б.
384. Осмонова Ж. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. [Текст] / Ж. Осмонова, К. Конкобаев, Ш. Жапаров. - Б., «КТМУ», 2001г.

385. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 2004.
386. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, часть 1. [Текст] / В. В. Радлов. - СПб. 1893. - 967 с.
387. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, часть 2. [Текст] / В. В. Радлов. - СПб. 1899. - С. 1052
388. Русско-таджикский словарь / Ред. М.С.Асимов. [Текст]. – М.: Рус.яз., 1985. – 1280 с.
389. Садыкулова А. Макалдар жана лакаптар. (со смысловым переводом на русский язык) [Текст] / А. Садыкулова. - 2013г.
390. Сейдакматов, К. Краткий этимологический словарь киргизского языка. [Текст] / К Сейдакматов. - Фрунзе. «Илим». 1988.
391. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. [Текст] / Э.В. Севортян. - М.: Наука, 1974. - 767 с.
392. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. [Текст] / Э.В. Севортян. - М.: Наука, 1980.- С. 395.
393. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». Издательство «ЮНВЕС». [Текст] / А.В. Семенов.- Москва, 2003 г. 704 стр. 5000 экземпляров. (Около 2000 слов.)
394. Семенова, О. А. 2000 русских и 2000 немецких идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний Текст.: слов, с пояснениями и примерами использования [Текст] / О. А. Семенова. Минск: Попурри, 2003. - 256 с.
395. Словарь современного русского литературного языка. [Текст].- М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 1–17.
396. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академ.Проект, 1997. – 824 с.

397. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. [Текст] / Ю.С. Степанов. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40-76
398. Стернин И.А. Предисловие // Словарь молодежного жаргона [Текст] / Ред. И.А.Стернин. – Воронеж: Логос, 1992. – 114 с.
399. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. [Текст] / М.И. Степанова. - СПб.: ООО «Полиграфуслуги». С. – Петербург, 2006. – 608 с.
400. Словарь русского языка. [Текст].- М., 1057–1961. Т. 1–4.
401. Телия В.Н. Словарь образных выражений русского языка. [Текст] / В.Н. Телия. - М.: «Отечество», 1995. - 368 с.
402. Тресиддер, Дж. Словарь символов - Dictionary of Symbols / Джек Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. [Текст] / Дж. Тресиддер. – Москва, Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. - 443 с.: ил.; 20 см.; ISBN 5-8183-0049-8
403. Толковый словарь кыргызского языка, [Текст]. - 2015.
404. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, стер. / Ред. О.Н. Трубачев. Том II (Е - муж). [Текст] / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 671 с.; Том III (Муза - Сат). – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
405. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. [Текст] / А.И. Федоров. - М.: Астрель: АСТ, 2008. - 878 с.
406. Фразеологический словарь кыргызского языка (Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү). Институт языка и литературы имени Ч. Айтматова НАН КР. [Текст] / Ж. Осмонова, К. Конкобаев, Ш. Жапаров. - Бишкек, 2015.
407. Цветная символика // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — 2-е изд., вновь перераб. и значит. доп. - Т. 1-2. [Текст] - СПб., 1907—1909.

408. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. [Текст] / С.М. Хайдаков. – М.: Наука, 1973. – 179 с.
409. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы В, Г и Д. [Текст] – М.: Наука, 1980. – 395 с.
410. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву Қ. [Текст] – М., 2000. – 281 с.
411. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». [Текст]. – М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
412. Этимологический онлайн – словарь русского языка Крылова Г.А. [Электронный ресурс].
413. Этимологический онлайн-словарь русского языка Семенова А.В. [Электронный ресурс].
414. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
415. Этимологический словарь тюркских языков [Текст] / Ред. А.В.Дыбо. – М., 2003. – 446 с.
416. Этимологический словарь монгольских языков. Том II. G-P. [Текст]. – М.: Наука, 2016. – 232 с.
417. Этимологический словарь монгольских языков. Том III. Q-Z. [Текст]. – М.: Наука, 2018. – 240 с.
418. Этимологический словарь тунгусо-маньчжурских языков. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Том I. [Текст]. – Л.: Наука, 1975. – 487 с.
419. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж и Ж. [Текст]. – М.: Наука, 1989. – 293 с.

420. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Трубачев (под ред.)1997. Наука, Москва. Выпуск 25.
421. Юдахин, К.К. Киргизско-русский словарь. Кн.1. А-К. [Текст] / К.К. Юдахин. – Фрунзе, 1985. – 503 с.
422. Beyer, H. Lexicon of Proverbs [Text] / H. Beyer, A. Beyer. – Leipzig: VEB Bibliographical Institut, 1989. – 392 p.
423. Herzog A. Idiomatic Redewendungen von A bis Z Text. / A. Herzog, A. Michel, H. Riedel. - Berlin; München; Wien; Zürich; New York, 1993. - 160 s.
424. Deutsch – kirgisches Wörterbuch. Немисче-кыргызча сөздүк. I том А-К. Биринчи басып чыгарылышы [Текст] / Түз.: П.К. Кадырбекова, В.К. Мулкубатова, К.О. Осмонакунова, С.А. Осмонова. Б.: “Текник” ББ, 2009 – 316 б.
425. Deutsch – kirgisches Wörterbuch. Немисче-кыргызча сөздүк. II том L-Z. Биринчи басып чыгарылышы [Текст] / Түз.: П.К. Кадырбекова, В.К. Мулкубатова, К.О. Осмонакунова, С.А. Осмонова. Б.: “Текник” ББ, 2009 – 261 б.
426. Duden Deutsches Universalwörterbuch/hrsg. u. bearb. vom Wiss.Rat u. d. Mit arb d. Dudenred. unter Leitung von Günter Drosdowski. [Текст] Mannheim, 1989.
427. Duden online. <https://www.duden.de/> [sämtliche im Text referierten Einträge zuletzt abgerufen am 03.01.2023].
428. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) URL: <https://www.dwds.de/wb/grau>
429. DSM = Diccionario de Símbolos y Mitos. Pérez Rioja J.A. - Madrid, 1997. - 452 p.
430. Landenscheid 1000 deutsche Redensarten Text. [Текст] / von H.Griesbach und D.Schulz. Berlin ; München ; Wien ; Zürich ; New York, 1981. - 248 s.

431. Duden. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. [Текст]. - Berlin: Dudenverlag, 2013. - 928 S.
432. Duden. Redensarten. [Текст] Text., Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2007. -336 s.
433. Der Redensarten-Index. [Webseite] URL: <http://www.redensarten-index.de/suche.php> [Электронный ресурс] [Zugriff am 05.05.2016]
434. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. [Текст] / H. Küpper.- Stuttgart, 1987.
435. Krüger-Lorenzen, K. Deutsche Redensarten und was dahinter steckt [Текст] / K. Krüger-Lorenzen. - München: Wilhelm Heyne Verlag, 2001. - 864 s.
436. Lexikon der schönsten Sprichwörter und Zitate. 2008 by Bassermann Verlag, einem Unternehmen der Verlagsgruppe Random House GmbH, 81673 München- S. 400.
437. Pfeifer W. et al. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. 1993. Rezhim dostupa: <https://www.dwds.de/wb/schwarz> (Data obrashcheniya 04.05.2022). Universal-Lexikon. 2012. [Webseite] URL: http://universal_lexikon.deacademic.com/ [Текст] / W. Pfeifer. [Электронный ресурс].
438. Rot // Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу <http://www.dwds.de/?view=1&qu=rot>
439. Seiler, F. Deutsche Sprichwörterkunde [Текст] / F. Seiler. - München, 1922.
440. Universal-Lexikon. 2012, URL: http://universal_lexikon.deacademic.com/

441. Wahrig G. Wörterbuch der deutschen Sprache. [Текст] / G. Wahrig.- München, 1986.

442. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1964–1977), kuratiert und bereitgestellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/weiß> (дата обращения: 19.07.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Тематические группы фразеологизмов с цветовым обозначением в немецком языке

1. Идиомы, содержащие человеческие характеристики.

а) Поведение к окружающим его людям, оценка человека

1. ein weißer Rabe – необыкновенный человек;
2. eine weiße Weste haben – быть невиновным;
3. das schwarze Schaf (der Familie) – член семьи с оскорбительным/неадекватным поведением; тот, кто вызывает гнев других своим образом жизни;
4. schwarz angeschrieben sein – быть непопулярным; впасть в немилость у кого-либо;
5. eine schwarze Seele haben – злиться; иметь черную душу;
6. schwarze Flecken auf der Weste haben / einen schwarzen Fleck auf der Weste haben – 1. быть виновным; совершить что-то, что портит чью-либо репутацию; 2. проиграть; потерпеть неудачу;
7. eine graue Maus – незаметная/сдержанная женщина;
8. die graue Eminenz – влиятельный, но невидимый, серый кардинал;

б) Личность

1. eine rote Socke – член бывшей коммунистической партии (сейчас: левые), в более широком смысле: коммунист / социалист
2. rote Grütze im Kopf haben – быть социалистом, коммунистом; быть левым (в политике);
3. rote Hure – проститутка с накрашенным лицом
4. rot angehaucht sein – иметь социалистические/коммунистические идеи; быть политически левым
5. eine grüne Witwe – жена, которая целый день проводит одна дома в сельской местности (в деревне), пока ее муж идет на работу;
6. ein grüner Junge – неопытный/незрелый мальчик;

7. grün um die Nase sein – быть молодым и неопытным; выглядеть болезненным/слабым;
8. noch grün sein – быть неопытным;
9. noch grün hinter den Ohren sein – быть еще молодым и неопытным;
10. einen grünen Daumen haben – иметь любовь к растениям; хорошо обращаться с растениями; добиться успеха в уходе за садом
11. blauäugig sein – быть наивным и неопытным;

в) По происхождению

1. zu einem weißen Jahrgang gehören – принадлежат к классу, который не должен был проходить военную или альтернативную военную службу
2. blaues Blut (in den Adern) haben – быть благородным; принадлежать к дворянству;

г) Эмоции, чувства, состояние

1. bis zum Weißbluten – до истощения, разрушения;
2. jmdn. bis zur Weißglut bringen/treiben/reizen/ärgern – разозлить кого-то очень сильно;
3. weiße Mäuse sehen – быть пьяным, бредить;
4. das Weiße im Auge sehen – встретиться лицом к лицу с кем-то напрямую
5. jmdn. schwarz ärgern – сильно раздражать кого-то;
6. schwarz vor Ärger werden – сильно раздражаться;
7. jmdm. wird schwarz vor Augen – упасть в обморок/без сознания;
8. warten bis man schwarz wird – ждать напрасно;
9. schwarze Gedanken hegen – быть пессимистичным;
10. jmdm. nicht das Schwarze unter dem Nagel/ den Nägeln gönnen – завидовать;
11. alles/ etwas in schwarzen Farben malen – быть пессимистичным; бояться худшего;
12. etwas schwarz malen – изображать что-то пессимистично; бояться худшего;
13. Schwarzmalerei betreiben – быть пессимистичным;

14. in ein schwarzes Loch fallen – быть подавленным/депрессивным; потерять эмоциональную поддержку из-за неудачного опыта;
15. alles grau in grau malen / sehen – быть пессимистичным; впасть в мрачное настроение;
16. in der Nacht / bei Nacht / nachts sind alle Katzen grau – В темноте многое остается тем же самым; что-то такое же/эквивалентное/не имеет значения; Ночь стирает различия;
17. sich (wegen etwas) keine grauen Haare wachsen lassen – не волноваться;
18. den roten Rock tragen – любить страстно; отдаться любимому;
19. auf jmdn. wirken wie ein rotes Tuch – действовать на кого-то провокационно, вызывать гнев и ярость;
20. ein rotes Tuch für jmdn. sein – вещь, которая кого-то сильно раздражает/раздражает/провоцирует; тот, кто кого-то злит;
21. rote Ohren haben/ kriegen – стыдиться;
22. grün vor Neid werden – быть очень завистливым;
23. jmdm. nicht grün sein – не быть благосклонным к кому-либо; быть непопулярным среди кого-либо;
24. Ach du grüne Neune! – Восклицание изумления/тревоги/шока/удивления;
25. Komm an meine grüne Seite! – Подойди к моему сердцу! это то, что говорят, когда тебе кто-то нравится;
26. blau sein – быть в алкогольном опьянении;
27. blau wie eine Strandhaubitze / Haubitze sein – быть совершенно пьяным;
28. der gelbe Neid – неприкрытая зависть;
29. gelb vor Neid werden – ревновать, пожелтеть от зависти;
30. grün und gelb vor Neid werden – быть очень завистливым, ревностно относиться к чему-либо;
31. sich grün und blau ärgern – сильно сердиться;
32. grün und gelb – злиться;
33. grün und blau vor Ärger werden – сильно раздражаться;
34. jmdm. wird es grün und blau – заболеть;
35. grün und gelb vor Augen – кому-то становится плохо;

д) Внешний вид

1. etwas Rot auflegen – накраситься красным макияжем;
2. rot anlaufen – покраснеть;
3. ein blauer Fleck – гематома/синяк; Синюшное изменение цвета кожи после шоковой травмы;
4. ein blaues Auge – глаз, приобретший синеватый цвет из-за травмы/удара или чего-либо подобного;
5. ganz weiß im Gesicht – быть бледным;
6. weiß wie die Kreide – белый как мел;
7. weiß wie die Wand – стать бледным как стена;
8. braun und blau – быть жестоко избитым;

2. Фразеологизмы со ссылкой на профессиональную и иную принадлежность, тип деятельности, выполняемой обязанности

1. die weißen Mäuse – сотрудники ГИБДД на мотоциклах;
2. blaue Jungs – матросы, моряки;
3. ein gelber Engel – помощник по ремонту из ADAC (Всеобщий немецкий автомобильный клуб);

3. Имена собственные

1. das Internationale Komitee vom Roten Kreuz – беспристрастная, нейтральная и независимая организация с исключительно гуманитарной миссией;
2. Rote Liste – 1. территориальный подбор животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, виды растений в соответствии с категориями угрозы, определенными на международном уровне;
2. В аптеке перечень продаваемых лекарств и их действие.
3. das Grüne Gewölbe – коллекция исторического музея в Дрездене;
4. Grüner Hügel – холм, на котором стоит Фестивальный зал Вагнера в Байройте;
5. Pariser Grün – средства защиты растений;

4. Перифрастические замены

1. das Weiße Haus – официальная резиденция президента США;

2. weiße Kohle – Электричество, гидроэнергетика;
3. der Schwarze Kontinent – Африка;
4. das schwarze Gold – нефть;
5. der Schwarze Tod – чума;
6. die grauen Zellen; graue Zellen – клетки головного мозга; мозг; память, мыслительные способности, умственная работоспособность;
7. der rote Planet – Марс;
8. das grüne Herz Deutschlands – Тюрингия;
9. (kleine) grüne Männchen – внеземные существа;
10. der blaue Planet – Земля;

5. Положительные и приятные впечатления, опыт и т. д.

1. ins Schwarze treffen – признать правильную вещь;
2. ein Schuss ins Schwarze – прямое попадание; меткое замечание; успешная мера;
3. schwarze Zahlen schreiben – получить прибыль;
4. in den schwarzen Zahlen liegen / sein – получить прибыль;
5. den roten Teppich ausrollen – принять гостя с самыми высокими почестями;
6. einen Tag/ etwas rot anstreichen – выделить день особенно, запомнить его особенно хорошо;
7. einen roten Rock verdienen – завоевать расположение;
8. rote Nosen verdienen wollen – добиться благосклонности через любовное служение;
9. sich wie ein roter Faden ziehen – быть лейтмотивом;
10. jmdn./etw. über den grünen Klee loben – очень хвалить/оценивать кого-то/что-то; чрезмерно хвалить кого-либо/что-либо;
11. etwas / alles liegt/ ist im grünen Bereich – что-то находится в пределах нормы/диапазона допуска/в пределах допустимого; что-то (все еще) приемлемо; что-то/все под контролем;
12. mit einem blauen Auge davonkommen понести лишь небольшой урон; повезти в несчастье;

13. etwas in rosigen / rosaroten Farben malen – судить о чём-либо оптимистично; увидеть что-то позитивно; видеть светлую сторону чего-либо;
14. etwas im rosigen / rosaroten Licht sehen – судить о чём-либо слишком позитивно/оптимистично; увидеть хорошую сторону чего-либо; наивно идеализировать что-либо; иметь точку зрения, которая больше соответствует собственным желаниям, чем реальности;

6. Негативные и неприятные явления, переживания и т.п.

1. jmdm. nicht das Weiße im Auge gönnen – быть обиженным;
2. der weiße Tod – смерть от схода лавины или от замерзания насмерть в снегу;
3. mit etwas sieht es schwarz aus – что-то выглядит неблагоприятно, плохо;
4. eine schwarze Liste – список нежелательных людей/подозрительных организаций;
5. der schwarze/ Schwarze Mann – страшная фигурка для маленьких детей;
6. den schwarzen Peter haben – быть невезучим; (не по своей вине) что-то неприятное/приходится брать на себя вину/ответственность;
7. jmdm. den schwarzen Peter zuschieben/ zuspieren – обвинить кого-то в неприятной проблеме/вине/ответственности, чтобы самому от нее избавиться;
8. ein schwarzer Tag – неудачный день, день, когда все терпит неудачу;
9. schwarzer Freitag – крах фондового рынка; серьезная неудача;
10. schwarzer Humor – юмор, основанный на действительно ужасных вещах;
11. etw. schwarz tun/ machen – действовать незаконно; сделать что-то без разрешения;
12. Schwarzarbeit machen – выполнять нелегальную оплачиваемую работу;
13. eine schwarze Kasse – Секретный фонд для хранения тайно/незаконно собранных денег;
14. der schwarze Markt (Schwarzmarkt) – нелегальный рынок;
15. der graue Markt – торговля, которая нежелательна с точки зрения регулирования; нерегулярные каналы сбыта; неконтролируемый рынок, происходящий за пределами обычных каналов сбыта;

- 16.der graue Alltag – Скука, однообразие, пустые часы, однообразие;
- 17.Bis dahin kann ich ja alt und grau werden! – к тому времени я состарюсь и поседею! - так говорят, когда ждут слишком долго;
- 18.heute rot, morgen tot – сегодня здоров, завтра мертв, так говорят, когда кто-то внезапно умирает;
- 19.jmdm. den roten Hahn auf Dach setzen – поджечь чей-то дом;
- 20.dem Rotstift zum Opfer fallen – быть жертвой из-за нехватки денег;
- 21.den Rotstift ansetzen – экономить, сократить расходы;
- 22.eine/ die rote Linie überschreiten – сделать что-то, чего больше нельзя терпеть; желание нарушить табу; пересечь границу;
- 23.rotes Licht für – запрет/ отказ / остановить кого-то, дать красный цвет, что-то предотвратить;
- 24.jmdm. rote Karte zeigen – предупредить/выбросить кого-либо; помешать чьим-то планам;
- 25.den roten Faden verlieren – потерять последовательную мысль;
- 26.die rote Laterne übernehmen/ tragen/ innehaben – финишировать на последнем месте; быть последним;
- 27.rote Zahlen schreiben – понести убытки, оказаться в минусе;
- 28.in den roten Zahlen liegen/ sein – понести убытки; быть в минусе;
- 29.roter Montag – Понедельник, когда состоится суд;
- 30.kein roter Heller – нет денег;
- 31.etwas ist keinen roten Heller wert – что-то совершенно бесполезное;
- 32.jmdm. einen roten Rock bringen – подкупить кого-то;
- 33.über die grüne Grenze gehen – пересекать границу/пересекать границу незаконно;
- 34.jmdn. deckt der grüne Rasen – кто-то. мертв/похоронен;
- 35.auf keinen grünen Zweig kommen; nicht auf den grünen Zweig kommen – не в состоянии создать прочные средства к существованию; не иметь успеха;
- 36.am grünen Tisch; vom grünen Tisch aus – в офисе; за столом; оторван от реальности; без знания практики;

37. grüner wird's nicht! – Зеленеет не бывает! - шуточное или гневное замечание тому, кто не продолжает движение, несмотря на зеленый свет;
38. blaumachen – пропустить; не работать; держаться подальше без причины; пропасть без причины;
39. blauen Montag machen – не ходить на работу по понедельникам;
40. jmdm. das Blaue vom Himmel versprechen – обещайте невозможное без каких-либо запретов;
41. das Blaue vom Himmel herunterlügen – рассказывать лживые истории; ложь;
42. ein blauer Brief – уведомление об увольнении;
43. jemandem blauen Dunst vormachen – обмануть/обхитрить/ввести в заблуждение/солгать кому-либо;
44. jmdn. gelbe Karte zeigen – предупредить/выгнать кого-либо;
45. gelbe Presse – желтая пресса;
46. eine braune Vergangenheit haben – занимал высокий пост в эпоху национал-социалистов (1933–1945); в прошлом был убежденным нацистом;
47. aus Schwarz Weiß machen – перевернуть смысл;
48. jmdn. grün und blau schlagen – избить кого-то до смерти;
49. grün und gelb schlagen – хорошенько избить кого-либо;
50. Grün und Blau schmückt die Sau – зеленый и синий не сочетаются друг с другом; зеленый синий – не гармоничное цветовое сочетание;

7. Названия явлений, событий

1. die weißen Hunde – барашки на волнах;
2. weiße Weihnachten – Рождество со снегом;
3. ein weißer Fleck (auf der Landkarte) – неизведанная территория; предметная область, которая до сих пор игнорировалась;
4. einen Mohren weiß waschen wollen – попытаться сделать невозможное;
5. (nur) graue Theorie – недоказанное на практике;
6. rote Monarchie – господство социалистов;
7. rote Republik – республика, возглавляемая рабочими;

8. rotes Gespenst – увеличение голосов за социал-демократов и связанный с этим страх перед социальной революцией;
9. blaue Stunde – время сумерек;
10. blauer Dunst – дым сигареты/сигары/трубки;
11. ins Blaue fahren; eine Fahrt ins Blaue machen – отправиться в путешествие в неизвестное или неопределенное место;
12. ins Blaue schießen – действовать только на основе предположений; делать что-то без определенной цели и безуспешно;
13. ein Schuss ins Blaue sein – не (способен) действовать целенаправленно;
14. ins Blaue hinein – по подозрению; без подготовки; без необходимой предварительной информации; случайно; без поставленной цели;
15. auf blauen Dunst hin – без определенных знаний;
16. eine Blaupause sein; als Blaupause dienen – быть шаблоном/образцом/чертежом чего-либо; служить моделью, которую можно перенести в другие области;
17. ins Grüne fahren/gehen – выехать на природу;
18. eine Fahrt ins Grüne – поездка на природу;
19. bei Mutter Grün – быть на природе;
20. auf der grünen Wiese – быть в пригороде;
21. eine grüne Lunge – лесной массив, служащий источником кислорода для населенных пунктов;
22. dasselbe / das Gleiche in Grün – тоже самое;
23. schwarz wie die Nacht – сильно черный;
24. etwas ist nicht (gerade) das Gelbe vom Ei – что-то требует улучшения;
25. schwarz auf weiß gedruckt, geschrieben – соответствовать правде;

8. Символическое обозначение явлений

1. die weiße Taube – символ мира;
2. blaue Blume – символ романтики, тоски, любви;
3. grüne Welle – В дорожном движении используется особая последовательность включения нескольких светофоров, что означает, что транспортные средства, движущиеся по непрерывной дороге с

постоянной скоростью, всегда имеют «зеленый» свет, что позволяет лучше протекать транспортному потоку;

4. grünes Licht haben – разрешено что-то делать; иметь разрешение;
5. jmdm. grünes Licht geben – дать кому-либо разрешение на реализацию проекта;

9. Обозначения

1. die weiße Fahne zeigen/ schwenken/ hissen – капитулировать;
2. roter Faden – характерная черта, придающая характеру целостность, лейтмотив, ориентировочное средство;
3. Grüne Grenze – прохождение международно признанных сухопутных границ между утвержденными пунктами пересечения границы;

10. Артефакты, рукотворные объекты

1. das schwarze Brett – доска объявлений;
2. die Schwarze Kunst – 1. печатный станок; 2. магия;
3. rotes Buch – термин для городских книг, юридических сборников и справочников, в которых перечислены преступники;
4. rote Literatur – марксистская литература;
5. roter Artikel – газетная статья с прорабочим уклоном;
6. roter Turm – место, где заседал суд или тюрьма;
7. die Rote Tür – тюрьма;
8. roter Graben – места, где проводился суд в средние века;
9. das Rote Tor – резиденция светского суда;
10. blaue Bohnen – винтовочные пули, пистолетные пули;
11. blauer Heinrich – плевательница для больных туберкулезом;
12. eine grüne Minna – полицейская машина, используемая для перевозки заключенных;
13. Pommes Rot-Weiß – картофель фри с майонезом и кетчупом

11. Религия

1. weißer Sonntag – первое воскресенье после Пасхи, день первого причастия;

2. roter Sonntag – 2-е воскресенье после Пасхи, Страстное воскресенье;

12. Собрание людей, встречи

1. der schwarze Block – спонтанное объединение левых, автономных или анархистски настроенных людей, часто одетых в черное, агрессивных и в масках, на демонстрациях;
2. rote Internationale – международная федерация рабочих;

13. Спорт

1. der weiße Sport – теннис;

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Тематические группы фразеологизмов с цветовым обозначением в кыргызском языке

1. Идиомы, содержащие человеческие характеристики.

а) Поведение к окружающим его людям, оценка человека

1. ак жаркын – благодушный
2. ак жолтой – человек приносящий, удачу.
3. ак жоолук – молодуха, девушка только вышедшая замуж
4. ак жүрөк - честный, устойчивый к собственным взглядам и чувствам, справедливый, честный
5. ак каптал – 1. человек, много видевший в жизни, 2. взрослый, 3. ленивый
6. ак койдон аңкоо, боз койдон момун - наивнее белой овцы, скромнее серой овцы
7. ак көрпө жайыл - зрелый во всех отношениях, знающий человек колу ачык аял ж-дө. Карасаевди кара.
8. ак көңүл – человек не мстительный, с чистой душой
9. ак ниет – человек с хорошими намерениями
10. ак пейил – доброжелательный
11. бети кара, жүзү кара, кара бет – лицемерный, бесстыдный человек
12. боз келин – смуглянка
13. кара далы – девушка, оставшаяся в девках
14. Кара ниет - человек с черной душой
15. көздүн карегиндей кара - бесценный
16. көк бет – упрямый человек
17. көк мээ - идиот
18. сары ооз балапан- желторотый птенец; малолетний.
19. ак төөнун карды жарылуу — выражение, связанное с животным (вероятно, о незначительных трудностях).

б) Личность

1. ак кол – белоручка, жалкоо
2. ак сакал – 1. пожилой человек, 2. обращение к человеку, занимающий высокий пост, выражая ему уважение
3. ак таңдай- поэт, импровизатор
4. боз баш бала – зеленый юнец
5. боз улан - жигит
6. кара башы – одинолично, сам человек.
7. кара боор - 1. человек, выросший вдалеке от родных, ставший равнодушным; 2. бездушный человек; 3. бедный человек
8. кара жаак – красноречивый, мастер слова, лучший певец
9. кара жемсөө – взяточник, коррупционер
10. кара жолтой – человек, приносящий несчастья
11. кара жүрөк – человек, со злыми намерениями
12. кара катын – черная женщина, небрежное отношение
13. кара курсак – человек, который работает исключительно ради заполнения своего живота, ради еды.
14. кара кыз – карапайым кыз: кара кыздын агынан эмес, багынан.
15. кара мүртөз – человек с плохим характером, бездушный человек
16. кара ооз - очень злой, язкастый человек
17. кара өзгөй - конфликтный, оскорбительный, бесстыдный, злой, жестокий.
18. кара саат – 1. человек с плохими намерениями; 2. коогалаң маал
19. кара сакал – молодой человек
20. кара таман – бедный человек
21. кара тумшук – несчастный, бедняга
22. көк сакал – человек средних
23. куу далы – см. то же самое *кара даалы*
24. кызыл бут - холостяк

25. кызыл кыз – незамужняя молодая красивая девушка.
26. сары карын - относится к женщине, которая родила три или четыре раза, или к кобыле, которая родила три или четыре раза.
27. сары эсеп – говорят про человека жадного

в) По происхождению

1. ак сөөк - человек благородных кровей, аристократ
2. кара сөөк – человек из низкого сословия, чоң уруунун арасында жашаган бөлөк урууну кара сөөк дешет. Алардын укуктары чектелүү.
3. карапаим эл – простолюдин

г) Эмоции, чувства, состояние

1. ак молдо – алкоголь
2. ак сүтүн кечүү - это выражение используется при смерти, когда мать довольна поступками своего ребенка.
3. ак сүтүнө коюу - это выражение используется при случае, когда мать недовольна поступками своего ребенка.
4. ачуудан караруу – почернеть от злости
5. беттери албуттап кызаруу- краснеть от стыда
6. кара боек менен боео – рисовать черными красками
7. кара түндөй – чернее ночи
8. көксөө, сарсанаа- тоска зеленая???
9. кызыл жинди – ашкан жинди
10. кызыл камчы – каардуу, аялын көп сабаган
11. кызылдай мас – пьяный в стельку
12. оозунан ак ит кирип, кара ит чыгат (букв. В рот вошла белая собака, вышла черная) – сильная брань

д) Внешний вид

1. ак көп – 1. состояние кожи после перенесения кори, краснухи. 2. состояние человека, когда тело отекает. 3. время, когда тело птенцов покрывается пухом.

2. ак саамай – белые как иней виски (серебристые виски)
3. ак чач- кара чач, ак сакал – кара сакал – старость - молодость
4. ак сары чач – русский, блондин, светловолосый
5. ак чачтуу – седоволосый
6. аппак куудай чал – седой как лунь
7. кара (чирик) тиштер – черные (гнилые) зубы
8. кардай аппак чач – седоволосый как снег (белоснежная голова)
9. күрүчтөй ак тиш - белые как рис зубы
10. кыздын кызылынан кырк кыз берип, катындын карасынан алтымыш катын берип - отдав (в качестве виры) сорок красивых девушек и шестьдесят милостивых женщин
11. кызыл беттү, кымча бел кыздары сонун кыргыздын - *фольк.* румяные, с тонкой талией, прекрасны девушки киргизов
12. кызылдуу – краснощекий
13. чыйкандай кыпкызыл - красный как рак (*букв.* как чирей)

2. Фразеологизмы, указывающие на профессиональную и иную принадлежность, тип деятельности

1. ак калатчандар – белые халаты, медики
2. ак жакалар – белые воротничники
3. ак көйнөкчөндөр – люди, занимающие высокий пост

3. Имена собственные

1. Жашылдар – движение зеленых
2. Кызыл Армия – Красная армия
3. Кызыл аянт – красная красивая площадь
4. Кызыл галстук- Красный галстук
5. Кызыл жылдыз- красная звезда
6. Кызыл китеп - красная книга
7. Кызыл крест - Красный крест
8. Кызыл туу – Красный флаг

4. Перифрастические замены

1. агарган таңга чейин – до рассвета
2. ак алтын – белый хлопок
3. ак таш – известняк
4. ак үй – Белый дом, дом где заседает правительство
5. аксак сары ат мойнуңда - у нас с тобой (по твоей вине) все кончено
6. кара алтын- нефть
7. кара чай – черный чай
8. көк чай – зеленый чай
9. көк чөп –зеленая трава
10. сары алтын - табак
11. сары журт – место, где раньше стоял аул
12. сары короо - место овечьего загона

5. Положительные и приятные впечатления

1. Ак дуба- белая магия
2. Ак жолтой – приносящий счастье
3. Боз салкын – легкая мгла
4. Кара күч – большая сила
5. Кара тил – красноречие

6. Негативные и неприятные явления

1. Ала – жипти аттоо - изменить
2. Кара дуба - черная магия
3. Кара жолтой – приносящий несчастья
4. Кара жумуш- черная работа
5. Кара кагаз – похоронная бумага
6. Кара каргыш сөз - проклятье
7. Кара мышык чуркап өттү – пробежала черная кошка

8. Кара шамал – сильный ветер
9. Кер сары – болезненно бледное лицо
10. Кызыл чиедей – маленький неокрепший ребенок
11. Кызыл чөл – безжизненная пустыня
12. Сары оору – затяжная болезнь, глубокая печаль
13. Сары пресса – желтая пресса
14. Сары санаа, сары убайым – тревога
15. сары шамал - холодный ветер
16. Узун сарыга сакта- хранить на черный день авитаминоз мезгили, жазга маал

7. Названия явлений и событий

1. жашыл бакча – коон, дарбыз айдалган жер
2. зеленый сад - жашыл бак
3. сары өзөн -высохшее русло реки
4. сары талаа - безлюдная степь, пустыня
5. узун сары – ранняя весна, время когда истощаются зимние запасы – туура
6. ак жаан — продолжительный мелкий дождь.

8. Символическое обозначение явлений

1. Ак жол! – хорошего пути
2. Ак көгүчкөн – символ любви, тынчтыктын символу
3. Ак тилек – белая/голубая мечта
4. ак үй – белый дом (символ власти)
5. ак шумкар – белый сокол, символ чистоты и благородства помыслов воспета в легендах и народном эпосе
6. Кара жол – колёсная дорога; асфальтированная дорога
7. Кара күн – черный день
8. Кызыл күн – красный день (праздничный день)

9. сары жол – большая выючная или скотопрогонная дорога (в отличие от кара жол - колёсная дорога)

9. Термины

1. Жашыл экология – зеленая экология
2. Жашыл экономика – зеленая экономика
3. Кара жашык (Отунбаева: кара жашыкты ачпагыла!)
4. Кызыл сап – красная строка
5. Кызыл сызык – красная нить
6. *серая/зеленая экономика*
7. белая/серая/черная зарплата

10. Артефакты, рукотворные объекты

1. Ала жип – черно- белая пряжа
2. Ала кийиз - пестрый войлок
3. Көгүлтүр экран – голубой экран
4. Көшөгө - ширма, за которой сидят молодые невестки ак көшөгө

11. Спорт

1. Кара кур – черный пояс
2. Кызыл кур- красный пояс
3. Сары карта – желтая карточка в футболе

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Тематические группы фразеологизмов с цветовым обозначением в русском языке

1. Идиомы, содержащие человеческие характеристики.

а) Поведение к окружающим его людям, оценка человека

1. белая ворона – человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих;
2. белый негр – о бесправном, выполняющем непосильную работу человеке как белый человек – по-человечески, нормально, без трудностей, в комфортных условиях;
3. желторотый птенец – молодой, неопытный, наивный человек;
4. зелёная голова – несообразительный, недалёкий человек;
5. зелёный юнец – очень юный, не достигший зрелости;
6. как красное яичко – о красивом, миловидном и улыбающемся человеке;
7. красная девица/ девка – о молодом человеке, застенчивом, неуместно робком;
8. красная девушка/ девица/ девка – незамужняя девушка;
9. красней красного солнышка, ясней ясного месяца – о ком-либо очень дорогим, любимым, единственным;
10. красный каблук – щёголь;
11. красный следопыт – человек, ведущий на общественных началах поисковую работу по сбору материалов для музеев революционной, боевой и трудовой славы;
12. некто в сером – загадочная, неизвестная личность, инкогнито серая мышь – о тихом, незаметном, скромном человеке;
13. серый кардинал – о том, кто обладает большой властью, но остаётся в тени;
14. синий чулок – педантка, лишённая женственности;
15. синяя борода – строгий, требовательный муж;

16. сопля зелёная – кто-либо слишком молод, чтобы разбираться в чём-либо, понимать что-либо как синь порох в глазу – один-единственный дорогой человек;

17. чёрная душа – о коварном человеке, способном на низкие поступки;

б) По происхождению

1. белая кость – барин, аристократ, человек знатного происхождения;

2. голубая кровь – человек дворянского сословия, аристократического происхождения;

3. чёрная кость – низкое сословие;

4. чёрный клобук – тюркский вассал киевских князей;

5. чёрный народ – плебеи, простолюдины;

в) Эмоции, чувства, состояние

1. белая зависть – зависть без злобы;

2. действовать/подействовать как на быка красный цвет – о раздражающем, выводящем из себя действии;

3. до белого савана – до самой смерти;

4. до зелёного змия – мертвецки, до галлюцинаций и нервного расстройства;

5. доводить до белого каления – разозлить;

6. доходить до белого каления – терять самообладание, доходить до крайнего раздражения;

7. представлять/показывать/выставлять в чёрном виде/свете – представлять что-либо в неприглядном виде;

8. рисовать чёрными красками – показать что-то в неприглядном, мрачном виде;

9. тоска зелёная – о томительной, невыносимой скуке, тоске;

10. чёрная зависть – о желании обладать чем-либо, имеющимся у другого, сопровождаемом злобой, досадой;

11. чернее ночи – очень мрачен, угрюм;

12. чернее тучи – мрачный, угрюмый;

13. чудовище с зелёными глазами – ревность;

г) Внешний вид

1. белый как бумага – очень бледный;
2. белый как полотно;
3. белый как смерть;
4. белый как стена;
5. зардеться как заря красная – о густо покрасневшем человеке;
6. *красный как рак* – о покрасневшем от волнения, смущения человеке;

2. Фразеологизмы со ссылкой на профессиональную и иную принадлежность, типа деятельности, выполняемой обязанности.

1. белые воротнички – конторский служащий;
2. зелёные фуражки – о пограничниках;
3. лезть под красную шапку – делать что-то, чтобы стать солдатом;
4. люди в белых халатах – врачи;
5. под красной шапкой – в армии России;
6. серая скотинка – пренебрежительное название солдат в дореволюционной;
7. серые шинели – солдаты;
8. синие мундиры – жандармы в дореволюционной России;
9. чёрная сотня – русские отряды ополчения из простого народа;

3. Имена собственные

1. Белый Лебедь – неофициальное название исправительной колонии особого режима;
2. Зелёный свод – коллекция драгоценностей в Дрездене (перевод с нем. Das Grüne Gewölbe) исчезновения видов растений и животных
3. Красная книга – название списков редких и находящихся под угрозой
4. Красная Шапочка – главная героиня сказки Ш. Перро «Красная Шапочка»
5. Международный комитет Красного Креста – гуманитарная организация, нейтральности и беспристрастности осуществляющая свою деятельность во всём мире, исходя из принципа

6. парижская зелень – порошок для истребления грызунов

4. Перифрастические замены

1. белое золото – хлопок;
2. Белый дом – официальная резиденция президента США;
3. белый камень – известняк;
4. белый уголь – движущая сила воды;
5. до белого света – до рассвета, до утра;
6. до белых мух – до начала зимы, до первого снега;
7. жёлтый дом – сумасшедший дом;
8. зелёное вино – водка;
9. зелёные человечки – инопланетяне;
10. красная планета – Марс;
11. серое вещество – мозг;
12. середь бела дня – в дневное время, днём;
13. чёрная немочь – эпилепсия;
14. чёрная смерть – чума, эпидемия;
15. чёрное золото – нефть;
16. Чёрный континент – Африка;

5. Положительные и приятные впечатления и опыт и т. д.

1. белый шар – избирательный шар, означающий «за избрание»;
2. белая магия – по средневековым суеверным представлениям: волшебство с помощью небесных сил;
3. белая зарплата – официальная зарплата;
4. красное слово – красноречие;
5. красный угол – место расположения иконостаса;
6. проходить красной нитью – являться основным, главным, насквозь пронизывать что-либо;
7. ради красного словца – говорить, чтобы сказанное звучало эффектно;

8. красная цена – самая высокая цена, которую можно дать за что-либо; самое большое, что можно получить за что-либо;
9. красные дни – ясные, солнечные, весенние дни;
10. ждать как красного солнышка – о длительном ожидании кого-то очень любимого;
11. красная доска – доска почёта;
12. получить на блюдечке с голубой каёмочкой – получить что-либо легко, без усилий;
13. смотреть сквозь розовые очки – не замечать недостатков окрашивать;
14. в розовый цвет – давать чему-либо незаслуженно положительную оценку, не замечать, не видеть каких-либо недостатков;
15. в розовом цвете/свете – лучше, чем есть на самом деле;
16. видеть в розовом свете – видеть только хорошее;

6. Негативные и неприятные явления, переживания и т.п.

1. белый свет не мил – ничто не радует, всё угнетает;
2. белый террор – систематическое истребление контрреволюцией руководителей и участников революционного движения;
3. бумага не краснеет – письменно можно высказать такие мысли, которые высказать устно стесняются;
4. в белый свет как в копеечку – мимо цели, не попав в цель;
5. видал в гробу в белых тапочках – не уважать, пренебрегать;
6. держать в чёрном теле – сурово, строго обращаться с кем-либо в чёрном цвете – мрачным, хуже, чем есть на самом деле;
7. ёлки зелёные! – выражение недовольства, досады, удивления;
8. жёлтая карточка – предупреждение;
9. жёлтая пресса – о прессе, предназначенной для невзыскательного, массового читателя, бульварная пресса;
10. зелен виноград – оборот, подчёркивающий мнимое презрение к тому, чего нет возможности достигнуть;
11. зелёный змей – об алкоголе;
12. коричневая чума – фашизм;

13. красный петух – пожар;
14. подпускать красного петуха – устраивать пожар, поджигать;
15. с чёрного хода – нечестным путём;
16. серая зарплата – неофициальная зарплата;
17. серая кошка пробежала – произошла неожиданная ссора, размолвка между кем-либо; кто-либо с кем-либо поссорился;
18. серые будни – о скучной, однообразной жизни;
19. сказка про белого бычка – бесконечная, нудная, скучная история;
20. старость не красные дни – преклонный возраст мало радует;
21. чёрная доска - стенд, щиток с именами заслуживающих порицания;
22. чёрная зарплата – неофициальная зарплата;
23. чёрная книга – по суеверным представлениям: книга заклинаний, с помощью которых возможно волшебство и чародейство;
24. чёрная кошка пробежала – неожиданно возникла неприязнь, отчуждение;
25. чёрная магия – по средневековым суеверным представлениям колдовство с помощью адских сил;
26. чёрная неблагодарность – зло в ответ на добро;
27. чёрное дело – преступление, злодейство;
28. чёрное слово – проклятие, ругательство;
29. чёрный глаз – о порче глазом;
30. чёрный год – несчастный год;
31. чёрный день – трудное время в жизни кого-либо, несчастный день;
32. чёрный рынок – неофициальный, нелегальный рынок/белый/серый;
33. чёрный час – время сильного потрясения, беды, трагедии;
34. чёрный шар – избирательный шар, означающий «против избрания»;
35. чёрный юмор – юмор с примесью цинизма;

7. Названия явлений, переживаний

1. белое пятно – пробел, неосвоенный, неизведанный;
2. белые мухи – снег, снежинки;

3. белые ночи – летние ночи;
4. белый свет – мир, вся вселенная;
5. до синь пороха – до мелочей ни синий порох – совсем ничего;
6. зелёное золото – лес;
7. зеленый друг – о лесе, зеленых насаждениях, отдельных деревьях;
8. зелёный шум – о пробуждении природы весной;
9. красная суббота – коммунистический субботник;
10. чёрным по белому – совершенно ясно, чётко, определённю;

8. Символическое обозначение явления

1. голубая мечта – заветная мечта, часто недостижимая цель;
2. зелёная волна – автоматическая система, режим светофорного регулирования, обеспечивающие оптимальный режим транспортного движения в городе давать/ дать;
3. зелёная улица – свободный путь открывать/ давать /открывать зеленую улицу – устранять препятствия, задержки, мешающие осуществлению чего-л.; давать возможность осуществить что-л.;
4. зелёный свет – позволять или способствовать беспрепятственному осуществлению чего-л.;
5. синяя птица – счастье;

9. Обозначения

1. белая горячка – алкогольный психоз;
2. белый билет – освобождение от воинской службы;
3. зелёная граница – термин, используемый для характеристики части границы государства между пунктами пропуска;
4. красная нить – идея, пронизывающая все произведение;
5. красная строка – первая строка абзаца, характеризующаяся сдвигом от левого, красивая строка;

10. Артефакты, рукотворные объекты

1. белая баня – баня, имеющая печь с дымоходом, выведенным через крышу;

2. белая изба – изба, отапливаемая печью с дымоходом;
3. белый лебедь – денежная купюра достоинством в сто рублей;
4. голубой экран – экран телевизора;
5. зелёная бумажка – трёхрублёвый кредитный билет, денежный знак;
6. красная бумажка – десятирублевый денежный знак;
7. красный билет – десятирублевый денежный знак;
8. красный косач – денежная ассигнация достоинством в 1000 рублей;
9. красный товар – ткани, мануфактура;

10. синенькая бумажка – пятирублёвый денежный знак;
11. чёрный ящик – устройство в самолёте;
12. красный двор – барский двор;

11. Религия

1. белое воскресенье – первое воскресенье после Пасхи;
2. белое духовенство – в православии общее название низших (не монашествующих) священнослужителей (священники, дьяконы) в отличие от черного духовенства (высшего);
3. чёрное духовенство – в православии монашествующее духовенство;

12. Спорт

2. Черный пояс
3. Красный пояс
4. Желтая карточка – в футболе

